

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БОГОСЛОВСКИЙ
СБОРНИК
ТАМБОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ**

№ 4 (13) 2020

Тамбов

УДК 281.93
ББК 86.372.24–6
Б74

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви

ИС Р21-020-0532

Б74   **Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии:**
науч. журн. / Тамб. духов. семинария. – Тамбов : ООО «ТПС»,
2020. – № 4 (13). – 220 с.

В выпуск № 4 (13) научного журнала «Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии» вошли статьи, в которых изложены результаты научных исследований преподавателей и магистрантов семинарии, а также участников III Международной научно-практической конференции (05–06 октября 2020 г.) «Православный взгляд на современный мир: проблемы и перспективы».

Публикации охватывают широкий круг вопросов, связанных с историей Церкви, развитием церковно-государственных отношений, актуальные темы богословия и философии, православной антропологии и педагогики, филологии. Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам духовных и светских вузов, а также всем интересующимся историей Церкви и богословскими науками.

ISSN 2687-072X

УДК 281.93
ББК 86.372.24–6

© Тамбовская духовная семинария, 2020
© ООО «ТПС», 2020

SCIENTIFIC JOURNAL

**THEOLOGICAL
COLLECTION
OF TAMBOV
THEOLOGICAL
SEMINARY**

No. 4 (13) 2020

Tambov

Recommended for publication
by the Publishing Council of the Russian Orthodox Church

Theological Collection of Tambov Theological Seminary:
Scientific Journal / Tambov Theological Seminary. – Tambov :
OOO «TPU», 2020. – No. 4 (13). – 220 p.

Issue 4 (13) of the scientific journal “Theological Collection of Tambov Theological Seminary” includes articles that present the results of scientific research carried out by teachers and postgraduate students of the Seminary, as well as participants of the III International Scientific and Practical Conference (05–06 October 2020) “Orthodox View of the Modern World: Problems and Prospects”.

The publications cover a wide range of issues related to the history of the Church, the development of relations between the Church and the state, highly topical issues of theology and philosophy, Orthodox anthropology and pedagogy, and philology. The issue is addressed to scientists, professors, PhD students, graduate students, students of theological and secular universities, as well as all those interested in history of the Church and theological sciences.

ISSN 2687-072X

© Tambov Theological Seminary, 2020
© OOO «TPU», 2020

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор	Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), доктор теологии, кандидат богословия, ректор Тамбовской духовной семинарии
Заместитель главного редактора	Грудинина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, проректор по научной работе Тамбовской духовной семинарии
Секретарь	Сысоева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая сектором заочного обучения, заведующая кафедрой филологии Тамбовской духовной семинарии
Технический редактор	Сергеева Елена Михайловна, редактор сайта Тамбовской духовной семинарии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Священник Виталий Щербаков, магистр религиоведения, первый проректор Тамбовской духовной семинарии

Алленова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе Тамбовской духовной семинарии

Евтихий Петр Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий церковно-практической кафедрой Тамбовской духовной семинарии

Ряховская Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой богословия, библеистики и философии Тамбовской духовной семинарии

Священник Николай Киреев, кандидат экономических наук, научный сотрудник Тамбовской духовной семинарии

Зусман Юрий Андреевич, кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры филологии Тамбовской духовной семинарии

Булдыгина Светлана Викторовна, заведующая библиотекой Тамбовской духовной семинарии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), доктор теологии, кандидат богословия, ректор Тамбовской духовной семинарии

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин), доктор исторических наук, кандидат богословия, Председатель Издательского Совета Русской Православной Церкви, ректор Калужской духовной семинарии

Медведев Николай Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Факультета истории, мировой политики и социологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина»

Ильин Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Тамбовского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Налетова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина»

Безукладова Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, начальник Управления международных связей по работе с иностранными студентами ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина»

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина»

Сорокина Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики Факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина»

Протоиерей Виктор Лисюнин, кандидат богословия, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой церковной истории Тамбовской духовной семинарии

Диакон Антоний Дик, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина», старший преподаватель кафедры церковной истории Тамбовской духовной семинарии

Орлова Вера Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент

Игумен Пимен (Семилетов), кандидат богословия, старший преподаватель кафедры богословия, библеистики и философии Тамбовской духовной семинарии

EDITORS OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief	Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Doctor of Theology Rector of Tambov Theological Seminary
Deputy Editor-in-Chief	Elena V. Grudinina PhD in Philology Vice-rector for Research Tambov Theological Seminary
Editorial Assistant (Secretary)	Svetlana V. Sysoeva PhD in Philology Head of the Extramural Studies Division Head of the Philology Department Tambov Theological Seminary
Technical editor	Elena M. Sergeeva Editor of the Tambov Theological Seminary website

EDITORIAL BOARD

Vitaly Shcherbakov, Priest, Master of Religion Studies, First Vice-Rector, Tambov Theological Seminary

Inna V. Allenova, PhD in History, Vice-Rector for Academic Affairs, Tambov Theological Seminary

Petr N. Evtikhiev, PhD in Pedagogy Associate Professor, Head of the Church and Practical Department, Tambov Theological Seminary

Tatiana V. Ryakhovskaya, PhD in Philosophy, Head of the Theology Department, Tambov Theological Seminary

Nikolai N. Kireev, Priest, PhD in Economics, Research Fellow, Tambov Theological Seminary

Yuri A. Zusman, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Tambov Theological Seminary

Svetlana V. Bulygina, Head of the Library, Tambov Theological Seminary

EDITORIAL COUNCIL

Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo, Doctor of Theology, Rector of Tambov Theological Seminary

Kliment (Kapalin), Metropolitan of Kaluga and Borovsk, Doctor of History, PhD in Theology, Chairman of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Rector of Kaluga Theological Seminary

Nikolai V. Medvedev, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, World Politics and Sociology, Derzhavin Tambov State University

Aleksei Yu. Ilin, Doctor of History, Professor, Director of Tambov Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Irina V. Naletova, Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Derzhavin Tambov State University

Irina Yu. Bezukladova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the International Relations Department, Derzhavin Tambov State University

Lyudmila Ye. Khvorova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Journalism, Derzhavin Tambov State University

Natalia V. Sorokina, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and World Literature, Journalism; Faculty of Philology and Journalism, Derzhavin Tambov State University

Viktor Lisyunin, Archpriest, PhD in Theology, PhD in History, Head of the History Department, Tambov Theological Seminary

Antony Dik, Deacon, PhD in History, Associate Professor, Head of the Theological Department, Derzhavin Tambov State University

Vera D. Orlova, PhD in History, Associate Professor

Pimen (Semiletov), Hegumen, PhD in Theology, Associate Professor, Department of Theology, Tambov Theological Seminary

СОДЕРЖАНИЕ

Богословие и философия

Каширина Варвара Викторовна

Духовные основы государства в системе взглядов святителя
Феофана Затворника 14

Медведев Николай Владимирович, Бородуля Алла Анатольевна

Восприятие Родины как моральной ценности 27

Священник Алексей Николаевич Злобин

Аспекты пастырского богословия в проповеднической
деятельности духовенства Тамбовской епархии
в 60-е годы XIX века 39

История Церкви

Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев Сергей Иванович)

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий): тамбовское наследие
и наследники..... 52

Протоиерей Владимир Александрович Сергунин

Монашество в киновных монастырях: духовный опыт
предшественников и современников святителя Феофана
Затворника 60

Протоиерей Виктор Федорович Лисюнин

Дневники В. Т. Гроздова как источник изучения темы служения
святителя Луки (Войно-Ясенецкого) на Тамбовской земле
в годы Великой Отечественной войны 80

Протоиерей Александр Витальевич Берташ

Князь С. В. Шаховской и церковно-государственные отношения
в Эстляндии при императоре Александре III 110

Православная педагогика и антропология

Шуняева Вера Анатольевна

Роль Русской Православной Церкви в профилактике преступности
несовершеннолетних 132

Евтихий Петр Николаевич

Антропологический подход святителя Феофана Затворника
и К. Д. Ушинского к воспитанию человека 145

Священник Вадим Валерьевич Марасов

Тема духовно-нравственного воспитания в проповедях
протоиерея Иоанна Кобякова, клирика Тамбовской епархии
конца XIX – начала XX веков 157

Бондаренко Василий Николаевич

Отношение врачей и студентов-медиков к смерти и эвтаназии
в зависимости от их религиозных взглядов и степени
воцерковленности 168

*Филология***Грудинина Елена Валерьевна**

Тема крестоношения в творении святителя Феофана Затворника
«Три слова о несении креста» 182

Волкова Анна Геннадьевна

Богослужебная поэтика лирики серебряного века: опыт
интертекстуального анализа 194

Безукладова Ирина Юрьевна

К вопросу о формировании языковой идентичности в немецком
лингвокультурном сообществе 207

Список сокращений 219

CONTENTS
*Theology and Philosophy***Varvara V. Kashirina**

Spiritual foundations of the state in the system of views of Saint
Theophan the Recluse 14

Nikolai V. Medvedev, Alla A. Borodulia

Perception of the Motherland as a moral value 27

Alexy N. Zlobin, Priest

Aspects of pastoral theology in the preaching activity
of the clergy of the Tambov diocese in the 1860s 39

*History of the Church***Feodosy (Sergey I. Vasnev), Metropolitan**

Saint Luke (Voyno-Yasenetsky): Tambov heritage and successors 52

Vladimir A. Sergunin, Archpriest

Monks in cenobium monasteries: spiritual experience
of predecessors and contemporaries of St. Theophan
the Recluse 60

Viktor F. Lisyunin, Archpriest

V. T. Grozdov's diaries as a source for studying the service
of Saint Luke (Voyno-Yasenetsky) on the Tambov land during
the Great Patriotic War 80

Aleksandr V. Bertash, Archpriest

Prince S. V. Shakhovskoi and relations between Church and state
in Esthonia under Emperor Alexander III 110

*Orthodox Pedagogy and Anthropology***Vera A. Shunyaeva**

The role of the Russian Orthodox Church in preventing juvenile
delinquency 132

Petr N. Evtikhiev

Anthropological approach of Saint Theophan the Recluse
and K. D. Ushinsky to education of people 145

Vadim V. Marasov, Priest

The subject of spiritual and moral education in the sermons
of archpriest Ioann Kobayakov, cleric of the Tambov diocese
of the late 19th – early 20th centuries 157

Vasily N. Bondarenko

Attitude of doctors and medical students to death and euthanasia
depending on their religious views and involvement
in religious life 168

*Philology***Elena V. Grudinina**

The theme of bearing the cross in the work by Saint Theophan
the Recluse “Three Words on the Cross Bearing” 182

Anna G. Volkova

Liturgical poetics of Russian Silver Age: experience of intertextual
analysis 194

Irina Yu. Bezukladova

On the formation of language identity in the German
linguocultural community 207

List of abbreviations 219

**БОГОСЛОВИЕ
И ФИЛОСОФИЯ**

УДК 2-3

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ СЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

Каширина Варвара Викторовна

доктор филологических наук,

профессор кафедры Основ

гражданственности

ФГБОУ ВО «Российская академия

живописи, ваяния и зодчества

Ильи Глазунова»

E-mail: kog@glazunov-academy.ru

Для цитирования: Каширина В. В. Духовные основы государства в системе взглядов святителя Феофана Затворника // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 14–26.

Аннотация

В статье рассматривается система взглядов святителя Феофана Затворника по вопросам государственного и церковного устройства. По мнению святителя, состав как человеческого, так и государственного организма имеет четкую иерархичную структуру, где дух занимает самое высшее, главенствующее положение. При утрате духовного начала государственный организм, как и человеческий, постепенно ослабляется, деградирует и умирает.

Ключевые слова: Святитель Феофан, Затворник Вышенский; государство; структурность; богословие.

Взгляды святителя на проблемы государственного устройства сформировались в середине – второй половине XIX в., в эпоху существенных преобразований в общественной, политической, экономической сферах, в эпоху так называемой «весны народов» и «великих реформ».

Одна из характерных особенностей богословия святителя Феофана – это системность, выражающаяся в системном и структурированном подходе к рассмотрению и анализу вопросов, а также ясность и четкость изложения своего мнения.

Именно эта специфика позволяет, с одной стороны, обобщив взгляды святителя по определенным вопросам, включить их в общую систему его мировоззрения, с другой стороны, представляя общую систему, иметь возможность включить в нее и пояснить отдельные высказывания и мысли святителя.

Структура человеческой природы и государственного устройства

Специфика взглядов святителя Феофана Затворника на состав человеческой природы как трихотомиста обуславливает и специфику его взглядов на природу государственного устройства, в структуре которого он выделяет телесную (или материальную) и духовную стороны.

Согласно дихотомическому воззрению, человек двусоставен, т. е. состоит из материального тела и нематериальной души. Согласно трихотомическому – человек трехсоставен, т. е. состоит из духа, души и тела. Известные полемисты по вопросу о природе души и ангела, святитель Игнатий (Брянчанинов) и святитель Феофан Затворник, были представителями двух различных направлений трихотомизма: святитель Феофан – сторонником нематериально-душевной, святитель Игнатий – материально-душевной теории. Святитель Феофан душу и дух относил к области духовной, не вещественной. Святитель Игнатий считал, что душа человека материальна, телесна, вещественна. Анализируя их взгляды, архиеп. Пимен (Хмелевский) отмечал, что святитель Игнатий считал, что «тварные духи (души) – материалы, вещественны, хотя их материальность и очень тонкая в отличие от прочих предметов вещественного мира, имеющих материальность грубую. <...> душа – это некоторая тонкая, эфирная, нежная копия человеческого тела». Святитель Феофан утверждал, что «дух, душа, ангел – безусловно не вешественны, не состоят ни из каких материальных частиц. <...> Душу нельзя измерить, взвесить, ощутить» [4, с. 96].

Эти положения двух святителей во многом объясняются расхождением их мнений по вопросу о природе души и ангела. Речь идет о сочинениях святителя Игнатия «Слово о смерти» (1863) [3] и «Прибавление к Слово о смерти» (1864) [2], в которых излагалось учение об особой тонкой телесности природы души и ангела,

а обладающим свойством духовности естества он признавал только Бога. Святитель Феофан в богословско-полемиическом труде «Душа и ангел – не тело, а дух. Против брошюр «Слово о смерти» и «Прибавление к ”Слову о смерти“» [6] обосновал свою точку зрения о полной бестелесности души и ангелов.

Анализу мнений святителей Феофана и Игнатия по вопросу о природе души и ангела посвящено достаточно много исследований, в данной статье важно подчеркнуть, что они как трихотомисты рассматривали человеческую природу структурно, выделяя в ней дух, душу и тело.

Такой же структурный подход наблюдается и при анализе государственного организма. Как у человека, по мнению святителя Феофана, дух «знает Бога, боится Его, старается угождать Ему, ревнует о спасении души и готовится к вечности» [9, с. 52], а телесная сторона заботится о материальных вещах, так и в государстве духовную сторону составляет «св. вера со всеми своими спасительными действиями и учреждениями, вещественную – все способы внешнего благосостояния: земледелие, промышленность, искусства и проч.» [9, с. 52].

В системе взглядов святителя Феофана Затворника важно отметить этот принцип подобия, параллелизма в подходе к анализу устройства, жизненного функционирования и развития человеческой личности и государства.

Единый организм

Государство, как и человек, по мысли святителя Феофана, – это единый организм, все части или члены которого, выстроенные по порядку или по иерархии, взаимосвязаны и функционируют в тесном взаимодействии.

«Состав естества человеческого» [11, с. 279] имеет иерархичную структуру – это дух, душа и тело, как отмечал святитель, «дух в Боге, под его управлением – душа, под тем и другою – тело» [11, с. 296].

Обозначим основные понятия «естества человеческого».

«Тело – наш животно-растительный организм, со всеми его отправлениями и потребностями;

Душа – начало тех внутри нас сознательных явлений, кои начинаются чувственными восприятиями, влечениями и ощущениями

и оканчиваются научными построениями, многообъятными начинаниями и предприятиями, произведениями вкуса;

Дух – орган Богообщения, Бога сознаящая, Бога ищущая и Богом живущая сила. Существенные черты его – сознание и свобода, движущие его начала суть: вера в Бога, чувство всесторонней зависимости от Него и уверенность в Нем» [11, с. 295].

Точно так же и общество, по мысли святителя Феофана, «есть тело. Дело жизни в теле разделено между многими членами и поддерживается взаимодействием их стройным, верным, непрерывным. И дело жизни общественной разделено между многими, и только согласным и верным действием ее частей может созидаться общее благоденствие» [7, с. 515].

Используя метод подобия, предложенный святителем, мы можем говорить о том, что государственное устройство, как и человеческое естество, строится по иерархическому принципу, то есть с решительным преобладанием духовной стороны над материальной. Дух имеет высшее и самое важное значение как животворный «источник и родник» [11, с. 295]. Забвение духовной стороны ведет к деградации общества, ибо «бич народа и окончательный подрыв всех основ его благоденствия <...> – охлаждение духа ревности ко св. вере и Богоугодной жизни» [9, с. 48].

Духовная основа человека и общества

Определив состав и иерархическую структуру человеческого естества и государственного устройства, святитель определяет дух человека как «силу, которую вдохнул Бог в лицо человека, завершая сотворение его» [12, с. 36], поэтому дух – это «есть то дыхание жизни Богоподобной, которое вдохнул Бог при творении в первозданного. Сочетавшись в человеке с душою животною, оно претворило ее в душу человеческую» [11, с. 295–296].

Дух – это «высшая сторона человеческой жизни, сила, влекущая его от видимого к невидимому, от временного к вечному, от твари к Творцу, характеризующая человека и отличающая его от всех других живых тварей наземных» [12, с. 42]. В духе человек жив, в духе он соединяется с небесным, реализует высшее свое предназначение.

В государстве и обществе духовная сторона также является основой, фундаментом, который из отдельных людей делает общество, сохраняет и передает из века в век традиции народа.

Апостол заповедал не угашать духа (ср.: Еф. 5, 19), ибо дух животворит. Святитель писал, что если «вы погасите дух», то «человек стал не человек» [12, с. 50], – т. е. перестал быть образом Божиим, живым существом, в которого, как написано в книге Бытие, Господь «вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7).

Телесная смерть человека прекращает жизнь телесную, «со входом греха в человека подсекается корень внутренней жизни, – жизни духа, которая из Бога» [10, с. 169]. А когда нет корня, то не будет не только плодов, не будет и жизни, как пишет святитель: когда «свет жизни духовной совсем наконец погасает», одновременно «вянет и телесная жизнь от нарушения целостности жизни человеческой и пресечения должных ее отношений к верховному источнику бытия и жизни» [10, с. 170].

С точки зрения государственного устройства, дух как основа любой личности должен «проникать» и общество, «по естественному назначению человек должен жить в духе, духу подчинять и духом проникать все душевное, а тем паче телесное – а за ними и все свое внешнее, то есть жизнь семейную и общественную. Се – норма!» [12, с. 53].

Духовная брань

Как в жизни внутренней, духовной, христианской предстоит духовная брань, точно так же и на уровне общественной жизни.

В послания к Ефессянам (2, 2) сказано о духе, который водительствоует «сынами противления», действующими «по веку мира сего, по князю власти воздушных».

В толковании на этот апостольский стих святитель Феофан отмечает, что сыны противления – это «упорные противники Евангельской истине» [10, с. 169]. Очень хорошо семантика этого славянского слова раскрывается через греческое слово ἀπειθείας, т. е. «сыны неубежденности, которых ничем не убедишь. Что им ни говори, они упорно противостоят всякому убеждению и всякой очевидности. Но неубеждение в одном предполагает противоубе-

ждение в другом» [10, с. 177]. Противоположное Христу и Евангельской истине «сыны противления», как отмечал еще свт. Иоанн Златоуст, принимают от сатаны «не насильно, не тирански как-нибудь, но чрез убеждение» [10, с. 177].

Если в обществе отрицаются и порицаются духовные основы, дух Христов и Евангельский, то на это место приходит «дух мира», который святитель Феофан определяет следующим образом:

1) «Дух мира есть дух вражды на Бога» [9, с. 219].

2) «Дух мира есть дух взаимного между людьми охлаждения, разделения и враждования, в противоположность искреннему и глубокому единению, долженствующему царствовать между истинными христианами» [9, с. 222].

3) «Дух мира есть дух всесторонних похотствований» [9, с. 224].

4) «Дух мира, наконец, есть дух гонения и преследования всего святого, небесного и божественного» [9, с. 225].

Когда начинает распространяться и господствовать разрушительный «дух мира», то общество, как и человек, «заболевает», делается слабым и уязвимым, оказывается пораженным «духовными недугами». В области государственной жизни, по мысли святителя Феофана, это:

1) индифферентизм – безразличие в вере;

2) неверие;

3) распространение «множества зловерных учений» [9, с. 22].

Эти «зловерные учения», или религиозно-нравственные недуги, которые поразили русское общество во второй половине XIX в., очень точно определил известный богослов и духовный писатель архиепископ Аверкий (Таушев) в своем труде «Провозвестник кары Божией русскому народу», приуроченном к 70-летию представления святителя Феофана Затворника: «Безверие, нигилизм, беспринципность, отрицание каких бы то ни было религиозно-нравственных устоев, и тут же порой – нездоровое истерическое увлечение крайними сектантскими лжеучениями, спиритизмом, оккультизмом, теософией, черными мессами и т. п. – все это показывало, что русское общество тяжело болеет, что оно заражено тяжелым, трудно-исцелимым недугом, что оно переживает мучительный нравственный кризис» [1, с. 13].

По мысли святителя, одной из язв общества является слепое преклонение перед Западом и бездумное копирование его нравов

и порядков. К середине XIX в., по свидетельству святителя Феофана, в России «образовался класс людей, которые твердят, что все церковное, все христианское есть ветхость, которую надо отбросить, а образование европейское есть обновление, которое следует усвоить» [5, с. 284]. Как современно звучит в настоящее время эта мысль святителя Феофана!

Таким образом, при утрате духовного начала государственный организм, как и человеческий, постепенно ослабляется, теряет свое созидательное назначение, что неминуемо ведет его к деградации и гибели.

Цель общества

Наконец – традиционный русский вопрос: «Что же делать?». Ответ на него содержится в духовном наследии святителя Феофана, который, по замечанию прот. Георгия Флоровского, был «верным и типическим продолжателем отеческой традиции в аскетике и в богословии» [13, с. 395–396]. О духовной жизни святитель непрестанно говорил с преподавательской и церковной кафедры, писал многочисленным адресатам, разработав в итоге целостный и систематический взгляд в области христианской антропологии и сотериологии, отраженный в его знаменитых трудах «Путь ко спасению», «Начертание христианского нравоучения» и др.

В Санкт-Петербургской академии святитель Феофан читал лекции, которые впоследствии вошли в третий и четвертый выпуск «Писем о христианской жизни» (1860), а также в их краткую редакцию – отдельную книгу «Начертание христианского нравоучения» (1891).

В труде «Начертание христианского нравоучения» святитель Феофан определяет цель развития общества как движение ко Христу, по пути исполнения христианских заповедей: «Цель общества – весть человека к цели; цель человека – в Боге, к Богу же идти можно только так, как Он указывает во святой вере. Следовательно, духом общества должна быть единая истинная вера» [7, с. 361].

Врачевство от этих «болезней» – учение Православной Церкви, которое, по слову святителя Феофана, есть «камень, коим испытывается золото» [8, с. 683–684], поэтому «все не согласное с сим

учение» необходимо «отвергать как зло, каким бы титлом благовидным оно ни прикрывалось» [8, с. 684].

Обязанности каждого человека по отношению к государству следующие: «достождолжно *любить*, дорожить им и быть ему преданным по чувству благодарности и благочестию; не только *не замышлять* и не делать ничего ему *во вред* или унижение, но, напротив, всем, чем кто может, *содействовать его благоденствию*, заботиться о нем, иметь его во внимании и то сорадоваться ему, то печалиться о противном; *злое же* всячески *предотвращать* и все узнанное открывать, всем возвещая подозреваемую и прозреваемую опасность; *знать* и хранить *законы его*, охотно им повинуюсь и усердно неся все повинности, не уклоняясь от существующих постановлений; *блюсти характер своего народа*, чтить его, возвышаться до него, защищать его и все добрые отечественные обычаи беспрекословно хранить, а недобрые, тем более нехристианские, стараться искоренять; *ненавидеть, презирать все чужое*, но принимать его только под условием крайней нужды и совершенного согласия со своим духом; *не пристращаться* неразумно *к своему*, но никогда *не быть* к нему *холодным*, оставлять же его не иначе как когда указано будет, что оно чуждо духа нашего и есть сам собою вкравшийся недостаток, как нарост» [7, с. 515–516].

Здесь отчетливо звучит мысль вышенского затворника, которая актуальна и поныне, о необходимости быть чутким к нововведениям и решительно противиться тем из них, которые чужды характеру, духу народа, сформированному тысячелетиями.

Святитель Феофан последовательно проводит мысль о неразрывной связи аскетического делания и духовного совершенствования отдельного человека с соборным деланием всей Церкви. Как отмечает протоиерей Павел Хондзинский, по мнению святителя Феофана, «с одной стороны, каждый христианин есть “сокращенная Церковь”, ибо имеет все, что имеет Церковь <...>, однако, с другой, – он имеет это только постольку, поскольку связан с Церковью, поскольку в него входит “жизнь и сила Церкви”» [14, с. 55].

Гражданская позиция самого святителя проявляется в постоянном призыве к церковным пастырям и всем христианам не быть теплохладными, равнодушными, но посильно оказывать противодействие распространяющемуся неверию: «Пусть никто не огова-

ривается: что я как частный человек могу сделать? Ничего особенного не требуется. Будь только всякий истинным сыном Церкви, образуй себя по духу Ее, – и ничто противное сему духу не водворится среди нас. <...>» [9, с. 200–201].

Краткие выводы

1. Система взглядов святителя Феофана по вопросам государственного и церковного устройства четко структурирована, рассматривается в сотериологическом аспекте и вписана в систему его богословских взглядов.

2. Состав как человеческого, так и государственного организма имеет четкую иерархичную структуру, где дух занимает самое высшее, главенствующее положение. Трехчастная природа человека сопоставляется с государственным устройством, которое, подобно человеку, имеет духовную и телесную (или материальную) сторону. Как в области антропологии святитель посвящает большинство своих трудов духовно-нравственным вопросам, т. е. пишет о человеческом духе и душе, так и в области государственного устройства он сосредоточивает свое внимание на вопросах его духовной организации.

3. При забвении духовной стороны государственного устройства в нем развиваются такие «духовные недуги», как индифферентизм – безразличие в вере; неверие; «множество зловредных учений».

4. Развитие и совершенствование духовной стороны государственного устройства связано с функционированием и развитием как всего общества, так и отдельного его гражданина. При утрате духовного начала государственный организм, как и человеческий, постепенно ослабляется, деградирует и умирает.

5. Поэтому целью общества и государства должно быть развитие не только материальных основ, что чрезвычайно важно, но и духовных. Это как два крыла у птицы, которые необходимы, чтобы воспарить в Небо.

Список литературы

1. *Аверкий (Таушев), архиеп.* Провозвестник кары Божией русскому народу : к 70-летию преставления епископа Феофана Затворника / архиепископ Аверкий (Таушев). – Jordanville, 1964. – 30 с.

2. *Игнатий Брянчанинов, свт.* Прибавление к Слову о смерти : взгляд на мнение западных о духах, аде и рае, и особо дополнительные свидетельства (цитаты) о местонахождении ада и рая / сост. Игнатием, епископом, жительствующим на покое в Никола-Бабаевском монастыре Костромской епархии. – Санкт-Петербург : тип. И. И. Глазунова, 1864. – 64 с.

3. *Игнатий Брянчанинов, свт.* Слово о смерти, составленное Игнатием, бывшим епископом Кавказским и Черноморским, ныне пребывающим на покое в Николаевском Бабаевском общежительном монастыре, Костромской епархии. – Санкт-Петербург : В. Асоченский, 1862 [на обл. 1863]. – 144 с.

4. *Пимен (Хмелевский), архиеп.* Всегда с Богом / под ред. В. А. Динеса ; сост. А. А. Яковлев. – Саратов : Летопись, 2000. – 222 с.

5. *Феофан Затворник, свт.* Ветшание и обновление // Феофан Затворник, свт. Созерцание и размышление : краткие поучения / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2007. – С. 282–285.

6. [*Феофан Затворник, свт.*] Душа и ангел – не тело, а дух : против брошюр: «Слово о смерти» и «Прибавление к ”Слову о смерти”». – Тамбов : Тип. А. А. Студенецкого, 1867. – [2], III, 182, III с.

7. *Феофан Затворник, свт.* Начертание христианского нравоучения / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 1998. – 526 с.

8. *Феофан Затворник, свт.* Слова к Владимирской пастве пресвященного Феофана. – Владимир : Тип. Губ. правления, 1869. – VIII, 684 с.

9. *Феофан Затворник, свт.* Слова Санкт-Петербургской духовной академии ректора архимандрита Феофана. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1859. – II, 328 с.

10. *Феофан Затворник, свт.* Толкование апостола Павла к ефесянам / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2004. – 644 с.

11. *Феофан Затворник, свт.* Толкования посланий апостола Павла к солунянам, к Филимону, к евреям / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2005. – 624 с.

12. *Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться : собр. писем / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2009. – 336 с.

13. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия / протоиерей Георгий Флоровский. – Париж : YMKA-PRESS, 1983. – 603 с.

14. *Хондзинский П., прот.* Новозаветная экклесиология святителя Феофана Затворника / протоиерей Павел Хондзинский // Христианское чтение. – 2016. – № 3. – С. 49–61.

UDC 2-3

SPIRITUAL FOUNDATIONS OF THE STATE IN THE SYSTEM OF VIEWS OF SAINT THEOPHAN THE RECLUSE

Varvara V. Kashirina

Doctor of Philology, Professor

Civics Department

Ilya Glazunov Russian Academy of
Painting,

Sculpture and Architecture

E-mail: kog@glazunov-academy.ru

For citation: Kashirina V.V. Spiritual foundations of the state in the system of views of Saint Theophan the Recluse // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 14–26. (in Russian)

Abstract

The article examines the system of views of Saint Theophan the Recluse on issues of state and Church structure. According to the Saint, the composition of both the human and the state organism has a clear structure, where the spirit occupies the highest dominant position. With the loss of the spiritual principle, the state organism, like the human one, gradually weakens, degrades and dies.

Keywords: St. Theophan the Recluse; state; structure; theology.

References

1. *Averky (Taushev), Archbishop*. Provozvestnik kary Bozhiei russkomu narodu : k 70-letiyu prestavleniya episkopa Feofana Zatvornika [Herald of the punishment of God to the Russian people : to the 70th anniversary of the repose of Bishop Theophan the Recluse]. Jordanville, 1964, 30 p. (in Russian)

2. *St. Ignatius Brianchaninov*. Pribavlenie k Slovu o smerti : vzglyad na mnenie zapadnykh o dukhakh, ade i rae, i osobo dopolnitel'nye svidetel'stva (tsitaty) o mestonakhozhdenii ada i raya [Addition to the Word of death: a look at the western opinion about spirits, hell and paradise, and especially additional testimonies (quotes) about the location of hell and paradise]. Saint Petersburg, I.I. Glazunov printing house Publ., 1864, 64 p. (in Russian)

3. *Saint Ignatius Brianchaninov*. Slovo o smerti, sostavlennoe Ignatiem, byvshim episkopom Kavkazskim i Chernomorskim, nyne prebyvajushhim na pokoe v Nikolaevskom Babaevskom obshhezhitel'nom monastyre, Kostromskoj eparhii [The word of death, compiled by Ignatius, former Bishop of the Caucasus and Black sea, now at rest in the Nicholas Babaevsky cenobitic monastery, Kostroma diocese]. Saint Petersburg, V. Askochensky Publ., 1862 (on the cover 1863), 144 p. (in Russian)

4. *Pimen (Khmielevsky), Archbishop*. Vsegda s Bogom [Always with the God]. / Edited by V. A. Dines; compiled by A. A. Yakovlev. Saratov, Letopis Publ., 2000, 222 p. (in Russian)

5. *Saint Theophan the Recluse*. Sozertsanie i razmyshlenie : kratkie poucheniya. (Vetshanie i obnovlenie) [Contemplation and reflection: Brief teachings. (Dilapidation and renewal)]. Moscow, Pravilo very Publ., 2007, pp. 282–285 (in Russian)

6. *Saint Theophan the Recluse*. Dusha i angel – ne-telo, a dukh: – protiv broshur: “Slovo o smerti” i “Pribavlenie k 'Slovu o smerti” [The Soul and the angel are not the body, but the spirit. Against the pamphlets “The Word of death” and “Addition to the “Word of death”]. Tambov, A. A. Studenetski printing house Publ., 1867, 182 p. (in Russian)

7. *Saint Theophan the Recluse*. Nachertanie khristianskogo nravoucheniya [The outline of Christian moral teaching]. Moscow, Pravilo very Publ., 1998, 526 p. (in Russian)

8. *Saint Theophan the Recluse*. Slova k Vladimirskoi pastve preosvyashchennogo Feofana [Address to the Vladimir congregation of His Grace Theophan]. Vladimir, Tipografiya gubernskogo pravleniya Publ., 1869, 684 p. (in Russian)

9. *Saint Theophan the Recluse*. Slova Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii rektora arkhimandrita Feofana [Address to Saint Petersburg Theological Academy by the rector Archimandrite Theophan]. Saint Petersburg, 1859, 328 p. (in Russian)

10. *Saint Theophan the Recluse*. Tolkovanie apostola Pavla k efesyanam [Interpretations of the Epistle of Paul the Apostle to the Ephesians]. Moscow, Pravilo very Publ., 2004, 644 p. (in Russian)

11. *Saint Theophan the Recluse*. Tolkovanie poslaniy apostola Pavla k solunyanam, k Filimonu, k evreyam [Interpretations of the Epistle of Paul the Apostle to the Thessalonians, to Philemon, to the Jews]. Moscow, Pravilo very Publ., 2005, 624 p. (in Russian)

12. *Saint Theophan the Recluse*. Chto est' dukhovnaya zhizn' i kak na nee nastroit'sya : sobranie pisem [What is spiritual life and how to tune in to it: a collection of letters]. Moscow, Pravilo very Publ., 2009, 336 p. (in Russian)

13. *Florovsky G., Archpriest*. Puti russkogo bogosloviya [The ways of Russian theology]. Paris, YMKA-PRESS, 1983, 603 p. (in Russian)

14. *Khondzinsky P., Archpriest*. Novozavetnaya ekklesiologiya svyatitelya Feofana [New Testament ecclesiology of Saint Theophan the Recluse]. Khristianskoye chteniye [Christian reading]. 2016, no. 3, pp. 49–61. (in Russian)

УДК 17.02

ВОСПРИЯТИЕ РОДИНЫ КАК МОРАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ

Медведев Николай Владимирович
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
и методологии науки ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный
университет им. Г. Р. Державина»
E-mail: mnv88@mail.com

Бородуля Алла Анатольевна
кандидат философских наук, доцент,
заведующая кафедрой философии
Белорусского государственного
экономического университета,
Республика Беларусь, Минск
E-mail: alla_minsk@tut.by

Для цитирования: Медведев Н. В., Бородуля А. А. Восприятие Родины как моральной ценности // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 27–38.

Аннотация

Статья посвящена анализу природы морального восприятия родины. Авторы, опираясь на обсуждение Л. Витгенштейном понятия «аспектное видение», раскрывают реальность феномена восприятия родины как моральной ценности, выявляют предпосылки, оказывающие влияние на формирование патриотизма как мировоззренческого принципа. Доказывается, что патриотическое чувство не является врожденным, оно – продукт воспитания и обучения. В результате делается вывод о том, что моральное восприятие родины есть концептуально насыщенное восприятие, оно делает личность духовно зрячей и более рассудительной.

Ключевые слова: Родина; патриотизм; моральное восприятие; видение аспекта; духовный опыт; воспитание; обучение.

Введение

Патриотизм является одним из главных элементов мира моральных ценностей и одним из главных его устоев. Вопрос о том, какова природа морального восприятия человеком своего отечества, находится в центре внимания философии. По словам русского мыслителя И. А. Ильина: «Есть на свете предметы, которые можно воспринять только глазом (напр., свет или цвет); есть такие предметы, которые доступны только уху и слуху (напр., звук, пение, музыка); подобно этому есть предметы, которые могут быть восприняты, пережиты и приобретены только любовью (будь то любовь чистого инстинкта или любовь, прокаленная духом). К таким предметам принадлежит и родина» [5, с. 218]. И. А. Ильин утверждает, что люди способны воспринимать «родину» как моральную ценность так же, как они воспринимают, например, бескорыстное действие, справедливый поступок или добродушную, приветливую улыбку другого человека. Несмотря на то что такие предметы действительно воспринимаются нами, отдельные философы настаивают на том, что моральное восприятие вовсе не является формой восприятия, потому что между моральным восприятием (к примеру, видением несправедливости) и другими видами восприятия (скажем, видением очертаний предмета) имеются существенные различия. Критики этого понятия заявляют о том, что невозможно привести примеры аморального восприятия, которое было бы аналогично случаям морального восприятия, а потому всякий разговор о восприятии моральной ценности оказывается бессмысленным. Такой подход ставит под сомнение реальность феномена морального восприятия родины, основанного на живом опыте личности, и, в конечном итоге, ведет к отрицанию патриотизма как моральной ценности. Поэтому преодоление нигилистической установки относительно возможности морального воззрения является сегодня актуальной задачей философии. Целью исследования является обоснование реальности феномена восприятия родины как моральной ценности. Для достижения данной цели нам необходимо проанализировать природу морального восприятия, а также выявить предпосылки, оказывающие влияние на формирование патриотизма как мировоззренческого принципа.

Аналогия между восприятием ценности и восприятием цвета

Нередко восприятие ценности сравнивают с восприятием цвета. Однако такая аналогия ошибочна, поскольку моральное восприятие, в отличие от восприятия цвета, включает в себя активный элемент. Разница между цветом и моральной ценностью заключается в том, что цвет объективно задает возможную реакцию на него субъекта, тогда как в отношении моральной ценности предсказать определенность ответного поведения личности крайне сложно. Предположим, что перед нами располагается предмет белого цвета. Разумеется, мы не будем пытаться воспринимать его так, будто он имеет черный цвет (да, это физически невозможно), к тому же у нас нет веских причин пытаться это сделать. Обращенное к нам указание: «Ну а теперь попробуйте посмотреть на этот белый предмет так, как будто он имеет черный цвет», – скорее всего, будет воспринято нами как бессмысленный призыв. Человек не может воспринимать белый предмет как черный. Теперь давайте сравним восприятие цвета с восприятием моральной ценности, в нашем случае с восприятием родины. Здесь уместно привести высказывание тамбовского ученого Н. М. Аверина: «Чувство любви к родине у разных людей окрашено в совершенно различные идейно-нравственные тона» [1, с. 9]. И хотя это чувство открыто и доступно всем, но формы его проявления в реальной жизни характеризуются противоречивым многообразием. Так, сначала нас могут аргументированно убеждать воспринимать отдельные события из истории своей страны как героические и славные, а спустя некоторое время, после радикальной смены государственно-политического курса, постараются переубедить и предложить смотреть на события прошлого под иным углом зрения. Подобная метаморфоза произошла в случае с участниками восстания 14 декабря 1825 года, которых в советскую эпоху почитали как истинных патриотов, борцов за освобождение народа от социального угнетения, а в постсоветский период стали изображать, как это было уже в XIX веке, государственными преступниками. Несомненно, «высокая политизированность патриотико-воспитательного дискурса <...> наносит вред делу патриотического воспитания» [4, с. 267]. Приведенный выше пример указывает на сложность и

многоаспектность затрагиваемой в статье проблемы. На наш взгляд, пролить свет на природу морального восприятия помогает обсуждение Л. Витгенштейном (1889–1951) понятия «видение аспекта» (*aspect seeing*), которое представлено в его поздних работах «Философские исследования», «Заметки по философии психологии».

Видение аспекта

Отправным пунктом обсуждения Витгенштейном понятия «видение аспекта» является описание следующей ситуации: «Я смотрю на лицо, затем вдруг замечаю его сходство с другим. Я вижу, что лицо не изменилось, и все же вижу его иначе, чем прежде. Этот опыт я называю „заметить аспект“» [3, с. 277]. Философ разбирает два случая употребления слова «видеть». Первый случай употребления слова относится к нашему обычному визуальному опыту, когда мы видим какой-то объект и при этом говорим: «Я вижу *это*». Другой случай употребления слова «видеть» связан со сравнением двух различных явлений или предметов. В повседневной жизни мы сталкиваемся с этим опытом, когда наблюдаем явное сходство между лицами родителей и их детей или сюжетными линиями некоторых кинофильмов, романов и т. п. Во всех подобных опытах видение одного объекта, как правило, служит предпосылкой для видения другого объекта. Что касается опыта «видения аспекта», то с точки зрения Витгенштейна он характеризуется двойственностью. Этот опыт присутствует тогда, когда мы понимаем, что что-то изменилось в предмете, и вместе с тем осознаем, что физически в нем ничто не поменялось. Другими словами, мы понимаем, что изменение произошло не в объективном мире, а в нас самих. Данное наблюдение имеет далеко идущие последствия для нашего обсуждения темы патриотизма как моральной ценности.

Витгенштейн проводит разграничение между понятиями «устойчивое видение» аспекта и «вспышка» аспекта [3, с. 278]. Предположим, говорит он, я смотрю на картину «утка-кролик» и вижу только утку (это – устойчивый аспект). Однако, когда я вдруг смог заметить на этом рисунке кролика, то данный аспект картины как бы «вспыхивает» внутри меня. В этом случае мы уже имеем дело с появлением нового восприятия. «Выражение смены аспекта – это одновременное выражение *нового* восприя-

тия вместе с неизменным восприятием» [З, с. 280]. Разве не то же происходит с нами, когда мы знакомимся с новой интерпретацией поступка исторического героя, способной радикально изменить нашу первоначальную оценку? Изменение аспекта, как правило, сопровождается у человека «восклицианием», которое служит доказательством того, что в его восприятии произошла смена аспекта. Тональность голоса или жесты обычно выражают «высвечивание аспекта» [З, с. 293]. Необычность феномена видения или восприятия открывается нам тогда, когда мы приходим к осознанию, что изображение на картине осталось тем же самым, но изменилось то, что мы могли бы назвать интеллектуальным «улавливанием».

Следует отметить, что в философии Витгенштейна важную роль играет понятие «слепота аспекта». Так, он ставит вопрос: «Возможно ли было бы существование людей, лишенных способности видеть нечто *как нечто* – и во что бы это вылилось. Какие бы имело последствия? <...> Мы склонны назвать его «слепотой к аспекту» [З, с. 300]. Индивид, испытывающий «слепоту к аспектам», будет выражать свое отношение к картинам по-другому. «Слепой к аспектам не способен видеть смену аспектов» [З, с. 300]. Но слепота к аспектам не ограничивается только картинами. Индивид, слепой к аспектам, может оказаться слепым к разнообразным видам духовного опыта. Например, тот, кто не способен правильно оценить и выразить свое отношение к музыкальному произведению, не сможет распознать тонкости и нюансы, которые обычно скрыты от немзыкального слуха. По словам Витгенштейна, «слепота к аспектам родственна отсутствию «музыкального слуха» [З, с. 301].

Значимость понятия «слепота к аспектам» обусловлена его связью с выражениями «видеть аспект» и «переживать значение слова». Витгенштейн формулирует следующий вопрос: «Чего лишен тот, кто не переживает значения слова?» [З, с. 301]. Предположим, мы решили обучить ребенка значению слов «приветливый» или «неприветливый». Мы предполагаем, что остенсивный способ обучения слову является наилучшим, а потому показываем ребенку изображение человеческого лица и произносим вслух фразу: «Это лицо – приветливое» или «Вот это лицо – неприветливое». Зачастую мы склонны считать, что обучение понятию есть просто

обучение правильному наименованию предмета. Мы можем показать ребенку человеческое лицо и назвать его «приветливым», ребенок, в свою очередь, сможет определить приветливое лицо как улыбающееся. Однако далеко не все улыбающиеся лица являются приветливыми. На основе нашего жизненного опыта мы научены тому, что улыбка на лице человека может обозначать и другие, отличные от знаков приветливости свойства, например его доверчивость, снисходительность и даже жестокость. Обсуждая понятие аспектного видения вещей, Витгенштейн говорит следующее: «Допустим, кто-то видит улыбку, не воспринимая ее как улыбку, принимая ее за что-то другое. Видит ли он ее иначе, чем человек, понимающий, что это улыбка? – Например, он ее иначе копирует» [3, с. 283]. И далее: «„Тонкие оттенки поведения“. – Мое понимание музыкальной темы выражается в том, что я насвистываю ее с правильным выражением, – вот один из примеров таких оттенков» [3, с. 293]. В приведенном отрывке Витгенштейн подчеркивает, что человек, понимающий, что такое улыбка, воспринимает ее иначе, нежели тот, кто ее не понимает. Различие обнаруживается в способах копирования улыбки. Здесь мы имеем «тонкие оттенки поведения»; тот, кто понимает улыбку, может, например, имитировать ее, по-разному реагировать на нее в зависимости от сложившейся ситуации. Можно, скажем, в этих тонких оттенках показать свое понимание улыбки как насмешки, угрозы или печали. По словам Р. Монка, «чтобы воспринимать эти аспекты (а следовательно, чтобы юмор, музыка, поэзия и живопись что-то значили), человеку нужна культура» [6, с. 533]. Здесь следует обратить внимание на то, что фоном, располагающимся позади любого видения в аспекте, является особая *история* или *форма жизни* человека. Тот, кто слеп к аспекту, на самом деле слеп к определенной связанной с данным аспектом *форме жизни* или *истории*. Поэтому указания на аспект вовсе не достаточно для того, чтобы человек сумел приобрести тот опыт, который необходим для пробуждения внутри него этого аспекта. Чтобы увидеть вещь в надлежащем аспекте, нужно, чтобы этот аспект открывался человеку постоянно в определенных жизненных обстоятельствах.

Патриотическое восприятие как продукт обучения и воспитания

Какие выводы мы можем извлечь из рассуждений Витгенштейна о видении аспекта при рассмотрении проблемы природы восприятия родины как моральной ценности? Феномен видения у Витгенштейна связан с понятием думания (или понимания). Многообразие жизни определяет многообразие аспектов восприятия одной и той же вещи. Наш угол зрения определяется нашей культурной традицией, нашим воспитанием. Патриотизм как мировоззренческий принцип проявляется в определенном образе действий, комплексе чувств и убеждений, называемом любовью к родине. Данный смысложизненный комплекс вбирает множество ценностных ориентаций и оттенков отношения к действительности: «заботу об интересах и судьбах родной страны, готовность к самопожертвованию ради ее блага, гордость достижениями и исторической славой отечества, переживание за унижение государства и неустройство в жизни народа, благоговейное отношение к религиозным и культурным святыням прошлого» [1, с. 8].

Проанализированный Витгенштейном феномен «видение аспекта» указывает на доступность для всех нас истинного восприятия исторического мира, которое достигается в результате овладения способами употребления слов в различных жизненных ситуациях. Видение и смена аспекта определяют многогранность нашего социального мира, постигаемого через слово. Связь человека с миром, по сути, является лингвистической, язык участвует в реализации того отношения к миру, в границах которого мы живем. «Фактом речи мы держим себя в области смены аспекта. Язык пространство вспышки и границы; им, частью нашего организма, мы выдвинуты в мир, повертывающийся всегда новыми сторонами» [2, с. 428]. Однако в большинстве случаев мы достигаем видения аспекта не путем использования остенсивного метода, а через вовлеченную взаимосвязь с этим аспектом в процессе усложнения, обогащения нашей жизненной формы. Наши способы видения вещей в значительной степени зависят от употребляемых нами слов.

Человека невозможно научить значению слова «патриот», прибегая к остенсивному методу. Только жизненный (духовный) опыт способен научить нас тому, и что значит быть патриотом. Чтобы

распознать подлинный патриотизм, нужно научиться многому, включая все то, что связано с жизненными условиями существования людей. Для того чтобы овладеть конкретными понятиями и словами, требуется определенный уровень согласованности в их определениях. Обучение понятиям предполагает не только согласованность в суждениях, но и единообразие в наших переживаниях, наших реакциях на различные события в мире. Витгенштейн в своих поздних работах пытался донести до нас ключевую мысль о том, что наши общие «формы жизни» гарантируют единообразие в способах переживания мира. «Языковое взаимопонимание», – по его словам, – «достигается не только согласованностью определений, но (как ни странно это звучит) и согласованностью суждений» [3, с. 170]. Поэтому нравственная ценность патриотизма обусловлена общественным признанием и исторической проверкой. У каждого человека складывается свое представление о родине как предмете гордости и привязанности на основе его собственного духовного опыта. Поэтому противоречивое многообразие проявления патриотического восприятия в реальной жизни следует признать объективным фактом. Для того чтобы сформировать активный элемент патриотического восприятия родины, «действительно пробудить в ребенке настоящий патриотизм», нужно, чтобы сам воспитатель был искренним и убежденным патриотом [5, с. 228], он должен быть «нравственным эталоном для своих воспитанников» [4, с. 270], чтобы вызвать в «детской душе эмоциональный отклик» [7, с. 22].

Заключение

Понятие «видение аспекта», разработанное Витгенштейном, помогает нам не только подобрать подходящую аналогию для морального восприятия, но и прояснить, что любовь человека к родине определяется пониманием ее предназначения в мире, ее истории, ее будущего. Этот фактор выступает реальной интеллектуальной предпосылкой возникновения патриотического чувства. Аспектное видение зависит от воли личности, оно образует активный элемент морального восприятия. Вместе с тем моральное восприятие включает в себя и пассивный компонент; это обусловлено тем фактом, что личность не способна выбирать по своему произ-

волу, что ей воспринимать, счастливое или скорбное выражение лица. Существуют важные различия между обучением умению различать цвета, с одной стороны, и обучением нравственным принципам, с другой. Формирование нравственных качеств или патриотического чувства есть процесс, который может длиться всю жизнь, в отличие от обучения, скажем, навыку распознавать различные цвета. Люди, которые сумели воспитать и развить в себе определенные моральные или эмоциональные чувства до исключительно высокой степени, не только видят больше, чем другие, но и понимают больше, они становятся более мудрыми, духовно зрячими. Как отмечал И. А. Ильин, «патриотизм всегда инстинктивен», но не всегда духовен [5, с. 219], но инстинктивный патриотизм, несомненно, ущербен, так как его носитель любит свое отечество без духовной, зрячей любви. Патриотическое чувство (и восприятие) не является естественным даром природы, как способность дышать или видеть окружающий мир; оно есть продукт воспитания и обучения.

Витгенштейн подчеркивал важную роль обучения и воспитания в формировании способности субъекта к аспектному видению. Для того чтобы иметь возможность видеть определенные аспекты, индивиду необходимо овладеть определенными понятиями, он должен достичь определенного уровня интеллектуальной утонченности. По мнению Роберта Ауди, «моральное восприятие доступно практически каждому нормальному человеку, элементарно овладевшему моральными понятиями» [8, р. 121]. По своей сути моральное восприятие оказывается «концептуально насыщенным восприятием», в отличие от некатегоризованного видения, слушания или обоняния. Моральное восприятие есть духовно (интеллектуально) наполненная перцептивная способность [9, р. 360]. Это не означает, что мышление добавляет что-то к тому, что люди видят, или каким-то образом оно изменяет способ видения. Скорее следует утверждать, что развитие навыка морального восприятия открывает то, что невозможно увидеть посредством необученного, невоспитанного восприятия. Таким образом, сформированный перцептивный навык в форме патриотического восприятия позволяет человеку получить ту информацию, которую невозможно получить в случае некультивированного восприятия. Нужно формировать патриотическое сознание детей с помощью

определенных мер, целенаправленно осуществлять нравственное обучение и национальное воспитание: бережно относиться к родному языку, изучать историю отечества, осваивать духовно-нравственный уклад своего народа, его хозяйство, религию, все виды национального искусства.

Список литературы

1. *Аверин, Н. М.* Патриотизм как идея и жизненный выбор / Н. М. Аверин // *Философские традиции и современность*. – 2015. – № 1 (7). – С. 7–18.
2. *Бибихин, В. В.* Витгенштейн : смена аспекта / В. В. Бибихин. – Москва : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 576 с.
3. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы : в 2 ч. / Л. Витгенштейн. – Москва : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 75–319.
4. *Голунов, С. В.* Патриотическое воспитание в России: за и против / С. В. Голунов // *Вопросы образования*. – 2012. – № 3. – С. 258–273.
5. *Ильин, И. А.* Путь к очевидности / И. А. Ильин. – Москва : Республика, 1993. – 431 с.
6. *Монк, Р.* Людвиг Витгенштейн. Долг гения / Р. Монк ; пер. с англ. – Москва : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 624 с.
7. *Турбовский, Я. С.* Патриотизм как государственная идеология : педагогический аспект / Я. С. Турбовский // *Философские науки*. – 2017. – № 10. – С. 7–26.
8. *Audi Robert.* Moral Perception / Audi Robert. – Princeton : Princeton University Press, 2013. – 180 pp.
9. *Schroeder Severin.* A Tale of Two Problems. Wittgenstein's Discussion of Aspect Perception / Schroeder Severin // *Mind, Method, and Morality : Essays in Honour of Anthony Kenny* / John Cottingham and P. M. S. Hacker (eds.) – Oxford : Oxford University Press, 2010. – P. 352–371.

UDC 17.02

PERCEPTION OF THE MOTHERLAND AS A MORAL VALUE

Nikolai V. Medvedev

Doctor of Philosophy, Professor
Head of the Department of Philosophy
and Methodology of Science
Derzhavin Tambov State University
E-mail: mnv88@mail.com

Alla A. Borodulia

Ph. D., Associate Professor
Head of the Department of Philosophy
Belarus State Economic University
Belarus Republic
E-mail: alla_minsk@tut.by

For citation: Medvedev N. V., Borodulia A. A. Perception of the Motherland as a moral value // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 27–38. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the analysis of the nature of the moral perception of the homeland. The authors, relying upon Wittgenstein's discussion of the concept of "aspect vision," reveal the reality of the phenomenon of perception of the motherland as a moral value, identify the prerequisites that influence the formation of patriotism as a worldview principle. It is proved that patriotic feeling is not innate, it is a product of education and training. As a result, it is concluded that the moral perception of the motherland is a conceptually saturated perception, it makes a person spiritually sighted and more reasonable.

Keywords: motherland; patriotism; moral perception; vision of the aspect; spiritual experience; upbringing; training.

References

1. *Averin, N. M.* Patriotizm kak ideya i zhiznennyi vybor [Patriotism as an idea and life choice]. *Filosofskie traditsii i*

sovremennost' [Philosophical traditions and modernity]. 2015, no. 1 (7), pp. 7–18. (in Russian)

2. *Bibikhin, V. V.* Vitgenshtein : smena aspekta [Wittgenstein: change of aspect]. Moscow, St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History Publ., 2005, 576 p. (in Russian)

3. *Wittgenstein, L.* Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations]. Filosofskie raboty : v 2 ch. [Philosophical Works : in 2 parts]. Part 1. Moscow, Gnosis Publ., 1994, pp. 75–319. (in Russian)

4. *Golunov, S. V.* Patrioticheskoe vospitanie v Rossii: za i protiv [Patriotic education in Russia: pros and cons]. Voprosy obrazovaniya [Education Issues]. 2012, no. 3, pp. 258–273. (in Russian)

5. *Ilyin, I. A.* The path to evidence. M. : Republic, 1993. 431 pp.

6. *Monk, R.* Ludwig Wittgenstein. The duty of a Genius. M.: Publishing House "Delo" RANEPА, 2018. 624 pp.

7. *Turbovsky, Y. S.* Patriotism as a State Ideology: pedagogical aspect // Philosophical Sciences. 2017. No. 10. Pp. 7–26.

8. *Audi Robert.* Moral Perception. Princeton: Princeton University Press, 2013. 180 pp.

9. *Schroeder Severin.* A Tale of Two Problems. Wittgenstein's Discussion of Aspect Perception // Mind, Method, and Morality. Essays in Honour of Anthony Kenny. John Cottingham and P.M.S. Hacker (eds.) Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 352–371.

УДК 2-534.4

**АСПЕКТЫ ПАСТЫРСКОГО
БОГОСЛОВИЯ В ПРОПОВЕДНИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДУХОВЕНСТВА
ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ
В 60-Е ГОДЫ XIX ВЕКА**

Священник Алексей Николаевич Злобин
магистр теологии, преподаватель
Тамбовской духовной семинарии,
магистрант кафедры филологии
Московской духовной академии
E-mail: zlobin.a.n@yandex.ru

Для цитирования: Злобин А. Н., свящ. Аспекты пастырского богословия в проповеднической деятельности духовенства Тамбовской епархии в 60-е годы XIX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 39–50.

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты пастырского богословия, связанные с проповеднической деятельностью священнослужителей, которая явилась формой выражения пастырской заботы о чадах Церкви. Рассматриваются конкретные примеры наставления людей в вере и благочестии, имевшие место в истории Тамбовской епархии. Учитывая исторический и богословский опыт, автор заключает, что современная «живая» проповедь должна брать во внимание актуальные явления социальной действительности, предлагая ключ к решению сложных вопросов духовной жизни.

Ключевые слова: проповедничество в Тамбовской епархии; пастырь; проповедь; искажение христианства; духовная жизнь; наставление.

Возвещению Благой вести и передаче христианского учения Церковь всегда отводила особую роль. Пастырская забота о правильной духовной жизни верующих, а также наставление в различных аспектах вероучения, обличение пороков – все это входит в состав основных задач пастырского служения. Их реализация осуществляется различными способами, прежде всего, посредством

тесной взаимосвязи проповеди и личного примера пастыря, то есть слова и дела. Господь наш Иисус Христос, пришедший в мир, чтобы спасти «погибшего Адама», а вместе с ним и весь человеческий род от власти греха, наставлял всех в том, что Он есть истинный Мессия, не только совершением чудес, но и своей проповедью и делами [2]. Так с первых веков христианства, а особенно во времена апостолов и святых отцов, проповедь являлась ключевым предметом пастырской заботы священнослужителей [11, с. 173]. Во все времена Церковь Христова украшалась пастырями, которые проявляли особое усердие в деле проповедничества и учительства. Об этом свидетельствует общецерковная история, а также история Русской Православной Церкви. В рамках данной статьи обратимся непосредственно к проповеднической деятельности на Тамбовской земле.

Христианское просвещение Тамбовского края началось в 1654 году. Просветителем в этот период был архиепископ Рязанский Мисаил, который приводил инородцев к богопознанию [1, с. 8]. Дальнейшее приведение в порядок Тамбовской епархии тесно связано с именем святителя Питирима [3, с. 859], который во все время своего архипастырства непрестанно назидал в вере своих пасомых. Он учил дома, был доступен для всех и со всеми обращался с истинно христианской любовью, но главным образом он проповедовал в храме, в котором вразумлял заблуждающихся, учил верных, а также наставлял духовенство вверенной ему епархии [6, с. 911].

В рассмотрении проповеднической деятельности духовенства Тамбовской епархии особого внимания заслуживают статьи в ежемесячном журнале духовного содержания «Тамбовские епархиальные ведомости».

Основание «Тамбовских епархиальных ведомостей» связано с именем святителя Феофана Затворника. В 1859 году епископ Феофан был назначен на Тамбовскую кафедру. Спустя два года после своего назначения, в 1861 году, ему удалось наладить выпуск епархиального журнала.

Ведомости выходили еженедельно и до 1870-х годов делились на две части: официальную и прибавление. В официальной части печатали указы Святейшего Синода, распоряжения Тамбовской духовной консистории, отчеты различных обществ, объявления, разрядные списки учащихся духовно-учебных заведений епархии, сведения о вакантных священнических, диаконских и пса-

ломщицких местах. В прибавлениях печатали проповеди, статьи духовно-нравственного, богословского и церковно-исторического содержания.

О важности «Тамбовских епархиальных ведомостей» в жизни духовенства и прихода говорит следующая статья: «Различные извлечения, приуроченные к пользе сельских священников, по их церковно-служебным обязанностям, делаемые из разных статей, помещенные в разные духовные журналы», размещенная в журнале № 7 Тамбовских епархиальных ведомостей за 1865 год. Во вступлении к данной статье редакция епархиальных ведомостей обращается к пастырям такими словами: «Редакция, сочувствуя невыгодному положению сельских священников – с той стороны, что они не имеют полной возможности, а другие из них, быть может, и всякой возможности лишены – читать современные духовные журналы, признала полезным помещать в Епархиальных ведомостях, как общем письменном органе всей епархии, извлечения из духовных журналов и собственно из таких статей в них, которые найдутся более пригодными и полезными для сельских священников, по их званию и обязанностям пастырского служения...» [9, с. 228].

В «Тамбовских епархиальных ведомостях» редакция размещала не только полезные в пастырском служении статьи из других журналов, но и проповеди духовенства Тамбовской епархии, которые отражали актуальные в жизни паствы духовно-нравственные проблемы, а также их возможные решения. Это имеет подтверждение в слове священника Георгия Хитрова «О проповедническом долге православного священника», которое размещено в седьмом номере Тамбовских епархиальных ведомостей за 1861 год: «Отселе проповедание <...> имеет важное значение, как святое эхо глаголов Господних, как применительное изъяснение общей воли Божией. Церковный Устав, определяя предметы и порядок Богослужения, всегда вместе с тем назначает и поучение, приличное времени и случаю в кругу церковных служб; на некоторые службы указаны места из творений святых пастырей и учителей, для произнесения в назидание православных христиан; по совершении некоторых Таинств в требниках московского издания прилагаются готовые проповеди, например после Брака: но этим указанием нисколько не увольняются пастыри Церкви от составления своих собственных поучений по духу древних пастырей, и по требованию современных нужд паствы» [11, с. 174].

Церковная проповедь на Тамбовской земле в шестидесятые годы XIX века являлась одним из могущественных средств в деле народного образования. В селах, особенно для поколений, которым уже поздно было учиться в открываемых тогда школах, проповедь пастырей была почти единственным средством, позволявшим увеличить меру скудного духовного развития народа Тамбовского края. Слово пастыря служило для народа не только средством просвещения и предостережения от грубых пороков и глубочайших нравственных падений – оно же являлось «единственным утешением, целительным лекарством для души в ее безотрадней и сопряженной с горькими лишениями жизни» [8, с. 380]. Вследствие чего на проповедническую деятельность как в селах, так и в городах было обращено пристальное внимание тамбовских архиереев [8, с. 355].

В самом первом номере Тамбовских епархиальных ведомостей за 1861 год, который сохранился в архиве, приводится проповедь священника Никольского из города Усмани (к сожалению, имя пастыря не было указано в журнале) «При отпевании тела вдовы, оставившей пять малолетних детей». В этой проповеди священник, обращаясь к собравшимся молитвенно почтить усопшую вдову, говорит о проявлении истинной христианской любви по отношению к новопреставленной и ее детям: «Благочестивые христиане! Вы собрались ныне в храм помолиться Богу при сем гробе о упокоении новопреставленной сестры нашей – Екатерины. Благодарю вас от лица покойницы и прошу не забывать ее в молитвах своих и после сего. – Это святой долг любви христианской. Но при этом гробе не молитве одной место! – Видите, кем он окружен! Прошу же вашу любовь обратить внимание на сих сирот» [5, с. 22]. Напомнив в начале своей проповеди о долге христианской любви, далее пастырь показывает возможный путь реализации этой добродетели, опираясь на стих из Книги Премудрости Иисуса, Сына Сирахова: «Не правда ли, братья, что каждому христианину приходит иногда на мысль – уделить от своего усердия лепту на долю бедного? Иногда рад бываешь что-нибудь сделать в пользу души своей. Но, думаю, никогда не представлялось вам такого трогательного обстоятельства, которое потянуло бы и руку к тому, на что просится сердце. Знаю я вас, братья мои! Во всякое время вы готовы помогать беспомощным; помните и старайтесь исполнять сию Божию заповедь: буди сирым, яко отец (Сир. 4, 10)» [5, с. 22].

Православный христианин, начиная следовать путем заповедей Божиих, пытаясь исправить свою духовную жизнь, приступая к деятельной реализации любви к ближнему, сталкивается с собственной немощью в начале этого доброго пути. Человек видит себя бедным и бессильным на каждом шагу, впадающим во многие грехи, на всяком месте находящимся близ опасности душевного расстройства и падения. Но, пребывая в таком, казалось бы, бедственном состоянии, человек не остается один на один с собою, потому что у каждого верующего есть помощники: Пресвятая Богородица и святые угодники Божии. Описание подобного состояния человеческой души и заступничества Пресвятой Богородицы со всеми святыми можно встретить в проповеди священника Никольского на праздник Покрова Божией Матери. Следует заметить, что, прежде чем приступить к рассуждению о возникшем духовном явлении, священник Никольский в начале своей проповеди приводит некоторый образ, который поможет слушающим сформировать правильное представление о дальнейшем раскрытии этой духовной проблемы: «Когда у нас за бедного и бессильного человека, по какому-либо делу, ходатайствует человек богатый и сильный: тогда бедняк радуется и утешается, – тогда он и сам чувствует себя как будто богатым и сильным <...> Мысль свою я веду к тому, что и мы с вами, братья, бедны и бессильны, сами по себе...» [4, с. 300].

Однако, возлагая упование на милость и помощь Божию, а также заступничество Божией Матери и всех святых, не стоит человеку забывать и о собственных усилиях, пусть ничтожных и немощных, которые необходимо направлять к исправлению своей жизни, следованию Закону Божию и, насколько это возможно, подражанию святым. О таком деятельном восхождении в духовной жизни и подражании святым говорил святитель Феофан Затворник, будучи епископом Тамбовским и Шацким, в своей проповеди, сказанной 23 июня (6 июля по новому стилю) 1861 года в день Владимирской иконы Божией Матери в селе Доброе. В своем архипастырском слове святитель Феофан Затворник использует интересный прием: говоря о добродетельной жизни, обращает внимание паствы на географическое название населенного пункта, в котором они проживают: «Празднуя ныне в честь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, чудотворной ради иконы Ея Владимирская, не могу относить к случайностям, что праздную вместе с вами – жите-

ли Доброго. Думаю, что так устроилось ради вас, ради крайней нужды напомнить вам преимущественно пред всеми другими о подражании добрейшим качествам Владычицы Богородицы, хотя и всем надо напомнить о сем, сколько можно чаще и настоятельнее» [10, с. 501]. Говоря о доброте, архипастырь использует название села (Доброе) для более ясного и запоминающегося способа наставления: «Обращая к вам в первый раз мое слово, я должен был сказать вам: по имени вашему да будет и житие ваше. Ваше имя да будет для вас учителем и наставником о том, как вам жить надлежит. Будьте добры, как жители Доброго <...> Если бы при сем кто из вас пожелал более определенного указания на то, в чем должна состоять доброта ваша, я скажу вам: смотрите на образ Пречистой Владычицы Богородицы, рождшей нам Спасителя, краснейшего добротою паче всех сынов человеческих <...> смотрите на лик Ее, возревнуйте подражать Ей, как дети – Матери и будете не именем только, но и делом – Добряне, то есть удобренные всякою добротою» [10, с. 502]. И далее святитель Феофан указывает на жизнь Девы Марии, исследуя которую, необходимо по мере сил прилагать Ее добродетели к себе: «Учитесь же, проходя мысленно житие Пресвятой Богоматери и черту за чертою Ея доброты перенося на себя самих, на свои дела и начинания. Учитесь с ранних лет посвящать себя на служение Богу <...> Учитесь молитве, богомыслию, прилежному чтению слова Божия у Той, Которая во все время пребывания своего в храме, паче всего другого прилежала сим благочестивым занятиям, переходя от чтения к богомыслию и от богомыслия к молитве <...> Учитесь, при делах благочестия, и трудолюбию у Той, Которая и в преддвериях храма не чуждалась трудов <...> Учитесь благодушному довольству своим состоянием у Той, Которая не возгнушалась домом древоделателя, когда видела на то указание Божие...» [10, с. 502].

Проявляя всецело заботу о своей пастве, духовенство не только наставляло людей в вере и благочестии, но и обличало пороки, которые губили как отдельных людей, так и все население. Например, священник Василий Сиротинский (село Калугино Кирсановского уезда) в праздник Вознесения Господня обратился к прихожанам с проповедью по случаю учиненного ими разгула, соединенного с буйством: «К сожалению, в нынешний день, – такой великий и светлый праздник, при всем моем желании – беседовать с вами, православные, об отрадных обетованиях, которые Господь

дал любящим Его при Своем вознесении на небо, – к некоторым – к довольно не малому числу из вас я невольно должен обратиться со словами обличения <...> по Апостолу, и каждый из нас друг друга должен назидать – то есть если я сделал нехорошо, сосед мой или знакомый должен мне сказать, что это действительно грешно и дурно? Тем более эти слова относятся к пастырям Церкви, которые, по словам Божиим, суть стражи дому Господня» [7, с. 204–205]. Обличая паству в грехе винопития и разгульной жизни, приходской священник предлагает и средство к исправлению, которое на тот момент было употребляемо в подобных случаях. Так как подобное духовно-нравственное падение постигло многочисленную часть мужского населения села Калугино Кирсановского уезда (об этом узнаем из содержания проповеди), то священник Василий акцентирует внимание на создании общества трезвости: «Братия, возьмите средства против угрожающей вам опасности, в которую вы ввергаете себя вашим поведением. Оставьте, прошу вас, для вашей собственной пользы, вашу любовь к напиткам. Посмотрите, добрые люди, (как пишут) завели у себя так называемые общества трезвости, то есть вовсе отказались от хмельного. Да это и хорошо. На что уж казаки – исстари разгульный народ; а почитаешь об них, – удивляешься, и они так окрепли в своем добром обещании, что теперь у них нигде – ни на свадьбах, ни на поминках не бывает хмельного <...> И нам положи подобное на сердце, Господи!» [7, с. 208–209].

Следует сказать о требованиях, предъявляемых к проповеднику середины XIX века, которые не потеряли своей актуальности и в наше время:

1. Обширное и основательное духовное образование.
2. Мирское просвещение или светское образование, так как пастырю необходимо в интеллектуальном плане быть как минимум на уровне окормляемой паствы.
3. Твердое стремление не изменять духовной мудрости для просвещения мирского.

Данные требования были изложены в статье священника Георгия Хитрова «О проповедническом долге православного священника», опубликованной в седьмом номере журнала «Тамбовские епархиальные ведомости» за 1861 год. Конечно, указанные требования не являются местным новшеством, это академическая вы-

учка, которая не теряет своей значимости и в современном мире. Здесь следует отметить преемственность пастырского служения на тамбовской земле: как тогда, так и сейчас священноначалие Тамбовской епархии заботится о высоком образовательном цензе пастырей, возрождая одно из старейших духовных учебных заведений – Тамбовскую духовную семинарию – и совершенствуя в ней учебный процесс.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что пастырская проповедь способна оказать существенное влияние на духовную жизнь верующего человека. Неуклонно держась Божественного откровения и предания церковного, проповедническая деятельность пастыря имеет достаточно широкое поле применения, которое в зависимости от совокупного или же отдельного воздействия внутренних и внешних обстоятельств может расширяться или сужаться. Однако стоит особо отметить «пламенение духа ревности освященных писателей» [11, с. 175], то есть пастырей Церкви.

В рамках данной статьи невозможно в полной мере раскрыть содержание проповеднической деятельности пастыря, то есть ее вероучительное, нравственное или обличительное наполнение, а также вербальное, медийное или текстуальное транслирование. Однако важно подчеркнуть известные границы, в которых должна держаться проповедь, чтобы не превратиться в многоглазие; в содержательном аспекте она должна быть направлена не на удовлетворение любопытства, а на указание правильного пути в духовной жизни, содействовать соединению человеческих душ с Богом и наследованию Царства Божия.

Учитывая исторический и богословский опыт, современная «живая» проповедь должна брать во внимание актуальные явления социальной действительности, предлагая ключ к решению сложных вопросов духовной жизни. В частности, проповедник призван показывать, как одни события и поступки согласуются с духом христианской веры, а другие, напротив, приводят к отчуждению человека от правильной духовной жизни, искажая его религиозное сознание. Здесь необходимо в полной мере проявить пастырское попечение, так как многие сейчас исповедуют христианство, считая себя православными, однако из этого множества определенный процент прихожан стоит на пути охлаждения к вере или находит-

ся в некотором «религиозном замешательстве», а некоторые уже предали душу свою нравственному разврату, ввергнув ее в рабство страстей. Так, в каждый временной отрезок истории проповедь пастыря должна звать к Небу, увлекая в райские ангельские обители.

Список литературы

1. *Дубасов, И. И.* Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 1 / И. И. Дубасов. – Москва : Тип. Елисаветы Гербек, 1883. – 202 с.
2. *Иоанн Златоуст, свт.* Толкования на книгу Деяний / святитель Иоанн Златоуст // Толкования Священного Писания : сайт / Введен. муж. ствропиг. мон-рь Оптина Пустынь. – URL: [http://bible.optina.ru/new:act:01:01?s\[\]=%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%8C&s\[\]=%D0%BE%D1%82](http://bible.optina.ru/new:act:01:01?s[]=%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%8C&s[]=%D0%BE%D1%82) (дата обращения: 04.06.2020).
3. *Молчанов, Н.* Жизнеописание святителя Питирима, епископа Тамбовского / Н. Молчанов // Тамбовские губернские ведомости. – 1884. – № 22, неофиц. ч. – С. 859–875.
4. *Никольский, свящ.* В день Покрова Божией Матери / священник Никольский // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1861. – № 13, прибавление. – С. 300–305.
5. *Никольский, свящ.* Слово при отпевании тела вдовы, оставившей пять малолетних детей / священник Никольский // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1861. – № 1, прибавление. – С. 22–24.
6. *Самбикин Д., свящ.* Святитель Питирим, Тамбовский чудотворец / священник Димитрий Самбикин. – Тамбов : Изд. дом «Мичуринск», 2014. – 48 с.
7. *Сиротинский В., свящ.* Слово к прихожанам после учиненного ими разгула, соединенного с буйством / священник Василий Сиротинский // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1863. – № 8, прибавление. – С. 204–209.
8. *Сладкопевцев, свящ.* О церковном проповедничестве в городах / священник Сладкопевцев // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1861. – № 16, прибавление. – С. 377–382.
9. *У.Т.С.Л.А.* Разные извлечения, принаровленные к пользе сельских священников, по их церковно-служебным обязанностям, делаемые из разных статей, помещаемых в разных духовных

современных журналах / У.Т.С.І.А. // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1865. – № 7, прибавление. – С. 217–248.

10. *Феофан, еп.* Слово, сказанное 23 июня в день Владимирской иконы Божией Матери, в селе Добром. Тамбовские епархиальные ведомости / епископ Тамбовский и Шацкий Феофан // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1861. – № 21, прибавление. – С. 501–506.

11. *Хитров Г., свящ.* О проповедническом долге православного священника / священник Георгий Хитров // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1861. – № 7, прибавление. – С. 173–178.

UDC 2-534.4

ASPECTS OF PASTORAL THEOLOGY IN THE PREACHING ACTIVITY OF THE CLERGY OF THE TAMBOV DIOCESE IN THE 1860S

Priest Alexy N. Zlobin

Master of Theology, Lecturer

Tambov Theological Seminary

Master's student of the Philology

Department

Moscow Theological Academy

E-mail: zlobin.a.n@yandex.ru

For citation: Zlobin A. N., Priest. Aspects of pastoral theology in the preaching activity on the example of the clergy of the Tambov diocese in the 1860s // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 39–50. (in Russian)

Abstract

The article deals with the aspects of pastoral theology related to the preaching activity of the clergy, which was a form of expression of pastoral care for the children of the Church. The article gives specific examples of instruction of people in faith and piety that took place in the history of the Tambov diocese. Taking into account historical and theological experience, the author concludes that modern “live” preaching should take into account current phenomena of social reality, offering a key to solving complex issues of spiritual life.

Keyword: Orthodox Church; pastor; preaching; distortion of Christianity; spiritual life; instruction.

References

1. *Dubasov, I. I.* Ocherki iz istorii Tambovskogo kraja [Essays from the history of the Tambov region]. Issue no. 1, Moscow, Tipografiya Elisavety Gerbek Publ., 1883, 202 p. (in Russian)

2. *Saint John Chrysostom.* Tolkovaniya na knigu Deyaniy [Interpretations on the book of Acts]. Interpretations of Scripture: website. (in Russian). Available at: [http://bible.optina.ru/new:act:01:01?s\[\]=%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%8C&s\[\]=%D0%BE%D1%82](http://bible.optina.ru/new:act:01:01?s[]=%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%8C&s[]=%D0%BE%D1%82), (accessed 04.06.2020).

3. *Molchanov, N.* Zhizneopisanie svyatitelya Pitirima, episkopa Tambovskogo [Biography of Saint Pitirim, Bishop of Tambov]. Tambovskie gubernskie vedomosti [Tambov Province Gazette], no. 22, 15 November, 1884, pp. 859–875. (in Russian)

4. *Nikol'skiy, Priest.* V den' Pokrova Bozhiei Materi. [On the day of the Protective Veil of the Mother of God]. Tambovskie eparkhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Gazette], no. 13, 24 September, 1861, pp. 300–305. (in Russian)

5. *Nikol'skiy, Priest.* Slovo pri otpevanii tela vdovy, ostavivshei pyat' maloletnikh detei [A sermon at the funeral service for the body of a widow who left five young children]. Tambovskie eparkhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Gazette], no. 1, 2 July 1861, pp. 22–24. (in Russian)

6. *Sambikin D., Priest.* Svyatitel' Pitirim, Tambovskiy chudotvorets [Saint Pitirim, Tambov wonderworker]. Tambov, Izdatel'skiy dom Michurinsk Publ., 2014, 48 p. (in Russian)

7. *Sirotnsky V., Priest.* Slovo k prikhozhanam posle uchinennogo imi razgula, soedinennogo s buistvom [A sermon to the parishioners after their revelry combined with riot]. Tambovskie eparkhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Gazette], no. 8, 15 April, 1863, pp. 204–209. (in Russian)

8. *Sladkopevtsev, Priest.* O tserkovnom propovednichestve v gorodakh [Church preaching in cities]. Tambovskie eparkhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Gazette], no. 16, 15 October, 1861, pp. 377–382. (in Russian)

9. Raznye izvlecheniya, prinarovlennyye k pol'ze sel'skikh svyashchennikov, po ikh tserkovno-sluzhebnyim obyazannostyam,

delaemye iz raznykh statei, pomeshchsemykh v raznykh dukhovnykh sovremennykh zhurnalakh [Various extracts attributed to the benefit of rural priests according to their ecclesiastical duties made from different articles placed in different spiritual modern magazines]. Tambovskie eparkhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Gazette], no. 7, 1 April, 1865, pp. 217–248. (in Russian)

10. *Theophanes, Bishop*. Slovo, skazannoe 23 iyunya v den' Vladimirskoi ikony Bozhiei Materi, v sele Dobrom [The sermon given on June 23 on the day of the Vladimir Icon of the Mother of God, in the village of Dobroe]. Tambovskie eparkhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Gazette], no. 21, 19 November, 1861, pp. 501–506. (in Russian)

11. *Khitrov G., Priest*. O propovednicheskom dolge pravoslavnogo svyashchennika [On the preaching duty of an Orthodox priest]. Tambovskie eparkhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Gazette], no. 7, 13 August, 1861, pp. 173–178. (in Russian)

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

УДК 2-636; 908

СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ): ТАМБОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ И НАСЛЕДНИКИ

**Митрополит Тамбовский и
Рассказовский ФЕОДОСИЙ
(Васнев Сергей Иванович)**

доктор теологии, кандидат богословия,
ректор Тамбовской духовной семинарии
E-mail: admin@eparhia-tmb.ru

Для цитирования: Феодосий (Васнев), митр. Тамбовский и Рассказовский. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) : тамбовское наследие и наследники // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 52–59.

Аннотация

Статья посвящена вопросу сохранения исторической памяти о выдающемся церковном и общественном деятеле XX столетия святителе Луке (Войно-Ясенецком) на Тамбовской земле. Автор делает обзор важнейших событий жизни архиепископа Луки в период его служения на Тамбовской кафедре, а также излагает хронологию основных мероприятий, предпринятых общественностью и епархиальным руководством с 1990-х годов до настоящего времени по увековечиванию памяти святителя: присвоения его имени 2-й городской больнице; установки памятников и мемориальных досок на зданиях, связанных с жизнью и деятельностью святителя; открытия Историко-мемориального музея; присвоения имени архиепископа Луки одной из улиц города Тамбова.

Ключевые слова: Тамбовская епархия Русской Православной Церкви; святитель Лука (Войно-Ясенецкий); историческая память; духовное наследие.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) – один из самых почитаемых святых, прославленных Русской Церковью на рубеже XX–XXI веков. Уважение и любовь народа святитель снискал своим ревностным служением Богу и людям, неустанной архиерейской

деятельностью, самоотверженным врачебным трудом, проникновенными проповедями, научными исследованиями в медицине. Его неординарная личность гармонично объединяла в себе нравственные качества духовного лица и профессионализм хирурга, талант богослова и профессорский кругозор. Благодарные и теплые воспоминания о нем хранили тамбовчане, которые молились с ним в храмах, ассистировали ему во время операций, пересекались с ним на жизненном пути.

Архиепископ Лука получил назначение на Тамбовскую кафедру в начале января 1944 года. Епархия была полностью уничтожена. Его предшественника – епископа Венедикта (Алентова) – арестовали по ложным обвинениям 28 апреля 1937 года, а 6 декабря того же года расстреляли. Были сосланы в лагеря и расстреляны большинство священнослужителей, прекратилась всякая легальная церковная деятельность. К началу Великой Отечественной войны на территории области не осталось ни одного действующего храма. Тамбовский край превратился в духовную пустыню и стал подобным «дикому полю», как его называли вплоть до XVII века, когда он еще не был просвещен светом Христовой веры. К моменту приезда Преосвященного Луки в Тамбов в городе уже некоторое время действовал небольшой Покровский двухэтажный храм, ставший затем кафедральным собором.

Святитель занимал Тамбовскую кафедру до мая 1946 года, то есть чуть больше двух лет, однако за столь короткое время ему удалось сделать очень много. Прежде всего архипастырь озаботился возвращением храмов и возобновлением в них богослужений. К концу 1945 года было открыто 24 храма [5, с. 308], а в конце 1946 года их насчитывалось уже 43 [5, с. 309]. Точно неизвестно, сколько храмов до своего отъезда из Тамбова открыл архиепископ Лука. Преосвященный считал, что богослужения должны возобновиться во всех неразрушенных храмах, однако местные власти всячески препятствовали этому. Он назначал на служение в открывавшиеся храмы в первую очередь тех священников, которые вернулись из тюрем и лагерей. С большой осторожностью святитель относился к священнослужителям, переходившим в Московский Патриархат из обновленческого раскола. Преосвященный составил специальный покаянный чин для обновленцев и настаивал на том, чтобы они приносили раскаяние в присутствии всех молящихся в храме.

Святитель Лука проповедовал за каждым богослужением. Его проповеди отличались проникновенностью, простотой изложения и в то же время богословской глубиной. Почитатели записывали их, составляли рукописные и машинописные сборники, часть которых сохранилась до наших дней.

В Тамбове после долгих лет ссылки и лагерей исповедник смог продолжить свои научные труды по медицине и богословию. В 1944 году он издал работу по хирургии «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов» и дополнил с учетом богатейшей личной врачебной практики свои знаменитые «Очерки гнойной хирургии», изданные еще в 1934 году. Именно «Очерки гнойной хирургии», за которые в 1945 году архиепископ Лука получил Сталинскую премию, способствовали признанию его заслуг научным медицинским сообществом. Рекомендации, изложенные в них, спасли жизни тысяч воинов, израненных на полях сражений во время Великой Отечественной войны. В Тамбове святитель начал писать богословско-апологетическое сочинение «Дух, душа и тело» [3, с. 34].

Преосвященный Лука был человеком независимым и принципиальным, не допускавшим компромиссов в вопросах веры и всегда поступавшим в соответствии со своими убеждениями. Такое поведение рассматривалось чиновниками как сознательное противление принятым в советском обществе порядкам. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви в 1944 году писал в отчете, что «архиепископ Лука в хирургическом отделении госпиталя № 1494 повесил икону и перед проведением операции проводит молебные служения» [1, л. 8]. В отчете также сообщалось, что святитель присутствовал «на межобластном совещании врачей эвакогоспиталей в полном архиерейском облачении» [1, л. 8]. Указанная информация свидетельствует о том, что он считал для себя естественным появиться в светском обществе или находиться на совещании в рясе, клобуке и с панагией, подчеркивая, что является не только профессором и хирургом, но и священнослужителем.

Получив в пользование маленький Покровский храм, святитель Лука стал предпринимать усилия по возвращению Спасо-Преображенского кафедрального собора и мощей святителя Питирима Тамбовского. Он планировал начать строительство небольших

деревянных храмов по всей епархии, хотел открыть воскресные школы в каждом приходе, наладить духовно-просветительскую работу среди населения, издавать епархиальный журнал, проводить ежегодные съезды духовенства. Естественно, власти не могли позволить деятельному епископу реализовать все его планы. Многие из намеченного ему не удалось осуществить, так как тамбовские партийные и советские руководители добились его перевода на Симферопольскую кафедру.

Тамбовчане бережно хранили память о святителе Луке все советские годы. В конце XX столетия, когда Церковь обрела свободу, появилась возможность увековечить его имя на Тамбовской земле. С инициативой о присвоении имени святителя Луки 2-й городской клинической больнице выступил ее главный врач Яков Фарбер. Идею поддержали руководители города и области, а также управляющий Тамбовской епархией архиепископ Евгений (Ждан; + 2002). В 1994 году больница получила имя архиепископа Луки, и на тот момент присвоение государственному лечебному учреждению имени святого стало беспрецедентным событием в новейшей российской истории [2]. Через некоторое время перед главным входом в эту больницу был установлен памятник святителю, который изготовил врач и скульптор, уроженец Дагестана Гамзат Юсупов. Незадолго до своей кончины, в 2014 году, он говорил: «С архиепископом получилось удивительное совпадение. Я видел энтузиазм врача Якова Иосифовича Фарбера, видел, как он радовался, когда дали добро на присвоение имени архиепископа Луки больнице. Хотя, если честно, до приезда в Тамбов об этом священнослужителе я и не слышал. Знал со студенческих лет профессора медицины Войно-Ясенецкого, читал его книгу по гнойной хирургии, но как-то не связывал тогда это имя с личностью архиепископа Луки. Тем более – с Тамбовом. Я спросил у Якова Иосифовича, нет ли у него фотографии архиепископа Луки. И, когда увидел ее, был поражен монументальным видом этого человека. Я уже задумывал образ и мысленно видел то, что должен был сделать. Я решил попробовать воссоздать этот образ, в котором надо было соединить священнослужителя, хирурга и человека» [4]. В 1995 году по инициативе епархии учредили премию имени архиепископа Луки для врачей, медсестер и учащихся медицинского колледжа, которая вручается ежегодно управляющим Тамбовской епархией.

Мемориальные доски в память о святителе в течение 1990-х годов были установлены на зданиях, непосредственно связанных с его именем: на главном корпусе областной больницы, где владыка оперировал, и на доме по улице Комсомольской, где он проживал во время служения в Тамбове. В июне 2011 года, к полувековому юбилею со дня кончины исповедника, на здании областного Музейно-выставочного комплекса, где в годы Великой Отечественной войны располагался госпиталь № 5355 и где трудился святитель-хирург, открыли еще одну мемориальную доску.

Второй памятник Преосвященному установили в городе Тамбове на Комсомольской улице перед домом № 9, где святитель проживал в годы управления епархией. Его торжественное освящение состоялось 14 октября 2017 года.

Через год, 13 октября 2018 года, состоялось открытие Историко-мемориального музея архиепископа Луки, что стало долгожданным событием для жителей города. В музее собраны различные предметы и артефакты, письма и фотографии, книги, предметы быта, мебель и т. д.

К празднику Покрова Пресвятой Богородицы 2018 года Тамбовская городская Дума переименовала часть улицы Комсомольской, от Набережной до Советской, в улицу в честь архиепископа Луки и установила на домах соответствующие надписи. Указанная улица стала первой за 100 лет в городе Тамбове, носящей имя святого исповедника и подвижника Русской Православной Церкви.

Следует сказать, что святитель Лука косвенно послужил одному важному событию в истории медицины города Тамбова. В 2018 году, когда завершилось строительство современного перинатального центра, возник вопрос о его наименовании. По аналогии со 2-й городской больницей имени архиепископа Луки решили присвоить центру имя одного из наиболее почитаемых святых Тамбовской земли, который бы стал ангелом-хранителем этого медицинского учреждения. Принимая во внимание, что пациентами перинатального центра являются женщины, постановили присвоить ему имя преподобной Марфы Тамбовской – известной подвижницей благочестия XVIII века, прославленной в лике святых в 1988 году, честные мощи которой были обретыены в 2005 году и пребывают в Вознесенском женском монастыре. Так под духов-

ным водительством святителя Луки перинатальный центр назвали в честь преподобной Марфы.

Молитвенное почитание святителя Луки – важная составляющая приобщения наших современников к его духовному наследию. После прославления архиепископа Луки в сонме святых стало возможным поклонение его святым мощам. Впервые частица мощей исповедника была доставлена в Вознесенский женский монастырь города Тамбова 16 ноября 2013 года из Ильинского мужского монастыря города Одессы (Украина). 3 февраля 2018 года его святые мощи прибыли в Тамбов из Ташкентской епархии. Пятнадцатого ноября 2018 года у Спасо-Преображенского кафедрального собора состоялась торжественная встреча доставленного из Симферополя ковчега с частицей мощей святителя.

Память о святителе живет в Тамбове в том числе через создание фильмов, проведение различных мероприятий и конференций. В год 50-летия со дня кончины архиепископа тамбовские журналисты сняли фильм «Тамбовский путь святителя Луки (1944–1946 годы)», презентация которого состоялась 9 июня 2011 года в краеведческом музее. 17 апреля 2018 года в Музейно-выставочном центре Тамбовской области состоялись пресс-конференция и открытие выставки в рамках Международного духовно-просветительского проекта «Дни святителя Луки». В этот же день в Тамбовском краеведческом музее прошел показ художественного фильма «Излечить страх» (режиссер А. Пархоменко) о жизни святителя Луки. С 9 по 11 июня 2016 года в областной Думе была организована конференция «Наследие архиепископа Луки: святителя, ученого, хирурга». 13 декабря 2019 года в Тамбовской семинарии состоялось мероприятие, посвященное 25-летию присвоения 2-й городской больнице имени архиепископа Луки.

Наследие, оставленное архиепископом Лукой на Тамбовской земле, широко и многогранно. Именно святителю Тамбовская епархия обязана своим возрождением. Его проповеди и богословские труды служат неисчерпаемым источником укрепления православной веры. И хотя он провел в городе Тамбове не так много времени, но, как сам признавался, впервые именно здесь почувствовал себя архиереем. Для тамбовских жителей святитель навсегда останется добрым и дорогим архипастырем, который после многих лет вынужденного духовного голодания напитал их спасительными плодами.

Список литературы

1. ГАТО. Ф. Р5220. Оп. 1. Д. 53.
2. *Лазовский, Ф.* Мой авторитет Яков Фарбер / Ф. Лазовский // Заметки по еврейской истории : сайт. – URL: http://z.berkovich-zametki.com/y2019/nomer_1/lazovski/ (дата обращения: 06.01.2020).
3. *Лисюнин В., иерей.* Подвиг архипастырского служения на Тамбовской земле святителя-исповедника Луки (Войно-Ясенецкого) / иерей Виктор Лисюнин // Тамбовские епархиальные вести. – 2008. – № 1 (1). – С. 34–47.
4. Образ святителя Луки стоял особняком в творчестве Гамзата Юсупова // Городская клиническая больница имени Архиепископа Луки г. Тамбова : сайт. – URL: <https://gkb-luki.tmbreg.ru/news/258-obraz-svyatitelya-luki-stoyal-osobnyakom-v-tvorchestve-gamzata-yusupova> (дата обращения: 06.01.2020).
5. *Чеботарев, С. А.* Тамбовская епархия в 40–60-е гг. XX в. / С. А. Чеботарев. – Тамбов : Юлис, 2004. – 325 с.

UDC 2-636; 908

**SAINT LUKE (VOYNO-YASENETSKY):
TAMBOV HERITAGE AND SUCCESSORS**

FEODOSY (Sergey I. Vasnev)
Metropolitan of Tambov and Rasskazovo
Doctor of Theology
Rector of Tambov Theological Seminary
E-mail: admin@eparhia-tmb.ru

For citation: Feodosy (Vasnev S. I.), Metropolitan Saint Luke (Voino-Yasenetsky) : Tambov heritage and successors // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 52–59. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the issue of preserving historical memory of the outstanding church and public figure of the 20th century, Saint Luke (Voino-

Yasenetsky) on the Tambov land. The author gives an overview of the most important events in the life of Archbishop Luke during his service at the Tambov cathedra, and also sets out the chronology of the main measures taken by the public and the diocesan leadership from the 1990s to the present to perpetuate the memory of the saint: assigning his name to the city hospital; installation of monuments and memorial plaques on buildings associated with the life and work of the saint; opening of the Historical and Memorial Museum; the assignment of the name of Archbishop Luke to one of the streets of the city of Tambov.

Keyword: Tambov Diocese of the Russian Orthodox Church; Saint Luke (Voyno-Yasenetsky); historical memory; spiritual heritage.

References

1. GATO. F. P5220. Op. 1. D. 53 [The State Archive of Tambov Region. Fund P5220. Series 1. File 53]
2. *Lazovsky, F.* Moi avtoritet Yakov Farber [My authority Yakov Farber]. Zametki po evreiskoi istorii [Notes on Jewish history]. (in Russian). Available at: <http://z.berkovich-zametki.com/y2019/nomer1/lazovski/> (Accessed 01.06.2020).
3. *Lisyunin V., Priest.* Podvig arhipastyrskogo sluzheniya na Tambovskoi zemle svyatitelya-ispovednika Luki (Voyno-Yasenetskogo) [The feat of archpastoral service in the Tambov land of Saint-Confessor Luke (Voyno-Yasenetsky)]. *Tamboskie eparkhial'nye vesti* [Tambov Diocese News], 2008, no. 1 (1), pp. 34–47. (in Russian)
4. *Obraz svyatitelya Luki stoyal osobnyakom v tvorchestve Gamzata Yusupova* [The image of St. Luke stood apart in Gamzat Yusupov's works]. *Gorodskaya klinicheskaya bol'nitsa imeni arkhiepiskopa Luki g. Tambova* [City Clinical Hospital named after Archbishop Luke in Tambov]. (in Russian). Available at: <https://gkb-luki.tmbreg.ru/news/258-obraz-svyatitelya-luki-stoyal-osobnyakom-v-tvorchestve-gamzata-yusupova> (Accessed: 01.06.2020).
5. *Chebotarev, S. A.* Tambovskaya eparkhiya v 40–60-e gg. XX v. [Tambov diocese in the 1940s–1960s]. Tambov, Yulis Publ., 2004, 325 p. (in Russian)

УДК 93 94(47)

**МОНАШЕСТВО В КИНОВНЫХ
МОНАСТЫРЯХ: ДУХОВНЫЙ ОПЫТ
ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ
И СОВРЕМЕННОК СВЯТИТЕЛЯ
ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА**

**Протоиерей Владимир Александрович
Сергунин**

магистр религиоведения, старший преподаватель церковно-практической кафедры Тамбовской духовной семинарии, аспирант кафедры общей истории ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина»
E-mail: vlaserg@gmail.com

Для цитирования: Сергунин В. А., прот. Монашество в киноных монастырях: духовный опыт предшественников и современников святителя Феофана Затворника // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 60–80.

Аннотация

Статья посвящена преемственной традиции православных византийских восточных и русских киноных монастырей, сохраняемой подвижниками трудами иерархов Русской Православной Церкви. Выявлены и приведены примеры влияния киево-печерских традиций на женские монастыри Тамбовской епархии. Затронуты аспекты литургической жизни Тамбовского третьеклассного девичьего Вознесенского монастыря на примере анализа описей богослужебных книг. Охарактеризовано влияние видных представителей православной иерархии, прежде всего, южнорусской, на взгляды святителя Феофана Затворника относительно кинонии в женских монастырях. Приводится анализ причин нарастающей динамики образования женских общин и проблем перевода особножительных монастырей в общежительные.

Ключевые слова: кинония; монастырский Устав; женское монашество; общежитие; преемственность монастырских традиций.

Киновия (с греческого – «общежитие») – образец монашеского жительства, изначально присущего отечественной православной традиции. Самые известные наши монастыри: Киево-Печерская и Троице-Сергиева лавры, Валаамский монастырь, Оптина и Саровская пустыни и др. – были общежительными. Такая организация монастыря предполагает пребывание монашествующих в одном корпусе, общую трапезу, посещение одного храма и подчинение руководству настоятеля. В таком виде киновия известна со времен составления правил прп. Пахомием Великим, основателем египетских монастырей [18, с. 28–30]. Решения Вселенских и Поместных Соборов, законодательные акты об организации византийских и восточных монастырских киновий обобщены в двух трудах, написанных и изданных на латинском и греческом языках в пер. пол. XX века: это работы канониста Д. А. Петракиса (1907) и иеромонаха-бenedектинца Плакида Дэ Мээстера (1942) [28, р. 263–279].

Монашеское духовное возрастание возможно лишь при строгом соблюдении трех обетов, предусмотренных в чине пострига: девства, послушания, нестяжания. Они предполагают отречение от мира и составляют основание православного аскетизма и нравственности. Соблюдение обетов вознаграждается благими плодами монашеского делания: «Несребролюбивый монах – вернейший вестник Царствия Небесного, а тот, кто недугует сребролюбием, зле погибнет. Украшение монаха юности – целомудрие, приобретенное не имеющее пределов девство. Достояние монаха – послушание, приобретший его будет услышан Господом» [Ефрем Сирий, прп. Увещевание монахам. Р. 345. цит по: 8, с. 117]. Киновия более надежно, чем другие формы организации монашеского жития, помогает исполнить монашеские обеты и пройти три этапа духовного возрастания, лежащие в основе устройства монашества: рясофор, малую и великую схиму [8, с. 117]. Чины были введены в X веке в Византии. В отечественной традиции впервые о них сообщает «Повесть временных лет» как о правиле, введенном прп. Феодосием Печерским в Киево-Печерском монастыре [8, с. 117, 144].

Учрежденный в Киево-Печерском монастыре прп. Феодосием Печерским Студийский Устав опирался на уставные правила Василия Великого, который, в свою очередь, перенял их у прп. Пахомия Великого [1]. Устав вобрал в себя опыт отшельничества прп. Антония Печерского и в целом «все лучшее из древних мо-

нашеских традиций Египта, Палестины, Афона и Византии» [25], преумножил духовную силу обители и помог ей выстоять в годы монгольского нашествия и литовской экспансии. Известно, что учреждение Студийского устава в Киево-Печерском монастыре повлекло за собой изменения в штате, где появились послушания доместика (ответственного за соблюдение состава церковного богослужения), экклезиарха (надзирающего за церковной утварью), эконома (ответственного за казну и имущество), келаря (ответственного за просфорню, пекарню и трапезную), вратаря и пр. [16].

Киево-Печерская Лавра всегда служила образцом организации православной киновии, строго следующей святоотеческому опыту. Сюда, к южной русской «Фиваиде», стремились потоки паломников: от простых крестьян до представителей высшей аристократии. Многочисленные примеры влияния Киево-Печерской Лавры на организацию монастырей можно привести, вспомнив путь монашеского делания сезеновских подвижников: Иоанна Затворника, Дарьи и Серафимы, настоятельницы тамбовского Вознесенского девичьего третьеклассного монастыря – игумении Антонии (Аносовой) и др.

Несмотря на строгое следование общежительному уставу, киновии не исключают развития уникальных особенностей обителей, примером чему служит Киево-Печерская Лавра с её неповторимой красотой распева, делающего особенной стилистику лаврской церковно-певческой традиции. Чистоту воспринятой духовной традиции общежительные монастыри южной Руси хранили и защищали от влияния извне. Так, в XVI веке появляется великолепное партесное пение, противостоящее «органному гудению», распространяемому с помощью польского католицизма [1]. Новая стилистика оказывала влияние и на обиходное пение в храмах, чему активно и успешно противостояла церковно-певческая традиция Киево-Печерской Лавры. Строгость соблюдения древней обрядовой традиции защищал созданный свт. Петром Могилой в 1629 году «Служебник» и чин торжественных богослужений (Пассий), что позволило противостоять униатам [1]. Церковно-певческая традиция годового круга богослужений Киево-Печерской лавры была закреплена в Ирмологионе, составленном митрополитом Филаретом (Амфитеатовым) в 1852 году [1]. Стремление сохранить древнюю традицию лаврского церковного пения подвигло

архипастыря благословить собрание известных киево-печерских богослужбных распевов в единый Ирмологион для книжного издания. Примечательна надпись, которую сделал митрополит Филарет на титуле подготовленного сборника: «Божиею милостию смиренный Филарет, митрополит Киевский и Галицкий, Киево-Печерской Лавры Священно-архимандрит: установленное с древних времен преподобными отцами в Святой Великой Чудотворной Киево-Печерской Лавре пение, содержащееся в сем Ирмологионе, именем Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и Пресвятыя Преблагословенныя Девы Богородицы и преподобных отец наших Антония и Феодосия и прочих чудотворцев Печерских, завещаю соблюсти и хранить во всей целости, без всякого изменения в роды родов, во славу Святыя Единосущныя Животворящия и Нераздельныя Троицы, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь» [27, л. 67 об.]. Этот пример показывает, как киноновый принцип монашеского жития способствует сохранности традиционных духовных ценностей и противостоит новациям, искажающим основы православного иночества.

Киевский лаврский Обиход представляет собой уникальный источник по литургике. Например, он включает традицию петь каноны на Пасху, Неделю Ваий, в воскресную полунощницу, при Похвале Божией Матери, на Великом покаянном каноне, в трипеснях на Страстную Седмицу [1], а также о елеопомазании после первого часа, в соответствии с Типиконом; пение антифонов на ранней Литургии, в соответствии с византийской традицией; о совершении чина Погребения Божией Матери по уставу Храма на Гробе Божией Матери в Гефсимании, в соответствии с палестинским влиянием [1].

Изучение книжных фондов тамбовских женских монастырей, зафиксированных в описях, показывает тяготение к лаврской традиции в организации клиросного пения. Так, например, в «Описи церковному и ризничному имуществу Тамбовского Вознесенского девичьего монастыря за 1857 год» указаны печатные издания, предполагающие использование для пения на клиросе, за богослужением и на требах: октоихи (осьмогласники), минеи, триоди (постные и цветные), требники, книги праздничного нотного пения (изборники на Господские и Богородичные дни), обиходы нотного пения, ирмологии, служебники, службы святым с акафистом

[15]. Несмотря на то что в описи большей части книг место издания не указано, можно не сомневаться, что глубокое переживание красоты киево-печерского распева порождало желание паломников взять с собой из колыбели русского Православия образцы вокального славословия Богу. Так, за № 18.9 в Описи указана «Книга службы преподобным отцам Печерским»: «в лист, в золоченом переплете; корень и края досок вызолочены, печатана в Киевской Лавре 1785 года в августе месяце». За № 32.23 указан «Служебник новый в осьмую листа, в кожаном переплете, корень и края досок вызолочены, на верхней доске – крест с распятием Иисуса Христа, на нижней доске – Божия Мать с Предвечным Младенцем. Печатан в Киево-Печерской Лавре 1832 года в январе» [15, л. 82].

Опись не оставляет сомнений в том, что основу церковного пения в Вознесенском монастыре составляло пение знаменное: 1) № 24.15. «Книга праздничная нотного пения, т. е. избранная на Господские праздники и богородичные дни, стихиры знаменного распева, в пол-листа, в кожаном золотом переплете, корень в узоры вызолочен. Печатана в Москве в 1772 году месяца марта; 2) № 25.16. «Книга праздничная такая же»; 3) № 26.17. «Октоих или осьмогласник нотного пения, знаменного распева, содержащий в себе возследование воскресных служб и богородичных. В пол-листа, в золотом ветхом переплете. Печатано в 1772 году в месяце марте»; 4) № 27.18. «Такой же какой и выше сего»; 5) № 30.21. «Ирмологий нотного пения знаменного распева в двух томах и книгах, в пол-листа. Печатан в Москве 1772 г. июня месяца; 6) № 31.22. «Ирмологий простой, в пол-листа. Печатан в Москве, в 1802 г. декабря месяца» [15, л. 80–89 об.].

Знаменное пение киевской традиции предполагало многоголосье как импровизационное начало, когда мелодия, прописанная знаменами, дополнялась еще одним либо двумя, к концу XIX века – тремя голосами [9, с. 83–91]. В московской церковнопевческой традиции XVII–XIX века употреблялся партесный стиль, когда каждый голос (партия) прописывался в нотном тексте, а гармония распева становится более свободной. К числу таковых относятся указанные в Описи: 1) № 28.19 Обиход нотного пения в двух томах, в пол-листа, издан в Москве, 1772 года июня месяца; 2) № 29.20. Обиход такой же; 3) № 41.31. «Божественная литургия нотного пения Бартнянского, большого формата, в бумажной красной обертке» [15, л. 87].

Свободные обработки старинных церковных распевов, свойственные Д. С. Бортнянскому, позволяли создать более лаконичные вокальные формы, приведшие к сокращению длительности службы. Созданный Бортнянским образцовый цикл «Литургии» явился ответом на заказ императора Александра I, изъявившего в 1814 году желание обеспечить не только столичные, но и провинциальные храмы образцами «простого пения» на 2 голоса. Этому пожеланию и отвечал образцовый литургический цикл Бортнянского [13, с. 88–91]. Утверждению партесного стиля способствовал специальный указ Святейшего Синода от 14 февраля 1816 года, запрещавший использовать рукописные церковно-певческие сборники: «все, что ни поётся в церквах по нотам, должно быть печатное и состоять или из собственных сочинений директора придворного певческого хора <...> Бортнянского, или других известных сочинителей, но непременно <...> с одобрения г. Бортнянского» [9, с. 83–91].

Такой подход к службе мало соответствовал духу православного монашества, его молитвенному настрою и стремлению всегда пребывать в храме.

Опыт православной аскетики, созидаемый трудами святых подвижников, во все времена взывал к благочестию монашествующих, которые в условиях меняющихся отношений с миром и государственной властью осмысливали заветы древности в формах современности. Так, например, основной причиной проблем перевода женских монастырей на общежительный устав в XIX веке было нежелание инокинь расстаться с некоторой собственностью, пусть и ничтожной (келья, средства от продажи изготовленных вручную вещей и пр.). Священноначалие проявило в этом вопросе выдержку и мудрость, не допуская поспешных решений. Эта позиция была подготовлена предыдущим историческим опытом русского монашества. Предостережением, например, могла послужить история острого противостояния «нестяжателей» и «иосифлян». Скитский устав Нило-Сорской пустыни и общежительный устав Иосифо-Волоцкого монастыря не имели различий в понимании и соблюдении монашеских обетов, тем не менее разные оценки права монастырей на собственность, прежде всего земельную, а также на доходы от треб привели к острому конфликту между последователями прп. Нила Сорского (1433–1508), главы

«нестяжателей», и прп. Иосифа Волоцкого (1439–1515), которые не считали богатство монастырей препятствием к личному нестяжательству [22, с. 90–91]. На примере истории Иосифо-Волоцкого монастыря мы видим, что личное спасение как цель монашеского делания не отвергает общественного служения. Отметим, что среди игуменов Иосифо-Волоцкого монастыря были лица, непосредственно и опосредованно связанные с историей монашества в Тамбовской епархии и с преосвященным Феофаном (Говоровым): свт. Филарет (Амфитеатров) (1813–1817), митр. Григорий (Постников) (1817–1822). Оба иерарха оказали заметное влияние на свт. Феофана Затворника как аскета, богослова и знатока древних монашеских уставов.

Свт. Филарет (Амфитеатров) (1779–1858), как и свт. Феофан, родился в Орловской губернии, окончил Орловскую духовную семинарию [17, т. 1, с. 22–30]. По предложению свт. Филарета (Дроздова), в бытность его ректором Санкт-Петербургской духовной академии, был назначен инспектором того же учебного заведения [17, т. 2, с. 305–324]. В годы служения на митрополичьей Киевской кафедре являлся образцом проповедника, монаха-аскета, деятельного иерарха для студентов Казанской духовной академии [17, т. 3, с. 179–219], в том числе и для будущего митрополита Московского Макария (Булгакова) и будущего епископа Феофана (Говорова). Преосвященнейшего Филарета (Амфитеатрова) Затворник Вышенский почитал в числе своих наставников в искусстве проповеди. Святителю Феофану он был известен и как многоопытный устроитель иноческого жительствова, являясь в разное время иеромонахом Московского Донского монастыря, управляющим Воскресенским Новоиерусалимским монастырем, основателем Иоанно-Предтеченского скита в Оптиной пустыни [17, т. 1, с. 319], а также участником канонизации святителя Митрофана Воронежского. Известно, что при составлении акафиста и службы святителю Митрофану святитель Феофан активно переписывался с преосв. Иеремией (Соловьевым) и Иннокентием (Борисовым), – иерархами, сыгравшими важную роль в судьбе свт. Феофана (Говорова) [17, т. 2, с. 305–324]. В честь свт. Митрофана преосв. Филарет освятил домовую церковь в настоятельском доме, в котором жил на территории Киево-Печерской Лавры, где в 1841 году тайно принял схиму с именем Феоодсий [17, т. 3, с. 460–471]. Участни-

ком подготовки канонизации свт. Митрофана был духовный сын свт. Филарета – иеромонах Иннокентий (Соколов) (1787–1856), которого святитель в 1816 году постриг в монашество. В период подготовки канонизации свт. Митрофана (1830–1833) архимандрит Иннокентий был ректором Воронежской духовной семинарии и настоятелем воронежского Акатова монастыря [14, с. 371]. В марте 1834 года Иннокентий был назначен настоятелем Иоанно-Предтеченского Трегуляева монастыря в Тамбовской епархии [26, с. 217]. В качестве благочинного монастырей архимандрит Иннокентий ревизовал Вознесенский женский монастырь в 1851 году, объективно оценив положительные стороны и упущения [6, д. 1249, л. 2–4]. Будучи благочинным, он также принял участие в создании общежительного Знаменского Сухотинского монастыря, в процедуре избрания настоятельницы Дорофеи, монахини из Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря [11, с. 37]. Свидетельством его смирения, нестяжательства и сыновней любви к духовному наставнику святителю Филарету является его личный архив, хранящийся в епархиальном фонде ГАТО и содержащий черновики писем к Высокопреосвященнейшему [6, д. 526]. Помимо писем, в архиве имеются выписки, сделанные из церковных и светских периодических изданий, стихи, дневниковые записи [6, д. 526]. Благодарную память о себе оставил архимандрит Иннокентий в лице своего ученика Августина (Ефимова) (1799–1883), постриженного им в монашество в 1846 году и рукоположенного в 1851 году во иеродиакона, а в 1854 году во иеромонаха [6, д. 1251]. Августин, как и его учитель, служил для братии Трегуляева Иоанно-Предтеченского монастыря примером аскетического жития, молитвенного делания [23, с. 30–32].

Строгостью аскетического образа жизни, щедрой благотворительностью отличался и митрополит Георгий (Постников) (1784–1860), который оказал заметное влияние на свт. Феофана Затворника в Санкт-Петербургский период его жития. На поприще ректора и профессора Санкт-Петербургской духовной академии Георгий (Постников) осуществлял образовательно-воспитательную и просветительскую деятельность, воспринятую им от архимандрита Филарета (Дроздова), позднее митрополита и святителя: преподавание богословских дисциплин на русском языке, свободный (импровизационный) стиль проповеди, создание церковной

периодической печати. В частности, он явился организатором первого церковного журнала «Христианское чтение» (1821). Высокопреосвященный Георгий вместе с архимандритом Феофаном (Говоровым), тогда ректором СПбДА, 30 мая 1858 освятил Исаакиевский собор в Петербурге. Собранных на торжество объединяли любовь к храму как источнику духовного просвещения, а также ревностное отношение к чистоте вероисповедания на миссионерском поприще, противостояние старообрядцам и сектантам. Радея о сохранении древних монастырских обычаев, митрополит Георгий любил столбовое пение (знаменное, кондакарное) [3, с. 580–582], яркий образец которого являла церковно-певческая традиция Киево-Печерской Лавры.

Особенно непростым в практике монашеского делания оказалось введение киновии в женские обители. Вопрос об управлении женским монастырем на основании устава оставался нерешенным. Общего понимания феномена женского монашества в воспринятой византийской традиции не было. Развитие женского монашества искусственно сдерживалось синодальными властями, «Духовный регламент» и «Прибавления к Духовному регламенту» от 1722 года ограничивали возраст вступления женщин в монашеский чин: не раньше 50 лет и не позже 60, против требований для мужчин: не ранее 30 лет. Более жестко регламентировалось женское монашество в общении с миром, так как никому, кроме игумении, покидать обитель не разрешалось, а сам регламент общал: «монастырям женским всегда заключенным быть». Мужчины-монахи могли, получив от игумена «подорожную», навещать родственников четыре раза в год [5, с. 141].

Общежительный тип монастыря не следует путать с женскими монашескими общинами, или «женскими общежитиями», которые стали возникать еще при Екатерине II. Такие общины могли принимать формы просфорни, богадельни, церковно-приходской школы. Общины возникали и при приходском храме, как, например, в селе Селезни (1849) и Троекурово (1857) Тамбовской епархии, когда рост активности женского монашества объяснялся и духовными, и социальными причинами [19]. Активность женского общинного движения в XIX веке естественно вызывала желание иерархов Церкви направить этот процесс к организации общежительных монастырей, так как существующие штатные женские

монастыри и монастыри своекоштные тяготели к полиритмии. Попытки ввести в них киновию организационными мерами настоятелей и правящих епископов быстрого результата не дали. Сказанное подтверждает опыт наиболее влиятельного иерарха и талантливого организатора – митрополита Московского Филарета (Дроздова). Он одним из первых оценил активность и жизнеспособность женских общин, количество которых в XIX веке постоянно возрастало. Увидев на примере Московской епархии, что при организационной поддержке стихийно возникающие женские общины естественно преобразуются в киновии, митрополит, используя свое влияние, добился синодального решения о приоритетной поддержке общежительных новообразуемых женских монастырей. Решение оказалось результативным: «Из 156 женских общин, созданных в Российской Империи за период с 1764 по 1894 годы, 104, т. е. 67%, стали монастырями с общежительным уставом» [12]. Менее результативной оказалась практика преобразования штатных женских особножитных или своекоштных монастырей в киновии; эти монастыри ориентировались не на высокий образец монастырского подвижничества, идущего от древних монашеских образцов, а на практику XVII–XVIII веков, допускавшую отступление от устава, послабления, неподчинение. Условием исправления положения в таких женских обителях свт. Филарет считал назначение деятельной игумении, разделяющей взгляды о необходимости введения киновии. Святитель в 1852 разработал «Правила благоустройства монашеских братств в Москве», в которых говорилось о необходимости осторожно и умеренно вводить общежительный устав. Нарастающую же тенденцию образования женских общин святитель рассматривал как следствие растущей религиозности женщин и свидетельство народного благочестия [12].

Одновременно с практикой московского митрополита подобные подходы к женскому монашеству практиковались и в провинции. В Тамбовской епархии наиболее показателен в этом плане опыт епископа Феофана (Говорова) и игумении Тамбовского третьеклассного девичьего Вознесенского монастыря – Антонии (Аносовой).

Хотя монументальный труд святителя Феофана Затворника «Древние иноческие уставы» был опубликован в 1892 году [10], над изучением источников он работал еще со времен назначения в Русскую духовную миссию в Иерусалиме (1847–1854), где сов-

местно с архимандритом Порфирием (Успенским) имел возможность изучать редкие рукописные памятники аскетической мысли подвижников восточных монастырей [7, с. 28–30]. Древние Уставы свидетельствовали, что киновия не ограничивает самобытности православных обителей, отчего в каждом конкретном случае единство обетов, несению которых способствует Устав, представлено разнообразием личных опытов спасения. Возможно, именно поэтому в сборнике святителя Феофана, помимо уставов, представлены жития св. великих отцов Тавеннисииотских, преподобных Пахомия Великого, Орсии, Феодора Освященного, Венедикта Нурсийского.

Преосвященный Феофан свое попечение о женском монашестве осуществлял неспешно, руководствуясь опытом митрополита Филарета (Дроздова). Знание традиций монашеского общежития святителя Феофана было очень глубоким. Он многое воспринял от своих предшественников-учителей: митрополита Филарета (Амфитеатрова), митрополита Григория (Постникова), архиепископа Иннокентия (Борисова), духовного наставника епископа Иеремии (Соловьева). Всех названных святителей связывали дружба и братские отношения. Например, архиепископ Иннокентий (Борисов) в Орловской духовной семинарии (1815–1819) сидел за одной партой с будущим епископом Кавказским Иеремией (Соловьевым) [4, с. 110]. Со времен пребывания в Киевской духовной академии продолжалась его дружба с митрополитом Макарием (Булгаковым), архиепископом Димитрием (Муретовым) (1811–1883); с первых шагов на поприще духовного образования в училище, семинарии и академии Санкт-Петербурга оценку своим сочинениям святитель искал в лице епископа Игнатия (Брянчанинова) (1807–1867).

Взгляд преосвященного Феофана на общежительные женские монастыри обнаруживают его «Слова», сказанные в период служения на Тамбовской кафедре с 1859 по 1860 годы и изданные отдельным томом в 1861 году [21]. Некоторые из этих сочинений публиковались в «Тамбовских епархиальных ведомостях», где, кроме того, были опубликованы пять поучений «О пути ко спасению», а также «Письма о христианской жизни», содержащие мысли святителя о монашестве, в том числе и женском.

Наиболее отчетливо мысль о предпочтительности киновной организации женских обителей перед особножительными или ке-

лиотскими читается в словах епископа Феофана, сказанных по разным случаям в момент пребывания в монастырях [24]: в Тамбовском Вознесенском (3 слова) [21, с. 86–90, 121–125, 148–151], в Кирсановском Тихвино-Богородицком [21, с. 194–199], в Сухотинском Богородице–Знаменском (2 слова) [21, с. 15–21; 262–268], в Сезеновском Иоанно-Казанском (3 слова) [21, с. 99–104; 199–204; 204–208], в Троекуровской Димитриевской женской общине [21, с. 195–199], в Темниковском Рождество-Богородицком [21, с. 32–37], в Кадомском Милостиво-Богородицком [21, с. 108–112], в Усманском Софийском [21, с. 184–190].

В заключение приведем слова святителя Феофана о духовной высоте русского иночества: «Наш образ иночества согласен с первоначальным и с тем, в каком оно было держимо в Церкви во все время – от начала до нас. Да порадуются иноки, увидев, как древен иноческий род наш и да воодушевятся ревностью быть иноками, как следует им быть. Сколько у нас родоначальников и какое неисчетное родство!» [10, с. 7].

Список литературы

1. *Амвросий (Вайнагий), иером.* Историко-литургическое исследование традиций и особенностей богослужения Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры в XVIII–XX ст. : диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия / иеромонах Амвросий (Вайнагий) ; Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра. – Киев, 2010. – 198 с.

2. *Архангельская, А. В.* «Иосифляне» и «нестяжатели» / А. В. Архангельская // Слово : образовательный портал. – URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/37346.php?ELEMENT_ID=37346&PAGEN_1=3 (дата обращения: 11.12.2019).

3. *Берташ А., свящ.* Григорий (Постников) / свящ. Александр Берташ, С. Л. Фирсов // Православная энциклопедия. – Москва : Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2006. – Т. 12. – С. 580–582.

4. *Виноградов, И. З.* Преосвященнейший Иеремия, епископ Нижегородский, и его воспоминания о преосвященнейшем Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом / И. З. Виноградов. – Нижний Новгород : Тип. Нижегород. Губерн. правления, 1886. – 138 с.

5. *Водарский, Я. Е.* Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. / Я. Е. Водарский // Историческая география России : XII – начало XX в. : сб. ст. к 70-летию профессора Л. Г. Бескровного. – Москва : Наука, 1975. – С. 70–98.

6. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 526. 161 л. ; Д. 1249. 16 л. ; Д. 1251. 219 л.

7. *Георгий (Тертышников), архим.* Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении / архимандрит Георгий (Тертышников). – Москва : Правило веры, 1999. – 570 с.

8. *Дионисий (Шленов), игум.* Три монашеских обета : каноническое и богословское содержание / игумен Дионисий (Шленов) // Монастыри и монашество : традиции и современность : материалы науч. конф., Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 23–24 сентября 2013. – Москва : Синод. отд. по монастырям и монашеству Рус. Православ. Церкви, 2013. – С. 115–156.

9. *Болгарский Д., протодиак.* Киево-Печерский распев / протоиерей Димитрий Болгарский // Православная энциклопедия. – Москва : Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2006. – Т. 33. – С. 83–91.

10. Древние иноческие Уставы преподобного Пахомия Великого, святого Василия Великого, преподобного Иоанна Кассиана и преподобного Венедикта, собранные епископом Феофаном. – Репр. воспр. изд. Афонского Русского Пантелеймонова монастыря 1892 г. – Рига : Паломник : Благовест, 1995. – 653, [1], VIII, [2] с.

11. *Кадомский, М. П.* Историко-статистическое описание Богородице-Знаменского Сухотинского монастыря / М. П. Кадомский. – Тамбов : Тип. Палаты Гос. Имуществ, 1864. – 64 с.

12. *Козлов М., прот.* Святитель Филарет (Дроздов) и его отношение к женскому монашеству / протоиерей М. Козлов // Песнь степеней : келейный блокнот : сайт. – URL: <http://stepenna.blogspot.com/2018/11/svyatitel-Filaret.html> (дата обращения: 14.11.2018).

13. *Лебедева-Емелина, А. В.* Бортнянский / А. В. Лебедева-Емелина // Православная энциклопедия. – Москва : Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2006. – Т. 6. – С. 88–91.

14. *Митрофан (Шкурин), иером.* Акатов во имя святителя Алексия женский монастырь / иеромонах Митрофан (Шкурин)

// Православная энциклопедия. – Москва : Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2000. – Т. 1. – С. 371.

15. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 3069. 90 л. Список с главной описи церковному и ризничному имуществу Тамбовского Вознесенского девичьего третьеклассного монастыря, составленный в 1857 году.

16. *Серафима, игум.* История Киево-Печерской Лавры : историко-богословское исследование. Кн. 1. XI – первая половина XIII в. / игуменья Серафима ; Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра. – Киев : Мистецтво, 2001. – 438 с.

17. *Сергий (Василевский), архим.* Высокопреосвященнейший Филарет в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, и его время : в 3 т. / архимандрит Сергий (Василевский). – Казань : Типолитогр. И. С. Перова, 1888. – 3 т.

18. *Сидоров, А. И.* Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества / А. И. Сидоров. – Москва : Православ. паломник, 1998. – 545 с.

19. *Синицына, Н. В.* Монашество и монастыри в России XI–XX века : исторические очерки / Н. В. Синицына // Золотой корабль : электрон. б-ка. – URL: <http://www.golden-ship.ru> (дата обращения: 16.05.2014).

20. *Ефрем Сирин, прп.* Увещевание монахам. Р. 345. Цит. по: Дионисий (Шленов), игум. Три монашеских обета : каноническое и богословское содержание / игумен Дионисий (Шленов) // Монастыри и монашество : традиции и современность : материалы науч. конф., Свято-Троицкая Лавра, 23–24 сентября 2013. – Москва : Синод. отд. по монастырям и монашеству Рус. Православ. Церкви, 2013. – С. 117.

21. Слова к тамбовской пастве Феофана, епископа Тамбовского и Шацкого в 1859–1860 годах. – Санкт-Петербург : Тип. Штаба военно-учеб. заведений, 1861. – 326, [3] с.

22. Собственность в России : Средневековье и раннее новое время. – Москва : Наука, 2001. – 283 с.

23. Тамбовский патерик : православные святые и подвижники благочестия Тамбовского края. В 2 кн. Кн. 2. / сост.: А. Н. Алленов, О. Ю. Левин, А. С. Бочаров. – Тамбов : Центр православ. культуры, 1999. – 97 с.

24. *Феодосий (Васнев), митр.* Святитель Феофан Затворник: наставления монашествующим Тамбовских женских обителей / ми-

трополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий // Свято-Успенский Вышенский монастырь : офиц. сайт. – URL: <http://svtheofan.ru/item/2609-feodosiy-mitropolit-tambovskiy-i-passkazovskiy.html> (дата обращения: 22.10.2017).

25. *Феофан (Меджидов), архим.* Устав Киево-Печерской Лавры как образец преемства монашеской традиции : доклад на Международной конференции «Преемство монашеских традиций в современных монастырях. Духовное наследие египетских отцов и его актуальность для современного монашества». Москва, Зачатьевский ставропигиальный женский монастырь, 17–18 ноября 2018 г. / архимандрит Феофан (Меджидов) // Монастырский вестник : офиц. сайт Синод. отд. по монастырям и монашеству Рус. Православ. Церкви. – URL: https://monasterium.ru/doklady/preemstvo-monasheskikh-traditsiy_2018 (дата обращения: 01.02.2019).

26. *Хитров Г., свящ.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / священник Георгий Хитров. – Тамбов : В тип. К. И. Закржевского, 1861. – 340 с.

27. ЦГИАК (Центральный государственный исторический архив, г. Киев). Ф. 128. Оп. 2 мон. Д. 1109. Л. 67 об. – 69.

28. *Frazer Ch. A.* Late Roman and Byzantine Legislation on the Monastic Life from the Fourth to the Eighth Centuries / A. Ch. Frazer // Church History. 51.3.1982. P. 263–279.

UDC 93 94(47)

**MONKS IN CENOBIUM MONASTERIES:
SPIRITUAL EXPERIENCE
OF PREDECESSORS AND
CONTEMPORARIES OF ST. THEOPHAN
THE RECLUSE**

Vladimir A. Sergunin, Archpriest
Master of Religious Studies
Senior Lecturer
Church and Practice Department
Tambov Theological Seminary
PhD student at the Department of
General History
Derzhavin Tambov State University
E-mail: vlaserg@gmail.com

For citation: Sergunin V. A., Archpriest. Monks in cenobium monasteries: spiritual experience of predecessors and contemporaries of St. Theophan the Recluse // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 60–80. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the successive tradition of the Orthodox Byzantine Eastern and Russian cenobium monasteries, preserved by the ascetic labors of the hierarchs of the Russian Orthodox Church. The examples of the influence of the Kiev-Pechersk traditions on the convents of the Tambov diocese are revealed and the aspects of the liturgical life of the Tambov third-year nun's Ascension monastery are touched upon on the example of the analysis of the inventories of liturgical books. The influence of prominent representatives of the Orthodox hierarchy, primarily of the South Russian, on the views of St. Theophan regarding the cenoby in convents is characterized. An analysis of the reasons for the growing dynamics of the formation of women's communities and the problem of transferring eremitic monasteries to cenobitic ones is given.

Keywords: Cenoby; monastery charter; female monasticism; dormitory; continuity of monastic traditions.

References

1. *Ambrose (Vainagius), Hieromonk*. Istoriko-liturgicheskoe issledovanie traditsii i osobennostei bogosluzheniya Svyato-Uspenskoii Kievo-Pecherskoii Lavry v XVIII–XX st. Diss. kand. bog. [Historical and liturgical study of the traditions and features of the divine services of the Holy Dormition Kiev-Pechersk Lavra in the 18th–20th centuries. Cand. sci. (theology) diss.]. Kiev, 2010, 198 p. (in Russian)
2. *Arkhangelskaya, A. V.* “‘Iosiflyane’ i ‘nestyazhateli’” [“Josephites” and “Nonpossessors”]. (in Russian). Available at: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru>. (Accessed 11.12.2017)
3. *Bertash A., Priest, Firsov S. L.* Grigory (Postnikov) [Grigory (Postnikov)]. Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia], Moscow, Church and Scientific Centre “Orthodox Encyclopedia”, 2006, vol. 12, pp. 580–582. (in Russian)
4. *Vinogradov, I. Z.* Preosvyashchennishii Ieremiya, episkop Nizhegorodskii, i ego vospominaniya o preosvyashchennishem Innokentii, arkhiepiskope Khersonskom i Tavricheskom [His Grace Jeremiah, Bishop of Nizhny Novgorod, and his memoirs about His Grace Innokentii, Archbishop of Kherson and Taurida]. Nizhny Novgorod, Printing house of the Nizhny Novgorod Provincial government, 1886, 138 p. (in Russian)
5. *Vodarsky, Ya. E.* Tserkovnye organizatsii i ikh krepostnye krest'yane vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v. [Church organizations and their serfs in the second half of the 17th – early 18th centuries]. Sbornik statei k 70-letiyu professora L. G Beskrovnogo “Istoricheskaya geografiya Rossii: XII – nachalo XX v.” [Collected papers to the 70th anniversary of Professor L. G. Beskrovny “Historical geography of Russia: XII – early XX century”], Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 70–98. (in Russian)
6. GATO, F. 181, Op. 1, D. 526. – 161 l.; D. 1249. – 16 l.; D. 1251 - 219 l. [The State Archive of Tambov Region. Fund 181. Series 1. File 526. Sheet 161; File 1251, Sheet 219]. (in Russian)
7. *Georgy (Tertyshnikov), Archimandrite*. Svyatitel’ Feofan Zatvornik i ego uchenie o spasenii [Saint Theophan the Recluse and his teaching on salvation]. Moscow, The Rule of Faith Publ., 1999, 570 p. (in Russian)

8. *Dionisy (Shlenov), Hegumen. Tri monasheskikh obeta: kanonicheskoe i bogoslovskoe sodержanie* [Three monastic vows: canonical and theological content]. *Materialy nauchnoi konferentsii "Monastyri i monashestvo: traditsii i sovremennost"* [Proceedings of the scientific conference «Monasteries and Monasticism: Traditions and Present Time»], Holy Trinity Lavra, 23–24 September 2013. Moscow, Synodal Department for Monasteries and Monasticism of the Russian Orthodox Church, 2013, pp. 115–156. (in Russian).

9. *Dimitry Bolgarsky, Protodeacon. Kievo-Pecherskii raspev* [Kiev-Pechersk chant]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], Moscow, Church and Scientific Centre "Orthodox Encyclopedia", 2006, vol. 33, pp. 83–91. (in Russian)

10. *Drevnie inocheskie Ustavy prepodobnogo Pakhomiya Velikogo, svyatogo Vasiliya Velikogo, prepodobnogo Ioanna Kassiana i prepodobnogo Venedikta, sobrannye Episkopom Feofanom* [Ancient monastic Statutes of Reverend Pachomius the Great, Saint Basil the Great, Reverend John Cassian and Reverend Benedict, collected by Bishop Theophan]. Edition of the Athos Russian Panteleimon Monastery, 1892. Riga, Palomnik Publ., Blagovest Pub., 1995, 653 p. (in Russian)

11. *Kadomsky, M. P. Istoriko-statisticheskoe opisanie Bogoroditse-Znamenskogo Sukhotinskogo monastyrya* [Historical and statistical description of the Bogoroditse-Znamensky Sukhotinsky monastery]. Tambov, State Property Chamber Printing House Publ., 1864, 64 p. (in Russian)

12. *Kozlov M., Archpriest. Svyatitel' Filaret (Drozdov) i ego otnoshenie k zhenskому monashestvu* [Saint Philaret (Drozdov) and his attitude to female monasticism]. (in Russian). Available at: <http://stepenna.blogspot.com/2018/11/svyatitel-Filaret.html> (accessed 14.11.2018)

13. *Lebedeva-Emelina, A. V. Bortnyansky* [Bortnyansky]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], Moscow, Church and Scientific Centre "Orthodox Encyclopedia", vol. 6, pp. 88–91. (in Russian)

14. *Mitrofan (Shkurin), Hieromonk. Akatov vo imya svyatitelya Aleksiya zhenskii monastyr'* [Akatov nunnery in the name of St. Alexis]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia], Moscow, Church and Scientific Centre "Orthodox Encyclopedia", 2000, vol. 1, p. 371. (in Russian)

15. RGIA, F. 834, Op. 3, D. 3069. 90 l. Spisok s glavnoi opisi tserkovnomu i riznichnomu imushchestvu Tambovskogo Voznesenskogo devich'ego tret'eklassnogo monastyrya, sostavlennyi v 1857 godu [The Russian State Historical Archive, Fund 834, Series 3, File 3069. 90 sheets. The list from the main inventory of the church and sacristan property of the Tambov Ascension third-class nunnery, compiled in 1857]. (in Russian)

16. *Seraphima, Hegumeness*. Istoriya Kievo-Pecherskoi Lavry: Istoriko-bogoslovskoe issledovanie [History of the Kiev-Pechersk Lavra: Historical and Theological Research]. Book 1. 11th – the first half of the 13th centuries. Kiev, Mystetstvo Publ., 2001, 438 p. (in Russian)

17. *Sergius (Vasilevsky), Archimandrite*. Vysokopreosvyashchennishii Filaret v skhimonashestve Feodosii (Amfiteatrov), mitropolit Kievskii i Galitskii, i ego vremena [Most Reverend Philaret, in schema Theodosius (Amfiteatrov), Metropolitan of Kiev and Galicia, and his time]. Kazan, I.S. Perov Typolithograph Publ., 1888, 3 vol. (in Russian)

18. *Sidorov, A. I.* Drevnekhristsianskii asketizm i zarozhdenie monashestva [Ancient Christian asceticism and the birth of monasticism]. Moscow, Orthodox Pilgrim Publ., 1998, 545 p. (in Russian)

19. *Sinitsyna, N. V.* Monashestvo i monastyri v Rossii XI–XX veka: istoricheskie ocherki [Monasticism and monasteries in Russia in the 11th – 20th centuries: historical sketches]. Zolotoi korabl'. Elektronnaya biblioteka [Golden Ship. Electronic Library]. (in Russian). Available at: <http://www.golden-ship.ru> is free // Title. from the screen. (accessed 16.05.2014)

20. *Saint Ephrem the Syrian*. Uveshchevanie monakham [Exhortation to the monks]. Materialy nauchnoi konferentsii “Monastyri i monashestvo: traditsii i sovremennost’”, Svyato-Troitskaya Lavra, 23–24 sentyabrya 2013 [Proceedings of the scientific conference “Monasteries and monasticism: traditions and the present time“, Holy Trinity Lavra, 23–24 September 2013]. Moscow, Synodal Department for Monasteries and Monasticism of the Russian Orthodox Church, 2013, p.117 (in Russian).

21. Slova k tambovskoi pastve Feofana, episkopa Tambovskogo i Shatskogo v 1859–1860 godakh [Addresses to the Tambov flock of Theophan, Bishop of Tambov and Shatsk in 1859–1860].

St. Petersburg, Military Education Headquarters Printing House Publ., 1861, 326 p. (in Russian)

22. *Sobstvennost' v Rossii: Srednevekov'e i rannee novoe vremya* [Property in Russia: the Middle Ages and early modern times]. Moscow. Nauka Publ., 2001, 283 p. (in Russian)

23. *Allenov A. N., Levin O. Yu., Bocharov A. S. Tambovskii paterik: pravoslavnye svyatye i podvizhniki blagochestiya Tambovskogo kraja. V 2 kn. Kn 2* [Tambov patericon: Orthodox saints and devotees of piety in the Tambov region. In 2 books. Book 2]. Tambov, Center of Orthodox Culture Publ., 1999, 97 p. (in Russian)

24. *Feodosy (Vasnev), Metropolitan. Svyatitel' Feofan Zatvornik: nastavleniya monashestvuyushchim Tambovskikh zhenskikh obitelei* [Saint Theophan the Recluse: Instructions for cloisteres in Tambov nunneries]. *Svyato-Uspensky Vyshensky monastyr': ofitsial'ny sait* [Holy Dormition Vyshensky monastery: official website]. (in Russian). Available at: <http://svtheofan.ru/item/2609-feodosiy-mitropolit-tambovskiy-i-passkazovskiy.html> (Accessed: 22.10.2017).

25. *Theophan (Medzhidov), Archimandrite. Ustav Kievo-Pecherskoi Lavry kak obrazets preemstva monasheskoi traditsii* [The charter of the Kiev-Pechersk Lavra as an example of the continuity of monastic tradition]. *Doklad na Mezhdunarodnoi konferentsii "Preemstvo monasheskokh traditsii v sovremennykh monastyryakh. Dukhovnoe nasledie egipetskikh ottsov i ego aktual'nost' dlya sovremennogo monashestva"*. *Zachat'evskii stavropigal'nyi zhenskii monastyr', 17–18 noyabrya 2018* [Report at the International conference "Continuity of monastic traditions in modern monasteries. The spiritual heritage of Egyptian fathers and its relevance for modern monasticism". *Zachatievsky stauropigion convent, 17–18 November 2018*]. *Monastyrskii vestnik: ofitsial'nyi sait Sinodal'nogo otdela po monastyryam i monashestvu Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Monastery Bulletin: official website of the Synodal Department for Monasteries and Monasticism of the Russian Orthodox Church. (in Russian). Available at: https://monasterium.ru/doklady/preemstvo-monasheskikh-traditsiy_2018 (Accessed: 01.02.2019).

26. *Khitrov G., Priest. Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoi eparkhii* [Historical and statistical description of the Tambov diocese]. Tambov, K. I. Zakrzhevsky Printing House Publ., 1861, 340 p. (in Russian)

27. TsGIAK (Central State Historical Archives, Kiev) F. 128. Op. 2 mon. D. 1109.L. 67 ob. – 69 [TsGIAK (Central State Historical Archives, Kiev). Fund 128. Series 2. File 1109. Sheets 67 reverse – 69]. (in Russian)

28. *Frazer Ch. A.* Late Roman and Byzantine Legislation on the Monastic Life from the Fourth to the Eighth Centuries. Church History, 1982, pp. 263–279.

УДК 37.017.925, 37.017.93

**ДНЕВНИКИ В. Т. ГРОЗДОВА КАК
ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ
СЛУЖЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ
(ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)
НА ТАМБОВСКОЙ ЗЕМЛЕ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**Протоиерей Виктор Федорович
Лисюнин**

кандидат богословия, кандидат
исторических наук, заведующий
кафедрой церковной истории
Тамбовской духовной семинарии
E-mail:ovli09@mail.ru

Для цитирования: Лисюнин В. Ф., прот. Дневники В. Т. Гроздова как источник изучения темы служения святителя Луки (Войно-Ясенецкого) на Тамбовской земле в годы Великой Отечественной войны // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 80–110.

Аннотация

В статье анализируются дневниковые записи Вячеслава Тихоновича Гроздова (Тамбов, 1927 – Санкт-Петербург, 2010), сына хирурга Т. М. Гроздова, главного хирурга-консультанта тамбовских эвакогоспиталей. Автор сообщает, что дневники В. Т. Гроздова периода Великой Отечественной войны отражают не только исторические реалии того времени, описания повседневной жизни города, но и позволяют охарактеризовать обстановку общественной жизни, в которой пребывал архи-

епископ Тамбовский и Мичуринский Лука (Войно-Ясенецкий) во время своего служения в Тамбове.

Ключевые слова: дневник; город-госпиталь Тамбов; семья Гроздовых; выпускник Тамбовской духовной семинарии; Великая Отечественная война; архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий); эвакогоспиталь; МИИТ; Пасха; Победа.

В день праздника Покрова Пресвятой Богородицы 2017 г. митрополитом Тамбовским и Рассказовским Феодосием в присутствии губернатора области А. В. Никитина и других почетных лиц был освящен памятник свт. Луки, подаренный городу Тамбову Российским военно-историческим обществом. В этот день в доме-музее, где жил во время Великой Отечественной войны священно-исповедник архиепископ Тамбовский и Мичуринский Лука (Войно-Ясенецкий), открылась музейная экспозиция о жизни и служении святителя-хирурга в госпитальном городе Тамбове. Весной 2018 г. музей посетила внучка известного тамбовского хирурга Т. М. Гроздова [23] – М. В. Ганеева (Гроздова), вспомнившая о сохранившихся у нее дневниках своего отца В. Т. Гроздова, которые он, будучи школьником, писал в Тамбове с 1937 по 1945 г. включительно. Теперь дневники Вячеслава Тихоновича Гроздова являются одним из наиболее ярких эмоционально-выразительных экспонатов музея свт. Луки, своеобразной летописью служения госпитального города во время войны. Небольшие отрывки записей дневника были опубликованы в 2018 г. в музейно-исследовательском сборнике «Примите мою любовь: тамбовский период служения архиепископа Луки: исследования, документы, воспоминания», где были отражены новые выявленные материалы по теме служения свт. Луки в Тамбове [1]. Необходимо отметить, что дневники В. Т. Гроздова, как и многие другие новые данные, введенные в научный оборот благодаря музейным исследованиям по созданию и развитию дома-музея свт. Луки, значительно добавляют материалы региональных исследований о Тамбовском периоде служения [5, 6, 24, 25], а также о повседневной, приходской среде, окружающей архиепископа Луку в Тамбове [7, 8, 9, 10]. В то же время новые данные в сочетании с работами и свидетельствами самого архиепископа Луки [11, 12] позволяют лучше иллю-

стрировать события той непростой героической эпохи, в которой оказались владыка и окружающие его люди.

Автор дневника – Вячеслав Тихонович Гроздов – родился 10.02.1927 года в Тамбове. Он был третьим ребенком в семье. Во время войны много помогал отцу-хирургу в госпиталях, делал зарисовки операций, портреты раненых, которые те отправляли домой (он, так же, как и отец, прекрасно рисовал), работал санитаром. После Великой Отечественной войны Вячеслав закончил в Москве институт инженеров железнодорожного транспорта (далее – МИИТ), стал кадровым военным. Преподавал в военно-строительном университете в Ленинграде, защитил 2 диссертации, возглавлял кафедру, получил звание доктора технических наук, профессора [2].

В 2010 г. Вячеслав Тихонович Гроздов скончался, но оставшиеся в тамбовской квартире семьи Гроздовых вещи, в том числе принадлежавшие Вячеславу Тихоновичу дневники военных лет, были переданы Томский областной краеведческий музей безвозмездно только в 2018 году [4]. Марина Вячеславовна Ганеева остается хранительницей семейных реликвий, к каковым относится большого размера картина, изображающая кающуюся Марию Магдалину, подаренную отцу Тихона Митрофановича – священнику Митрофану Гроздову за участие в работе Крестовоздвиженского братства в Тамбове. В 2019 г. она передала в музей и семейную Библию с иллюстрациями Гюстава Доре, которую отец Митрофан подписал своему сыну, выпускнику Тамбовской духовной семинарии Т. М. Гроздову.

Дневники Вячеслава Тихоновича Гроздова представляют из себя 34 тетради дневниковых записей с рисунками на полях и отдельных страницах, с вложением вырезок из газет военного времени. Это бесценная хроника жизни города-госпиталя Тамбова. Дневник Слава, так его звали в семье, начал вести в 14 лет [2].

Эти рукописные свидетельства повседневности Вячеслава Гроздова дают детальную характеристику жизни семьи провинциального интеллигента 40-х годов XX века. Даже при условии невоцерковленного образа жизни это были люди православной духовности: неистребимая вера в высшую справедливость, самоотверженное служение ближнему, любовь к Отечеству и самоотверженное чувство долга. Все горести семья принимала как общую скорбь; и жизненное испытание только укрепляло Гроздовых. Так, в 1942 году от туберкулезного менингита умер старший сын

Гроздовых Борис, 1924 г.р. Его могилу регулярно посещали члены семьи Гроздовых. Скорбь укрепляла любовь [3].

Участие в работе госпиталей в качестве санитаря и помощь в оформлении наглядных материалов к научным исследованиям, зарисовки госпитального быта, личное знакомство и отношения с людьми, связанными с медициной непосредственно, позволили Вячеславу Гроздову как автору дневниковых записей создать хронику событий и бытописание тамбовского периода служения архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого).

Из дневников видно, что Вячеслав Гроздов стал свидетелем самых трагических периодов в истории великой войны, когда судьба Родины решалась на юго-западном направлении (Курско-Обоянская операция – декабрь-январь 1942; Воронежско-Ворошиловская операция – июнь-июль 1942; Великолукская операция – ноябрь 1942 – январь 1943; Воронежско-Харьковская наступательная операция – июнь-март 1943 – Первый Украинский фронт, после переименования Воронежского фронта приказом Ставки ВГК от 16 октября 1943 года), когда г. Тамбов был прифронтной зоной, что и превратило его в город-госпиталь. Вот одно из свидетельств: «...Днём я пошёл в госпиталь. Сделал зарисовки в перевязочной. Страшно смотреть на страдания раненых. У одного раненого была отрезана половина ступни на одной ноге и немного меньше на другой. Когда снимали у него повязку и отдирали марлю от раны, он кричал диким голосом, ревел как зверь. Было жутко на него смотреть. Потом отделяли повязку у раненого, у которого совсем была отрезана нога. Несмотря на наркоз, он весь передергивался, извивался: надо к этому зрелищу привыкнуть» [3, 15.01.43 г., пятница]. Такие же картины постоянно видел и архиепископ-хирург.

Хотя по тексту видно сознательное избегание каких-либо оценок опыта встреч с владыкой Лукой, влияние авторитета архиепископа-хирурга несомненно было велико, и отмечается оно с начала 1944 года, т. е. с момента приезда архипастыря в Тамбов. И как ученого, и как практикующего хирурга, и как архипастыря святителя Луку в семье Гроздовых глубоко почитали. Вот, например, что пишет Вячеслав в момент подготовки памятного съезда хирургов, явление на который святителя Луки в архиерейском облачении произвело неизгладимое впечатление: «Из одного го-

спиталья принесли планки для таблиц к папиному докладу. Мы их выкрасили черной тушью и приделали к таблицам. Таблиц у папы две. Рисунки нарисованы на обеих сторонах таблиц. Всего 22 рисунка... Съезд хирургов, на котором папа будет читать свой доклад об оперативных вмешательствах при огнестрельных ранениях таза, состоится на днях. Сегодня папа познакомился с профессором Войно-Ясенецким и в то же время епископом Лукой. Профессор очень хвалил папину работу о тазах и наши рисунки к этой работе. Он сказал, что в мировой литературе есть единственная большая работа о ранениях таза немецкого профессора, где описывается 100 случаев. У папы же 130 случаев. Профессор Войно-Ясенецкий сегодня делал операцию таза. Он делает широкие разрезы, так же как это делает и папа. Профессор сказал, что папа должен выпустить свою работу монографией или защитить диссертацию» [З, 16.03.1944]. Эти события происходили в момент ожесточенных боев на 2-м Украинском фронте у ж/д узла Вапнярка, о чем дополнительно указано в дневнике. О том, что одобрение архиепископа-хирурга произвело на Тихона Митрофановича Гроздова воздействие, свидетельствуют записи в дневнике за 4–12 марта 1944 года, показывающие, что сын, несмотря на недомогание, усиленно помогает отцу готовить доклад к съезду врачей: «В школу не пошел, на теле красная лихорадка. Нарисовал несколько рисунков на большом листке для папиного доклада... Нарисовал один (еще один. – *Прот. В. Л.*) рисунок к папиному докладу... Днем рисовал к папиному докладу» и др. [З, 04.03.1944–12.03.44 г.].

Волей Божией Вячеслав оказался свидетелем заседания, на котором выступал его отец и архиепископ-хирург Лука: «...Вечером я пошел с папой на конференцию хирургов. Папа делал доклад первым. Но весь доклад в целом папе не удалось прочесть, так как время дали мало, и папе пришлось многое выкинуть. После папы выступал профессор Войно-Ясенецкий. Он был в архиепископском облачении. Доклад профессора вызвал большое внимание. Говорил он тихо, но очень выразительно. Затем в прениях по папиному докладу он давал высокую оценку этому докладу. Он сказал, что считал методы своей работы – он нигде не встретит. Но оказалось, что папа работает такими же методами, как и он» [З, 19.03.43, воскресение]. Из записи того же дня известно, что успешное выступление на конференции было отмечено в кругу друзей. «Папа

встретился на конференции с доктором Гиндиным, с которым он сидел в плену в гражданскую войну. После конференции папу и меня пригласил к себе начальник госпиталя, расположенного в 6-ой и 7-ой школе. Начальник живет при госпитале. Он угостил нас чаем. Возвращаясь домой, мы слышали приказ Сталина, где сообщалось об освобождении нашими войсками города Кременца (1 Украинский фронт). В 21 час Москва салютовала войскам, освободившим г. Кременец 12 залпами из 124 орудий. Вечер сегодня был для меня очень интересный» [З, 19.03.43, воскресенье].

В целом период общения Гроздовых с архиепископом Лукой ознаменовался духовным подъемом: войска наступали. В частности, в записи от 24 марта 1944 года сообщалось: «По радио вечером передали приказ Сталина, в котором он благодарил войска 1 Украинского фронта, которые прорвали оборону противника на участке Тернополь–Проскуров». Приливу созидательных сил не мешали крайне тяжелые условия госпитального быта, которые стали меняться в лучшую сторону только в 1945 году. «Ночью за папой приехали из одного госпиталя, и он вернулся только в 8.30 утра. Операцию делал при свете нещадно коптившей лампы, а осмотр больного проходил при свете «копчужки» [З, 16.02.45 г., пятница].

Наблюдения Вячеслава, сделанные в госпитале (в тексте указана школа № 5, отданная под госпиталь), подтверждают, что операции, которые делал сам епископ, проходили в присутствии коллег врачей и служили школой хирургического мастерства. «...завтра папа будет присутствовать при операции, которую будет делать профессор Войно-Ясенецкий. Я тоже вероятно буду там, чтобы сделать зарисовку операции» [З, 24.03.44 г., пятница].

С этого момента Вячеслав неоднократно становился не только свидетелем, но и помощником на медицинском поприще своего отца и архиепископа Луки: «...за мной зашел папа, и мы пошли в госпиталь, где должен был оперировать профессор Войно-Ясенецкий. Этот госпиталь находится на южной окраине города. Операции я не зарисовывал. Сделал только наброски в блокнот с профессора Войно-Ясенецкого. Один больной умер от наркоза. Затем профессор сменил у другого больного тампон в ране, и сделал резекцию ребер у третьего...» [З, 25.03.44 г., суббота]. Вячеслав присутствовал многократно на операциях профессора-хирурга Войно-

Ясенецкого, во время одной из них он сделал карандашный портрет архиепископа Луки в хирургическом облачении за работой.

Делал он и цветные рисунки-схемы хода операций по методу отца, Тихона Митрофановича Гроздова; предполагалось, что эти рисунки архиепископ будет использовать в научных докладах: «...вернувшись домой, я стал рисовать таблицы к докладам профессора Войно-Ясенецкого» [З, 22.10.44 г., воскресенье].

Жизненный опыт и духовная мудрость архиепископа Луки располагали к нему людей, которые искали совета и наставления. В подобной ситуации обратился к нему и хирург Тихон Митрофанович Гроздов, который посылал свою статью в отраслевой журнал «Хирургия», статья была отклонена, но стала предметом критики и неблагоприятных заимствований «некого Бернштейна». «В журнале «Хирургия» № 9 за 1944 год, – пишет Вячеслав, – помещена статья о ранениях таза некого Бернштейна, который читал папину работу. В статье имеется ряд выводов, которые есть в папиной работе. Кроме того, этот Бернштейн вступает в полемику с папой, неправильно приводя его некоторые выводы. Надо бы проучить этого Бернштейна» [З, 04.03.45 г., воскресенье]. Статья Бернштейна возмутила и самого Тихона Митрофановича, который по этому поводу просил совета у архиепископа. «Папа сегодня был у профессора Войно-Ясенецкого и говорил по поводу статьи Бернштейна о ранении таза, помещенной в журнале «Хирургия» № 9 за 1944 год. Папа прочел профессору свою ответную статью. Профессор сказал, что статья Бернштейна никуда не годится, ученическая, что самое лучшее оставить её без внимания. А то, чего доброго и ответной папиной статьёй кто-нибудь воспользуется. Папа решил последовать совету профессора» [З, 13.03.45 г., вторник].

Гроздовы встречались с архиепископом и на других научно-просветительских мероприятиях. Заметным событием в жизни прифронтового города стал приезд известного советского травматолога-ортопеда, профессора Н. Н. Приорова. Встреча с профессором состоялась в Музучилище (ныне – Музыкально-педагогический институт им. С. В. Рахманинова). Вячеслав пишет: «После института пошел в музучилище, где выступал профессор Приоров, приехавший из Москвы. В зале присутствовало много врачей. Я сидел с папой во втором ряду. Профессор рассказывал о своей поездке в Англию и Америку. Слушал я с большим интересом.

Только профессор не очень хорошо говорит, не гладко, если так можно выразиться. На докладе присутствовал заместитель наркома здравоохранения РСФСР и профессор Войно-Ясенецкий» [З, 19.04.45 г., четверг].

На плотность общения Тихона Митрофановича с архиепископом Лукой повлиял и тот факт, что в марте 1945 года Гроздова назначили главным хирургом Облздравотдела. По этому поводу Вячеслав пишет: «Главного хирурга госпиталей ИКЗ Тамбовской области сняли с должности и опять поставили главным хирургом папу» [З, 21.03.45 г., вторник]. Гроздов бывал у архиепископа Луки на квартире (ул. Комсомольская, 9), о чем также свидетельствует дневник Вячеслава: «Папа был у профессора Войно-Ясенецкого. Профессор подарил папе две свои фотокарточки» [З, 11.06.45 г., понедельник].

Дневник отражает и события массовых награждений медицинских работников орденами и медалями в 1945 году: «Мама принесла от Черноцких газету "Медицинский работник" – о награждении орденом работников переливания крови. Среди награжденных дядя Митя – орден "Красная Звезда" и Харлампий Харлампиевич Владье – орден "Трудового Красного Знамени"» [З, 18.03.45, суббота].

Успешное выступление на съезде врачей стимулировало занятия наукой, и Тихон Митрофанович продолжил принимать участие в научных конференциях. «Вчера вечером и сегодня утром папа делал доклад на съезде врачей Орловского военного округа» [З, 16.06.45 г., воскресенье].

Члены семьи Гроздовых отличались общительностью. В их доме собирались гости, в основном медицинские работники. «Вечером приходили врачи из ближайшего госпиталя, мама угощала их чаем» [З, 07.05.45 г., понедельник]. Серьезная подготовка к учебе и насыщенность образовательной подготовки не мешали и Вячеславу часто встречаться с друзьями. Из дневника видно, что он встречался с друзьями на квартире у Жени Мокроусова, жившего на ул. Комсомольской, там же, где и архиепископ Лука [З, 25.02.45 г., воскресенье].

Общая увлеченность медициной, наукой повлияли на процесс выбора специальности Вячеславом Гроздовым. Он, всегда мечтавший о карьере инженера, вдруг серьезно стал думать о поприще врача. Это изменило круг его чтения, в который с 1944–1945 гг.

активно вошли газета «Медицинский работник», труд основателя отечественной нейропсихологии, профессора А. Р. Лурии «Внутренняя картина болезней и психиатрические заболевания». Однако интерес к курсу физики Путилова, теоретической механике Воронкова явно одерживал верх [З, 16.03.45 г., пятница; 4.04.45 г., среда]. На протяжении 1944–1945 годов Вячеслав находился в состоянии напряженного выбора между МИИТ и Мединститутом.

Тамбовские госпитали были в годы Великой Отечественной войны не только медицинскими, но и важными социальными учреждениями, давая кров и самую возможность выжить для сотен людей. При госпитале (в школе № 5) имелась парикмахерская, сапожная мастерская, где бывал и Вячеслав Гроздов.

Как известно, Тихон Митрофанович не считал для себя возможным жить лучше других во время военных бедствий. Он пресекал попытки больных «отблагодарить» за работу. Семья Гроздовых жила аскетично. Но из дневника Вячеслава мы знаем, что с разрешения главного врача Облздравотдела за карточками Тихона Митрофановича в госпиталь ходили жена или сын. Обычно по карточке давали хлеб. Случай, когда «из госпиталя дали соленого судака и немного шоколадных конфет» [З, 06.03.45 г., понедельник], составлял радостное исключение. В тексте дневника постоянно отмечаются посещения госпиталя по разным причинам, а также помощь госпиталя семье врача. «Днем я ходил в госпиталь в 5 школу. Там я подстригся и взял хлеб... Не ходил в школу – мать забрала худые ботинки и понесла в госпиталь в починку, или заменить... Сказали – приходите в понедельник»; «В госпитале мы закусили и пошли в основной военный госпиталь» [З, 29.02.44 г., вторник; 24.03.44 г., пятница]. «Ходил в облздрав – получить папин пайковый пропуск, но того, кто этим ведает не оказалось»; «Из госпиталя привезли воз торфа. <...> Папа в госпитале – починил валенки»; «Утром привезли из госпиталя 3 толстых пенька. Один расколол» [З, 07.02.45 г., среда; 17.02.45 г., суббота; 19.04.45 г., четверг]. Можно предположить, что некоторые проблемы быта архиепископа-хирурга могли решаться во время его пребывания на тамбовской кафедре с помощью госпитального хозяйства. По крайней мере, из опросов очевидцев нам известны случаи, когда владыка долго оставался в госпитале и кто-нибудь из сестер-хозяек, которые жили рядом, готовил и приносил еду для него в

госпиталь во время его непродолжительного отдыха между операциями и консультациями.

Голод, холод, стрессы были причиной того, что дети часто, а иногда серьезно, болели, что сказывалось на посещаемости. «Утром в школе на первом уроке было только половина учеников. На следующих – еще меньше. К последнему – разошлись оставшиеся» [З, 29.02.44 г., вторник]. В семье Гроздовых также часто болели и недоедали. Тихон Митрофанович еще во время служения в туберкулезном отделении городской больницы сам заразился и долгое время болел. От туберкулеза умер старший сын. На учете в туберкулезном отделении состоял и Вячеслав. Питались в семье скромно; блины из черной муки и тертого картофеля – обычное блюдо. Блины из овсяной муки – праздник [З, 08.03.44 г., среда; 14.03.45 г., среда].

Вячеслав нигде не пишет, постились ли в семье Гроздовых. Но по тексту видно, что во время Великого поста рацион был особенно умеренным в сравнении с предыдущим и последующим периодами. «Сегодня я только ел хлеб, картофель с маслом и пил чай». Это записано в день Вербного воскресения [З, 05.03.44 г., воскресенье]. Члены семьи регулярно посещали кладбище, прежде всего могилу Бориса Гроздова, судя по записям 1944–1945 годов. Обязательно посещали в день рождения – 18 марта – и на Пасху [З, 16.04.45 г., воскресенье].

Регулярно и открыто в семье Гроздовых отмечали Пасху Христову. Неизвестно, посещали ли церковь Тихон Митрофанович и дети, но мать в обязательном порядке накануне Пасхи ходила в церковь. «Утром совершенно ясно. Мама с Натальей Сергеевной и Шурой ходили в церковь» [З, 06.04.44 г., четверг].

К празднику тщательно готовились: «белили печь и потолок», «приготовляли пасху, тесто для куличей». «Нетуся», сестра Анна, помогала матери в приготовлении пасхального стола. Перед радостным сообщением об успехах наступательной операции в Крыму в 1944 году Вячеслав констатирует: «...послезавтра ПАСХА!» [З, 14.04.44 г., пятница]. Пасху в семье Гроздовых ожидают: «скоро Пасха», «послезавтра Пасха», «завтра Пасха», «сегодня Пасха», – пишет Вячеслав в дневнике и в 1944, и в 1945 годах. Описанию празднования Пасхи отводится полтора-два листа, тогда как обычная запись – пол-листа – лист.

Радостное пасхальное настроение населения официальная власть старалась подменить участием в знаковых событиях нового советского календаря. На Пасху в обязательном порядке устраивали воскресники. Так, в 1944 году в пасхальное воскресенье 16 апреля на городском воскреснике явка учащихся была невысокой. Организаторам пришлось объединить учащихся 17-й женской школы и 5-й школы. Собравшиеся работали в сквере на Ленинской площади вяло и скоро разошлись [З, 16.04.44, воскресенье]. Вторую половину пасхального воскресения занимали дополнительные учреждения. В художественной студии, где занимался Вячеслав, устроили выход на пленэр, в парк пионеров – писать пейзажи. Несмотря ни на что, многолюдством отмечалось посещение кладбища: «На кладбище весь день было много народа» [З, 16.04.44, воскресенье].

С особенной тщательностью в семье Гроздовых готовились встретить Пасху в 1945 году. Тихон Митрофанович болел: не ходил на службу и не мог помогать домашним. Дрова колол Вячеслав, он же помогал «прогонять через мясорубку творог и масло». Радостным предпасхальным событием стало извещение о возвращении населению радиоприемников, конфискованных в 1941 году [З, 30.04.45 г., понедельник; 04.05.45 г., пятница]. «Сегодня Пасха. В этом году мы Пасху встречаем богаче, сравнительно с другими военными годами. Мама приготовила паску (написано, как говорили в Тамбове. – *Прот. В. Л.*), испекла куличи, пирожки и пирог с творогом, покрасила яйца. Днём мы – ходили на кладбище. Там было много народа. Весь день по нашей улице двигался празднично одетый народ к кладбищу и обратно» [З, 06.05.45 г., воскресенье]. И в этом году был организован пасхальный воскресник, но явка опять была незавидной. «Утром надо было идти на воскресник, но было сыро, я плохо себя чувствовал и не пошел» [З, 06.05.45 г., воскресенье].

Хотя в дневнике нет прямых указаний на то, верующими ли людьми были Гроздовы, но весь уклад жизни и, прежде всего, православная нравственность, засвидетельствованная большими и малыми поступками, говорят о сохранности в кругу интеллигентной семьи традиционных ценностей Православия. Самопожертвование ближнему, забота об окружающих, соvestливое отношение ко всему происходящему засвидетельствованы многими

страницами дневника. Несмотря на нехватку во всем: в одежде, обуви, средствах на досуг и пр., – Вячеслав находил возможность проявить участие к отцу, матери и сестре. С крошечной стипендии, 200 рублей, он умел приобретать книги, учебники, не забывал и о близких. На одну из стипендий он купил на базаре «Нетусе ремешок для часов за 30 рублей». Созидательный потенциал православной воспитательной системы семьи подтверждают судьбы детей Гроздовых. Например, старшая, Анна Тихоновна Гроздова, 1924 г. р., закончила 2-й Московский медицинский институт, всю жизнь прожила в Тамбове и работала патологоанатомом в онкодиспансере, семьи не имела, умерла в 2001 г. Была очень известным и принципиальным человеком [2].

Несмотря на сложную историю взаимоотношений семьи Гроздовых с официальной властью, все ее члены в годы Великой Отечественной войны служили Отечеству как могли. Вячеслав Гроздов, в 1941–1946 учащийся школы, а затем МИИТ (Тамбовский филиал), в каждой дневниковой записи передавал новости с фронта, полученные из сводок радиосообщений. Сведенные воедино, эти записи составляют краткое пособие по истории Второй мировой войны. В 34 тетрадях дневниковых записей нет ни одной, где бы не цитировались официальные сообщения о ходе военных действий: сводки, приказы Сталина, сообщения о героях и павших... Наиболее динамичны записи 1944–1945 годов, проникнутые ожиданием Победы.

Вячеслав отмечает: количество уничтоженных танков, бронетехники, самолетов, автомашин, количество убитых и захваченных в плен; называет захваченные населенные пункты по всем направлениям, особое внимание – 1-му, 2-му и 3-му Украинским фронтам, с полей сражения которых привозили раненых в тамбовские госпитали [3, 19.02.44 г., вторник]. Вел подсчеты потерь Советской армии [3, 06.03.–15.03.44 г.].

Радостно ведёт записи о победах нашей Армии в 1945 году: отмечает количество залпов салюта в честь побед: «2 и 3 Украинский фронт – взяли Будапешт. Салютовали в Москве»; «Наши войска освободили Вену», «...взяли Дрезден» [3, 11.02.45 г., воскресенье; 13.04.45 г., пятница; 08.05.45 г., вторник].

Со скорбью отмечали кончину героев войны, например смерть генерала Армии Н. Ф. Ватутина [3, 17.04.45 г., понедельник], на

место которого приказом Сталина командующим 1-м Украинским фронтом был назначен Г. К. Жуков. Отмечена кончина генерала Армии И. Д. Черняховского, скончавшегося от ран в 38 лет: «Умер от ранений генерал армии Черняховский. Похороны в Вильно, в Москве салют из 124 орудий – 24 залпа» [3, 20.02.45 г., вторник].

Глубокое переживание победного шествия Советской армии по Европе открывало сердце Вячеслава всему миру и заставляло преодолевать барьеры национальных границ культуры: «Умер Рузвельт, эту печальную весть я услышал в институте. Как жаль, что в такое время умер человек, сделавший много для людей и обладающий грандиозным авторитетом. Умер тогда, когда, как заявил Стеттиниус (Госсекретарь США при президенте Трумэне. – *Прот. В. Л.*), он наиболее нужен» [3, 13.04.45 г., пятница].

Иногда записи не просто носят характер констатации, но дают анализ состояния внешней политики, как, например, переговоры о мире между правительством СССР и Финляндии [3, март 1944], Ялтинская конференция Сталина, Черчилля и Рузвельта [3, 07.02.45 г., среда; 13.02.45 г., вторник]. «Захваченный в Берлине заместитель Геббельса на допросе показал, что Гитлер, Гимлер и Геббельс покончили жизнь самоубийством. Только это сомнительно, очень вероятно, что они скрылись... Вопрос о приглашении Аргентины – Молотов покинул зал заседаний. Нехорошо, что так мало считаются с мнением Советского Союза» [3, 03.05.45 г., четверг].

Такое же патриотическое чувство ликования от побед русских воинов, негодование в адрес фашистов, зверства которых открывались по ходу продвижения советских войск с востока на запад со всей очевидностью, обнаруживают публикации архиепископа Луки в Журнале Московской Патриархии, подготовленные архипастырем в тамбовский период жизни [13, 14]. Другой общей чертой этих публикаций является активный интерес и диалог с представителями международной политики. Так, в публикации 1946 года святитель решительно отвергает инициативу папы Пия XII о помиловании обвиняемых на Нюрнбергском процессе [15]. Всего же за время служения на тамбовской кафедре труды архиепископа Луки были опубликованы на страницах Журнала Московской Патриархии пять раз [16, 17]. Общее патриотическое настроение, консолидировавшее тамбовское общество в 1944–1945 годах, показывает и активная помощь фронту верующих, возглавляемых

архиепископом Лукой: на танковую колонну им. Дмитрия Донского и эскадрилью авиации имени Александра Невского – 25000 р.; общих сборов – чуть менее миллиона рублей, личный взнос архипастыря со Сталинской премии – 120000 рублей. Патриотический настрой архиепископа обнаруживают также и другие его публикации периода Великой Отечественной войны [18, 19, 20, 21, 22].

Не без влияния подъема патриотических чувств происходил выбор профессии: мальчики хотели защищать Родину. Вячеслав мечтает о карьере военного инженера; желая ускорить исполнение мечты, готовится сдавать экстерном экзамены за 10-й класс, чтобы поступить скорее в МИИТ, который на годы войны был эвакуирован в Тамбов. В виде исключения Вячеслав был зачислен на подготовительное отделение МИИТ, приравненное к окончанию 10-го класса. Друзья Вячеслава мечтали стать военными летчиками, пройдя ускоренную подготовку. Осуществление таких желаний следовало согласовать с горвоенкоматом [3, 08.03.44 г., среда]. Ни холод в учебных помещениях, ни отсутствие электричества, нехватка одежды и обуви, учебных принадлежностей, а также эпидемии, недоедание, хронические болезни, от которых, как показывает дневник, страдал даже член семьи главного хирурга облздравотдела, не могли поколебать желания учиться и приносить пользу людям, «служить людям» [3, 29.02.44 г., вторник; 11.03.44 г., суббота; 13.03.44 г., понедельник]. Престиж образования и профессий, требующих высокой квалификации, был очень высок. Система образования, как показывают дневники, давала хорошие знания, и конкуренция внутри групп учащихся была очень высокой. Еще более серьезно система образования была занята идеологическим воспитанием.

Активно вводилась традиция праздновать новые знаменательные даты советского календаря. Самым серьезным образом готовились доклады об истории таких праздников, и задание поручалась лучшим ученикам. Так, доклад о женском дне 8 Марта Вячеслав Гроздов, лучший ученик 9-го класса, в 1944 году начал готовить еще в феврале, консультировался с преподавателями. Доклад был успешно прочитан «в своем классе и в двух 8-х классах» [3, 29.02.44 г., вторник; 08.03.44 г., среда]. Высокий авторитет лидера группы был использован: доклад о празднике 1 Мая поручили Вячеславу Гроздову, и готовил он его в парткабинете, посещал специальные инструктивные доклады по этой теме. Процесс

подготовки курировала учитель истории Надежда Георгиевна [З, 20.04.44 г., четверг, 4, 26.04.45, среда].

Эксплуатировалась природа молодежи: в дни советских праздников устраивали вечера с концертами и танцами. Особой популярностью пользовались вечера в школе № 5, МИИТ, Музучилище [З, 01.03.44 г., среда]. Посещение вечеров отслеживалось: когда Вячеслав Гроздов не пришел на курсовой вечер в МИИТ, от него потребовали указания причин, вызвав в кабинет куратора подготовительного отделения, доцента, преподавателя МИИТ Д. С. Артеменко. Как известно из дневника, Вячеслава на вечер не пустили родители по той причине, что «костюма нет... Все поистерлось» [З, 21.03.45 г., среда; 27.03.45 г., вторник]. Однако можно предположить, что еще одним основанием отсутствия был Великий пост: 20-е числа марта 1945 пришлось на пост (Пасха в 1945 г. – 6 мая).

Вечера в МИИТ пользовались общегородской популярностью еще и потому, что в среде технически грамотной молодежи всегда находились умеющие установить радиолу, а также отыскать новейшие пластинки с популярными мелодиями. В эпоху низких технологий живая музыка (фортепиано, скрипка, виолончель и пр.) воспринималась как удовольствие доступное, а использование механизма – как изыск.

Перед вечерами обязательно организовывалась политбеседа. Например, перед вечером в МИИТ, посвященным 1 Мая, была устроена такая беседа по марксизму-ленинизму. Однако такие приемы не срабатывали: «...группа не слушала преподавателя, и он отказался вести занятие» [З, 14.03.45 г., среда]. Более спокойно проходили слушания докладов на политзанятиях. «В институте мы прослушали доклад Михалёва на международную тему» [З, 21.02.45 г., среда].

Курсу «Основы марксизма-ленинизма» уделялось приоритетное внимание. Даже лучшим ученикам не делалось послаблений: Вячеславу Гроздову, отличнику, за недостаточно блестящее знание работы Ленина «Две тактики» была поставлена «четверка» как оценка за год, а, следовательно, – нет отличного аттестата, нет повышенной стипендии [З, 30.04.45 г., понедельник]. Впрочем, низкая популярность курса в среде учащихся изменилась с приходом на место прежнего преподавателя Михалева молодого препода-

давателя из Педагогического института, кандидата философских наук А. Л. Хайкина, читавшего курс в непосредственной ориентации на активность аудитории, которая сразу оценила и преподавателя, и потенциал читаемого курса [3, 05.04.45 г., четверг].

Под особым контролем находились и обязательные военные занятия, которые не пользовались популярностью настолько, что военрук вынужден был подать жалобу в горвоенкомат, «...что систематически не посещали военные занятия и зарядку... Военрук ребят (в числе виновных) выбрал несправедливо» [3, 27.04.45 г., четверг]. Контроль и оценка морально-политического облика учащихся находились в компетенции комитета комсомола и старостата; Вячеслав Гроздов был старостой группы. В каждой группе имелся актив агитаторов, которые вели систематическую идеологическую работу [3, 12.05.45 г., суббота]. Обязательным было посещение политических мероприятий: «Вчера ходили на митинг в горсад, посвященный награждению комсомола орденом Ленина» [3, 20.06.45 г., среда].

Эти факты показывают, что усилиям архипастыря, направленным на то, чтобы вовлечь молодежь в церковную жизнь, противостояла мощная система идейно-политической подготовки в интересах светского социалистического государства.

Каковы плоды этой подготовки, также показывает дневник Вячеслава Гроздова, который как член комсомольского актива был обеспокоен состоянием общей культуры и дисциплины. Настоящим бичом времени стало пьянство в молодежной среде. «Вечер в институте. Все перепились...» [3, 11.07.45 г., суббота]. Однако пьянство в своей среде передовая часть учащихся осуждала. «После вечера в институте, 25 марта отношения между мною и Лерой сильно изменились. Мне рассказали, что Лера на вечере была пьяна и неприлично себя вела. После этого я и Феликс почти не разговаривали с Лерой. Мне было очень неприятно и обидно за Леру. Сегодня Лера разговаривала со мной. Она расспрашивала меня о причинах, которые привели к изменению отношений. Лера считает, что она ничем особенно не отличилась в поведении на вечере и не считает себя виновной ни в чём» [3, 13.04.45 г., пятница]. Наиболее интеллигентной части учащихся непонятно было использование ненормативной лексики и «лузганье» семечек в общественных местах. «Семечки в институте! До чего странно!»

[З, 12.05.45 г., суббота]. Не подавала должного примера молодежи в плане трезвого образа жизни официальная власть. С недоумением описывает Вячеслав инцидент явки на вечер в МИИТ пьяных сотрудников НКВД, которых он в качестве дежурного попытался не пропустить в зал. «Когда началась худ. часть, появились трое пьяных. Закрыв дверь, сходил за ребятами. Пришедших пришлось пропустить, т.к. они предъявили документы уполномоченных НКВД» [З, 02.05.45 г., среда].

Даже опираясь только на дневниковые записи Вячеслава Гроздова, нельзя не заметить значительный разрыв в культурном облике учащейся молодежи военных лет, а также заметное расслоение на тех, кто понимает, что есть константные величины духовности, не зависящие от политической риторики, и тех, кто считает, будто их можно изобрести искусственно. Иногда эта дистанция провоцировала курьезы. «В институт сегодня пошел в шляпе МИИТ(а). Мы уже привыкли, а курсанты подготовительного курса смотрели с любопытством. Странные у нас в городе люди. Шляпа у них вызывает интерес!» [З, 05.04.45 г., четверг].

Невольно вспоминается, как власть возмутилась появлением архиепископа-хирурга на съезде врачей 1944 года в рясе, проявив к этому факту больше интереса, чем к содержанию доклада и характеру деятельности архипастыря.

Другая форма патриотического воспитания всегда достигала желаемого педагогического эффекта. В учебных заведениях устраивали встречи с людьми, прибывающими с фронта на побывку по ранению и/или в качестве поощрения за особые заслуги. Такая встреча состоялась в 9-м классе 14 марта 1945 года, когда в Тамбов прибыл «на 10 дней из армии на побывку младший лейтенант Слава Антонов», недавно получивший «медаль «За отвагу» [З, 14.03.45 г., среда]. Популярность такой формы работы легко объяснить и тем, что во многих семьях получали в этот период известия о героях, родственниках и знакомых. «Получили письмо от дяди Мити – сын тёти Илларины Харлампиевны, Володя, получил звание Героя Советского Союза за партизанскую борьбу» [З, 12.05.45 г., суббота]. «Письмо от родственников. Дядя Вася жив!» [З, 04.06.45 г., пятница].

В целом преподавательский состав МИИТ 1944–1945 годов вызывал у Вячеслава Гроздова только чувство благодарности и

доверия. Ему нравились занятия по истории, литературе, английскому языку. Особо отмечает преподавателей: Д. Т. Артёмов (теоретическая механика), А. Л. Хайкина (основы марксизма-ленинизма), Д. С. Пикуса (геодезия), С. С. Трескина (высшая математика). Но самое сильное влияние на него оказал В. Б. Пфлаумер (начертательная геометрия). Еще студентом подготовительного курса МИИТ Вячеслав изобретает «формулу построения плоскостей» [З, 18.02.45 г., воскресенье], что являлось результатом и предметом их общения на протяжении всего учебного года [З, 17.02.45 г., суббота; 07.05.45 г., понедельник; 21.02–22.02.45 г., четверг].

Идеологическое воздействие осуществлялось и путем выбора учебного материала. Так, среди программных сочинений, которым добросовестный ученик Вячеслав Гроздов уделяет усиленное внимание, – стихи Н. А. Некрасова, живописующие гнет помещиков и тяжелую жизнь крестьянства. Экзаменационное сочинение он пишет по роману М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» – «Образ Арины Петровны Головлевой», где ничего не остается, как констатировать узость мышления и алчность представительницы дворянского сословия [З, 29.02.44 г., вторник; 24.04.44 г., понедельник]. В 1944 году, желая сдать экстерном экзамены за 10-й класс, Вячеслав «штурмует» произведения А. М. Горького, которому уделяется приоритетное внимание в программе: «Коновалов», «Старуха Изергиль», «Данко», романы – «Дело Артамоновых», «Мать» [З, март – май 1944 г.]. Настроение патриотического порыва в среде русского воинства поддерживало изучение «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого. В том же русле планировался творческий досуг учащихся. Вячеслав пишет о совместной работе театральной студии учащихся МИИТ и школы № 5, которые ставили пьесу А. П. Чехова «Юбилей», высмеивающую имперское чиновничество [З, 25.04.45, вторник].

Учащихся социализировали на основе новой идеологии и в ходе организации общественной жизни. Например, студенты приняли участие в четвёртом военном займе: «Я подписался вначале на 200 рублей. Т. е. на одну стипендию, но после того, как узнал, что многие – на полторы – тоже на 300 рублей» [З, 04.05.45 г., пятница]. Участвовали студенты и в «очистке города от снега» перед тем, как пустили первые рейсы пассажирских автобусов, работали на

субботниках и воскресниках. Вячеслава Гроздова и его товарища по курсу приглашали к сотрудничеству с музеем: они составляли карточки к музейным предметам отдела природы. Эта работа была оплачена, ребята получили за каталогизацию музейного фонда 600 рублей (3 стипендии) [З, 22.03.45 г., четверг].

Вовлеченность в советский быт стимулировалась: учащимся МИИТ платили стипендию, выдавали продовольственные карточки.

Однако едва ли Вячеслава Гроздова можно было считать продуктом советской системы образования – его образовательная стратегия была более широкой. Самым добросовестным образом относясь к школе и институту, Вячеслав испытывает потребность в иных способах самореализации. Он занимается в студии живописи, которая не прекращает своей работы даже в условиях войны. Первое отличительное качество Вячеслава – активное личностное вмешательство в процесс образования, который он понимает как самообразование. Он, располагая скудными средствами, приобретает в отделении КОГИЗ (Книготорговое объединение государственных издательств) учебную и художественную литературу. Он творчески работает с учебниками: «Физикой» Путилова, «Теоретической механикой» Воронкова, «Занимательной арифметикой» Перельмана, «Аналитической геометрией» Привалова, «Курсом математического анализа» Немыцкого, «Грамматикой немецкого языка» (изучал самостоятельно). Он читает новинки научной литературы – книгу профессора Лурии «Внутренняя картина болезней и психиатрические заболевания», энциклопедию. При этом он испытывает нужду в самом необходимом и отнюдь не освобожден от всякого рода обязанностей по дому и в школе. «Несколько дней я не писал дневник, т.к. не было бумаги» [З, № 52. 1942–1943 гг. 28.01.45, воскресенье]. «Вечером очистил от снега тротуар и почитал вступительную статью к «Письмам» Флобера» [З, № 52. 1942–1943 гг. 3.02.45, суббота]. Важно знать, что в сочинении Флобера он усматривал «слишком циничные места в письмах к его другу Эрнесту Шевалье» [З, № 52. 1942–1943 гг. 3.02.45 г., суббота]. Изучая в МИИТ английский язык, он читает на немецком, чтобы не забыть школьный курс, роман Келлермана «Туннель», а также “Die Frithjofs Sage” nach Esaias Tegner. Круг его чтения разнообразен: кроме названного, это еще и поэма Максима Танна «Янук

Селиба» и роман Новикова-Прибоя «Капитан 1-го ранга». Как событие, лично значимое для него, отмечает: «Умер Алексей Николаевич Толстой» [З, 21.02.45 г., среда].

Главной темой переживаний Вячеслава Гроздова была война, что показывают и его рисунки, обильно украшающие рукопись: револьверы, автоматы, танки... Поле боя: искореженные танки, убитые и раненые, бегущие бойцы... «Боец метает зажигательную смесь, в центре наш легкий танк, бегущий автоматчик, раненые и убитые». Рисунок выполнен фиолетовыми чернилами. Подпись: «Взятие Великих Лук» [З, № 52. 1942–1943 гг. Разворот обложки.]. Авиатака: фашистские самолеты бомбят наши боевые позиции. В небе много вражеских самолетов. За самолетами – мотоциклисты мчат по дороге. Убитые, раненые... На той же странице – 4 наброска, очерченных линиями, как рамкой: 1) пехотинец стреляет из винтовки из положения «стоя на одном колене»; 2) два гусеничных танка, атака; 3) бронированный танк; 4) катер; боец переправляется через реку вплавь [З, № 52. 1942–1943 гг. Л. 1.].

Но развитые духовные потребности человека не были заняты войной целиком – дневник заполнен описанием атрибутов мирной жизни. В рисунках мы видим изображение входа в «Зоосад» и рядом 10 изображений кенгуру в движении, своего рода наработки к мультипликации. А рядом рисунок, изображающий упавший забор, столбики и штакетник валяются; вдали – покосившееся строение [З, № 52. 1942–1943 гг. Разворот обложки].

Все происходящее вокруг оценивалось с позиций мальчика, переполняемого патриотическими чувствами. Об этом свидетельствуют и рисунки. На одном из них – пять солдат эпохи Николая I, из ружья с плеча стреляющие в фигурку, изображающую человека очень условно. Низ сапог не прорисован, создается эффект – стоят в снегу... Рядом профиль и подпись под ним: „Das ist ich“. Профиль напоминает К. Ф. Рылеева, одного из пяти казненных декабристов, участника заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Солдатами командует офицер, вынимающий за эфес шпагу из ножен. Возможно, это переживание программного сочинения «Дума» К. Ф. Рылеева. В дневнике № 34 есть изображение казака-запорожца с «оселедцем», напоминающее образы известной картины И. Е. Репина, вокруг изображены клинки и сабли, возможно, это

реакция Славы Гроздова на программное сочинение Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» [З, № 34. Разворот. 16.02.41 г., воскресенье].

На протяжении всего военного периода Вячеслав Гроздов и некоторые его товарищи не только занимались в художественной студии, но и сами выходили на пленэр на Студенецкую набережную, в парк у памятника Ленину, в парк пионеров.

Высокая степень патриотизма и переживание событий в жизни Отечества, как своих собственных, воспитывались самой действительностью, система образования военных лет была лишь частью этой жизни. Объединяющая сила Победы была велика и переживалась жителями г. Тамбова, как экстаз, о чем свидетельствуют записи в дневнике Гроздова. «Радио – Берлин наш! Приказ по всем войскам. Сегодня в 15 часов гарнизон Берлина сдался. И так пришел этот час, который мы ждали четыре года» [З, 02.05.45 г., среда]. «Наконец-то пришел долгожданный день! Победа! Победа! Победа!... В 2 часа 10 минут 9 мая объявили по радио о капитуляции немецких войск. Мы узнали только в 7 часов. 9 мая объявили праздником Победы. Ликование было невиданное. Говорят, что выносили на улицу стол и патефон и пили водку, произносили тосты... Как только я узнал о капитуляции, сразу оделся во всё лучшее... Пошли вместе поздравлять товарищей. <...> Есть и печальные люди, те, которые потеряли своих родных во время войны и не могли так радоваться как остальные... Мы были на телеграфе, там было много народа. Все спешили отослать телеграммы с поздравлениями.

В 13.00 на Ленинской площади – общегородской митинг. Зрелище было прекрасное: везде празднично одетые люди поздравляют, обнимают друг друга. Мы находили в толпе преподавателей нашего института и, окружив преподавателя, бросались на него с криками «ура» и начинали подбрасывать вверх. Хотели покачать Артёменко, но сначала не решились, а потом не смогли найти его в толпе... Над площадью летал самолет и разбрасывал листовки... Вернулся домой. С папой подписали поздравительные открытки... Что войны уже нет, странно и непривычно» [З, 10.05.45 г., четверг].

Реакция на общее торжество могла быть и неадекватной: «Настроение испортил пьяный. Подошел ко мне и предложил драться, затем он потребовал от меня папиросу. Я сказал, что не курю. Но он продолжал настаивать. Видя, что дело может кончиться для меня плохо, дал пьяному 10 рублей, сказав, что пусть он на них

купит папиросы. Это помогло, пьяный оставил меня» [3, 10.05.45 г., четверг].

Веселье продолжалось сутками. В МИИТ организовали общий вечер. Сердце не вмещало радости: «Вечер начался в 20 часов. Я опять скучал из-за того, что не умею танцевать. Я заводил радиолу или сидел у открытого окна и любовался разноцветными ракетами, которые пускали на Ленинской площади и, вероятно, на аэродроме» [3, 10.05.45 г., четверг].

Общей была не только радость, но и гнев: были преданы общественной огласке данные о зверствах фашистов на оккупированной территории и в концлагерях. «Прочитал в газете «Труд» о невиданных зверствах немцев в лагере смерти в Освенциме. Немцы создали здесь фабрику смерти, <...> система уничтожения пленных: крематории, газовые камеры, ...эксперименты. 12 тысяч уничтожалось ежедневно. Что же надо сделать с немцами после этого! Ни одна казнь, ни одна пытка не подходит для этих извергов» [3, 11.05.45 г., пятница].

Радостные сообщения об аресте Геринга и пр., о завершении приема пленных и оружия на всех фронтах [3, 15.05.45 г., вторник; 16.05.45 г., среда], были омрачены сообщениями, напоминающими, что Великая Победа – это перемирие, но не мир: сообщение об отставке Черчилля, о создании «эмигрантским польским правительством польской армии (Что-то оно замышляет?)»; заявление советского правительства о «деконсервировании пакта о нейтралитете между СССР и Японией», о начале войны с Японией и капитуляции Японии [3, 05.04.45 г.; 25.05.45 г.; 09.07.45 г.; 11.07.45 г.].

Богат событиями, на многие годы оставшимися в памяти всех жителей г. Тамбова, май 1945 года. В этом же году 25 мая над городом прошел чрезвычайной силы ураган. «Ураган, сорвало несколько листов железа с нашей крыши... Грачиные гнёзда сдуло с деревьев» [3, 25.05.45 г., четверг].

Пережитая в годы войны острая нехватка в одежде и обуви обернулась особым отношением к одежде как показателю социального статуса. «Папе дали в облздраве чек на получение кожаного американского пальто... Папа и мама получили по ордеру в магазине – американское пальто за 1500 р. шоколадный цвет, подкладка – травянисто-зелёная, фланелевая» [3, 22.04.45 г.]. Настоящим бичом времени становилось пьянство, которое Вячеслав с осуждением

отмечает и в среде одноклассников, и в среде молодежи вообще, и в среде обывателей, и представителей власти [З, 29.03.45 г., среда; 02.05.45 г., среда].

Чаще стали проводить вечера отдыха, в частности в школе № 5 и в МИИТ: танцы при электричестве воспринимались особенно радостно [З, 02.05.45 г., среда]. Вечеринки на домах проходили под патефоны, присланные в посылках с фронта [З, 19.03.45 г., понедельник].

Дети были загружены работой: учились, посещали студии и кружки, читальные залы, несмотря на то что в условиях прифронтового быта они вынуждены были помогать родителям: пилить и колоть дрова, убирать в доме и пр. Несмотря на недоедание и переутомление, дети жили активной жизнью. В городе работали театры, выставочные залы, музей. Высокий эмоциональный отклик, как свидетельствует Вячеслав, имел кинофильм «Концерт – фронту», посвященный 25-й годовщине Октября, участники которого были народными любимцами: «Выступает приснознаменитый ансамбль краснознаменной песни и пляски, джаз-оркестр под управлением Утесова, артисты – Михайлов, Козловский, Русланова, Игорь Ильинский, Лепешинский и Руденко, им аккомпанирует пианистка Емельянова... Каран-д-Аш» [З, 13.12.42, воскресенье]. Наиболее сильное впечатление на мальчика произвели чтение стихотворения К. Симонова «Жди меня» и программа Каран-д-Аша, в которой лающая собака изображала «литератора пропаганды Геббельса». Полнота восприятия жизни впечатляет тем больше, что все происходит в условиях крайне скудного быта. «Утром я с Нетусей (В семье старшую дочь Анну звали то Нетой, то Нетусей. – *Прот. В. Л.*) пилил дрова. Днем я пошел в студию, но занятие не состоялось, так как наше помещение заняла воинская часть. Эти дни у нас плохо с хлебом. Мама сегодня испекла простые пышки из черного хлеба. Вечером я с Нетусей и Шурой ходил в кино на картину «Концерт – фронту» [З, 13.12.42, воскресенье].

В годы войны в Тамбове не переставали работать кинотеатры, которые пользовались такой популярностью, что всякое упоминание в дневнике о желании пойти в кино сопровождалось фразами «билетов не было», «сидели сбоку», «билеты были только на 4 ряд и ближе» и пр. [З, 11.03.44 г., суббота; 01.04.44 г., суббота; 03.03.45 г., суббота]. В городе было два кинотеатра – «Модерн» и «Родина»,

молодежь предпочитала первый. За 1944–1945 годы Вячеслав с семьей и друзьями посетил кинотеатр «Родина» 3 раза, смотрел фильмы «Гроза» по пьесе А. Н. Островского, «Человек с ружьем», «Моя любовь» [З, 11.03.44 г., суббота; 08.04.45 г., воскресенье; 10.06.45 г., вторник]. Кинотеатр «Модерн» – 5 раз, смотрел фильмы: «Большая жизнь», «Иван Грозный», «Сердца четырех», «Эдисон», «Тётка Чирлея» [З, 01.04.44 г., суббота; 03.03.45 г., суббота; 16.03.45 г., пятница; 11.06.45 г., понедельник; 04.07.45 г., суббота].

Посещаемым местом был и концертный зал музыкального училища, но в среде Вячеслава Гроздова ему предпочитали драматический театр им. А. В. Луначарского, хотя сам Вячеслав настойчиво убеждал пойти именно в училище – послушать классическую музыку [З, 29.03.44 г., среда].

В драмтеатр достать билеты было еще сложнее, чем в кинотеатр. Спектакли Вячеслав предпочитал посещать в компании друзей, хотя в семье настаивали, чтобы его спутницей была сестра Анна – Нетуся. Однажды Вячеслав даже предпочел не пойти на Шекспира – «Двенадцатую ночь», только бы идти с товарищами. За 1944–1945 годы Гроздовы, как показывают записи, посетили театр 5 раз, посмотрев спектакли «Ревизор», «Правда хорошо, а счастье лучше» (понравился Шер в роли Грызлова); «Двенадцатая ночь», «Так и будет» по К. Симонову (произвело особенное впечатление); «Кремлёвские куранты» (понравился артист в роли Ленина, тогда как «Сталин не удался») [З, 03.04.44 г., среда; 04.05.44 г., четверг; 11.06.45 г., понедельник и др.].

Яркой приметой времени прифронтowego города-госпиталя Тамбова была светомаскировка, приказ о которой был сообщен «по радио и в газете «Тамбовская правда» 1 апреля 1943 года [З, 01.04.43 г., суббота]. В 1943–1944 году город несколько раз бомбили. Об одной из таких бомбардировок в мае 1944 года сообщил Вячеслав Гроздов в своем дневнике. «В 19 часу была объявлена воздушная тревога, продолжавшаяся 20–25 минут» [З, 03.05.44 г., среда].

1944–1946 годы стали периодом постепенного возвращения к мирной жизни, каждый атрибут которой воспринимался радостно: «Сегодня зажглось электричество. Свет горел весь день!» [З, 16.02.45 г., пятница]; населению возвратили конфискованные в 1941 году радиоприемники [З, 22.03.45 г., четверг]. 30 апреля 1945 года по городу пустили четыре пассажирских рейсовых авто-

буса. «Было видно, как на Ленинской площади пускали ракеты... иногда шли автобусы с цветными огоньками и полными внутри освещения, совсем как до войны» [3, 02.05.45 г., среда].

Дневниковые записи Вячеслава Тихоновича Гроздова дают убедительные свидетельства о том, что высокий уровень самоотверженного служения Родине, патриотизм, человеколюбивое отношение к ближним, с которыми переживали общее горе и общие радости, единство в оценке героизма и жертв войны – всё это было общим духовным миром живших в городе-госпитале Тамбове в годы архиепископского служения святителя Луки (Войно-Ясенецкого).

Список литературы

1. Примите мою любовь : тамбовский период служения архиепископа Луки : исследования, документы, воспоминания / авт.-сост.: Г. А. Абрамова, протоиерей Виктор Лисюнин. – Тамбов : [б. и.], 2018. – 216 с.

2. Аудиозапись интервью с М. В. Ганеевой (Гроздовой, 1955 г. р.) 10.10.2017 г. // Личный архив протоиерея В. Лисюнина.

3. Дневник В. Т. Гроздова 1937–1945 гг. : в 5 кн., 34 тетр. // ТОГБУК ТОКМ. Фонд рукописей. КП 27. Инв. № 17608/1–5.

4. Документы семейного архива Гроздовых // ТОГБУК ТОКМ. Фонд рукописей.

5. *Кученкова, В. А.* Житие архиереев тамбовских / В. А. Кученкова. – Тамбов : Компьютер. центр, 1998. – 77 с.

6. *Косачев, И. Д.* Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий – архиепископ Лука : врачевание и священнослужение (1877–1961) : монография / Косачев И. Д., Гладких П. Ф., Яковлев А. Е. ; под общ. ред. И. Б. Максимова. – Санкт-Петербург : Военно-мед. акад. : Дмитрий Буланин, 2013. – 510 с.

7. *Лисюнин В., свящ.* История Покровского собора города Тамбова / священник В. Лисюнин. – Тамбов : [б. и.], 2001. – 106 с.

8. *Лисюнин В., свящ.* Тамбовская Голгофа святителя Луки : (по свидетельству очевидцев) / священник В. Лисюнин. – Тамбов : Изд. дом Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2012. – 540 с.

9. *Лисюнин В., свящ.* Покровский собор города Тамбова и православные традиции / священник В. Лисюнин. – Тамбов : Бизнес-Наука-Общество, 2013. – 432 с.

10. *Лисюнин В., свящ.* Покровский собор – свидетель и памятник святителя Луки / священник В. Лисюнин // Церковь и государство: XX век. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2001. – С. 116–136.

11. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Я полюбил страдание... : автобиография / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). – Москва : Молодая гвардия, 2003. – 208 с.

12. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Дух, душа и тело / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). – Симферополь : Изд-во Симфероп. и Крым. епархии, 2000. – 136 с.

13. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Праведный суд народа / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) // Журнал Московской Патриархии. – 1944. – № 2. – С. 26–28.

14. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Бог помогает народам СССР в войне против фашистских агрессоров / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) // Журнал Московской Патриархии. – 1944. – 9. – С. 21–22.

15. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Возмездие совершилось / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – № 31. – С. 28–29.

16. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Память святителя Патриарха Сергия / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) // Журнал Московской Патриархии. – 1944. – № 8. – С. 17–18.

17. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Слово на второй день Пасхи на Литургии / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – № 6. – С. 44–47.

18. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Кровавый мрак фашизма / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) // Журнал Московской Патриархии. – 1943. – № 3. – С. 24–25.

19. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* К миру призвал Господь (1 Кор. 7,15) / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – № 1. – С. 61–64.

20. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Защитим мир служением добру! / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – № 5. – С. 32–33.

21. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Ко второму всемирному конгрессу сторонников мира / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – № 11. – С. 17–18.

22. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Размышление о правде и лжи : (к первой сессии всемирного совета мира) / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – № 5. – С. 8–12.

23. Милованов, В. В. Т. М. Гроздов – организатор и первый руководитель онкологической службы в Тамбовской области : (к 70-летию становления) / В. В. Милованов // Онкология : журн. им. П. А. Герцена. – 2017. – № 6 (2). – С. 72–75. – URL: <http://https://www.mediasphera.ru> (дата обращения: 12.11.2017).

24. Феодосий, митр. Святитель Лука – архиепископ Тамбовский и Мичуринский / митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий // Тамбовские епархиальные ведомости. – 2016. – № 11. – С. 32–39.

25. Чеботарев, С. А. Тамбовская епархия 40–60 гг. XX века / С. А. Чеботарев. – Тамбов : Юлис, 2004. – 379 с.

UDC 37.017.925; 37.017.93

V. T. GROZDOV'S DIARIES AS A SOURCE FOR STUDYING THE SERVICE OF SAINT LUKE (VOYNO-YASENETSKY) ON THE TAMBOV LAND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Viktor F. Lisyunin, Archpriest
PhD in History
PhD in Theology
Head of the Department of Church
History
Tambov Theological Seminary
E-mail:ovli09@mail.ru

For citation: Lisyunin V. F., Archpriest. V. T. Grozdov's diaries as a source for studying the service of Saint Luke (Voyno-Yasenetsky) on the Tambov land during the Great Patriotic War // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 80–110. (in Russian)

Abstract

The article analyzes the diary entries of Vyacheslav Tikhonovich Grozdov (1927, Tambov – 2010, St. Petersburg), son of surgeon T.M. Grozdov, chief consultant surgeon of Tambov evacuation hospitals. The author reports that V.T. Grozdov's diaries of the period of the Great Patriotic War not only reflect historical realities of that time, descriptions of the daily life of the city, but also allow us to characterize the situation of public life in which Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop of Tambov and Michurinsk, stayed during his ministry in Tambov.

Keywords: diary; Tambov city-hospital; the Grozdov family; graduate of Tambov Theological Seminary; the Great Patriotic War; Archbishop Luke (Voyno-Yasenetsky); evacuation hospital; MIIT; Easter; Victory.

References

1. *Abramova, G. A., Lisyunin V., Archpriest. Primate moyu lyubov' : tambovskii period sluzheniya arkhiepiskopa Luki : issledovaniya, dokumenty, vospominaniya* [Accept my love : the Tambov period of Archbishop Luke's Ministry: research, documents, and memoirs]. Tambov, 2018, 216 p. (in Russian)
2. Audiozapis' interv'yu s M. V. Ganevoi (Grozdovoi, 1955 g. r.) 10.10.2017 g. [Audio recording of an interview with M. V. Ganeva (Grozдова, born in 1955) dated 10.10.2017]. Personal archive of archpriest V. Lisyunin. (in Russian)
3. Dnevnik V. T. Grozdova 1937–1945 gg. [V. T. Grozdov's Diary of 1937–1945]. In 5 books. 34 notebooks. Tambov Regional Museum of Local Lore, Department of Manuscripts. KP 27. Accession no. 17608/1–5. (in Russian)
4. Dokumenty semeinogo arkhiva Grozdovykh [Documents of the Grozdov family archive]. Tambov Regional Museum of Local Lore, Department of Manuscripts.
5. *Kuchenkova, V. A. Zhitie arkhierееv tambovskikh* [Life of the Tambov Bishops]. Tambov, Computer Center Publ., 1998. 77 p. (in Russian)
6. *Kosachev, I. D. Professor V. F. Voyno-Yasenetsky – arkhiepiskop Luka : vrachevanie i svyashchenosluzhenie (1877–1961)* [Professor V. F. Voyno-Yasenetsky, Archbishop of Luke: doctoring and serving as a priest (1877–1961)]. St. Petersburg, Military Medical Academy, Dmitry Bulanin Publ., 2013, 510 p. (in Russian)

7. *Lisyunin V., Priest. Istoriya Pokrovskogo sobora goroda Tambova* [History of the Cathedral of Intercession of the Virgin in the city of Tambov]. Tambov, [without publishing house identification], 2001, 106 p. (in Russian)

8. *Lisyunin V., Priest. Tambovskaya Golgofa svyatitelya Luki : (po svedetel'stvu ochevidtsev)* [Tambov Golgotha of St. Luke: (according to eyewitnesses' accounts)]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G. R. Derzhavin Publ., 2012, 540 p. (in Russian)

9. *Lisyunin V., Priest. Pokrovskii sobor goroda Tambova i pravoslavnye traditsii* [The Cathedral of Intercession of the Virgin in the city of Tambov and Orthodox traditions]. Tambov, Business – Science – Society Publ., 2013, 432 p. (in Russian)

10. *Lisyunin V., Priest. Pokrovskii sobor – svidetel' i pamyatnik svyatitelya Luki* [The Cathedral of Intercession of the Virgin – the witness and monument to St. Luke]. Church and State: XX century. Tambov, Derzhavin Tambov State University Printing House Publ., 2001. pp. 116–136. (in Russian)

11. *Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop. Ya polyubil stradanie...: avtobiografiya* [I fell in love with suffering ... : autobiography]. Moscow, Young Guard Publ., 2003, 208 p. (in Russian)

12. *Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop. Dukh, dusha i telo* [Spirit, soul and body]. Simferopol, Publishing House of Simferopol and Crimea Diocese Publ., 2000, 136 p. (in Russian)

13. *Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop. Pravednyi sud naroda* [Righteous judgment of the people]. Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii (Moscow Patriarchate Journal), 1944, no. 2, pp. 26–28. (in Russian)

14. *Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop. Bog pomogaet narodam SSSR v voine protiv fashistskikh agressorov* [God helps the peoples of the USSR in the war against the fascist aggressors]. Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii (Moscow Patriarchate Journal), 1944, no. 9, pp. 21–22. (in Russian)

15. *Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop. Vozmezdnie sovershilos'* [Retribution has been committed]. Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii (Moscow Patriarchate Journal), 1946, no. 31, pp. 28–29. (in Russian)

16. *Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop. Pamyat' svyatitelya Patriarkha Sergiya* [Memory of Saint Patriarch Sergius]. Zhurnal

Moskovskoi Patriarkhii (Moscow Patriarchate Journal], 1944, no. 8, pp. 17–18. (in Russian)

17. *Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop*. Slovo na vtoroi den' Paskhi na Liturgii [Address on the second day of Easter at the Liturgy]. Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii (Moscow Patriarchate Journal], 1945, no. 6, pp. 44–47. (in Russian)

18. *Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop*. Krovavyi mrak fashizma [Bloody darkness of fascism]. Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii (Moscow Patriarchate Journal], 1943, no. 3, pp. 24–25. (in Russian)

19. *Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop*. K miru prizval Gospod' [The Lord called for peace]. Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii (Moscow Patriarchate Journal], 1948, no. 1, pp. 61–64. (in Russian)

20. *Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop*. Zashchitim mir sluzheniem dobru! [Let's protect the world by serving the good!] Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii (Moscow Patriarchate Journal], 1950, no. 5, pp. 32–33. (in Russian)

21. *Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop*. Ko vtoromu vseмирному kongressu storonnikov mira [To the Second World Congress of Peace Supporters] Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii (Moscow Patriarchate Journal], 1950, no. 11, pp. 17–18. (in Russian)

22. *Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop*. Razmyshlenie o pravde i lzhi (k pervoi sessii Vseмирного soveta mira) [Thinking about truth and lies (to the first session of the World Peace Council)]. Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii (Moscow Patriarchate Journal], 1951, no. 5, pp. 8–12. (in Russian)

23. *Milovanov, V. V.* T. M. Grozdov – organizator i pervyi rukovoditel' onkologicheskoi sluzhby v Tambovskoi oblasti (k 70-letiyu stanovleniya) [T. M. Grozdov, organizer and first head of the Oncology Service in the Tambov region (to the 70th anniversary of its formation)]. Onkologiya. Zhurnal imeni P. A. Gertsena [Oncology. Journal of P. A. Hertsen], 2017, no. 6(2), pp. 72–75. (in Russian). Available at: URL: <http://https://www.mediasphera.ru> (Accessed 12.11.2017).

24. *Feodosy, Metropolitan of Tambov and Rasskazovo* Svyatitel' Luka – arkhiepiskop Tambovskii i Michurinskii [Saint Luke – Archbishop of Tambov and Michurinsk]. Tambovskie eparkhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Journal], 2016. no. 11, pp. 32–39. (in Russian)

25. *Chebotarev, S. A.* Tambovskaya eparkhiya 40–60 gg. XX veka [Tambov diocese of 1940th – 1960th]. Tambov, Yulis Publ., 2004, 379 p. (in Russian)

УДК 930.85

КНЯЗЬ С. В. ШАХОВСКОЙ И ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭСТЛЯНДИИ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ АЛЕКСАНДРЕ III¹

**Протоиерей Александр
Витальевич Берташ**

кандидат богословия, кандидат
искусствоведения, член Союза
архитекторов России, древлехранитель
Берлинской и Германской епархии,
ведущий искусствовед Архитектурного
бюро «Литейная часть-91»
(С.-Петербург), настоятель храма
святых Царственных страстотерпцев
Берлинско-Германской епархии
Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат)
(Германия, г. Бремен)
E-mail: bert14@yandex.ru

Для цитирования: Берташ А. В., прот. Князь С. В. Шаховской и церковно-государственные отношения в Эстляндии при императоре Александре III // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 110–130.

Аннотация

Статья посвящена деятельности Эстляндского губернатора князя С. В. Шаховского – выразителя политики императора Александра III в Балтийском крае. Она не укладывается исключительно в рамки «русификации»: своей важнейшей задачей князь видел укрепление Православия в крае и связи русского и эстонского народов на основе единства

¹ Настоящая статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект 18-012-00458).

веры, что, по его мнению, позволило бы разрушить монополию на власть немецких элит.

Ключевые слова: Эстляндская губерния; царствование императора Александра III; губернатор князь С. В. Шаховской; собор св. Александра Невского; храмостроительство; русификация.

Прибалтийский край (Остзейские губернии): Лифляндская, Эстляндская и Курляндская губернии – с их преимущественно лютеранским населением представляют особый интерес среди так называемых «национальных регионов» Российской империи¹. «Прибалтийские губернии Российской империи традиционно были ареной столкновений политических интересов – великодержавных и региональных, а также национальных чувств – немцев, латышей, эстонцев, русских, – отмечает А. В. Гаврилин. – И любые изменения в соотношении этих сил, так или иначе, сказывались на положении Православной Церкви в этом регионе» [19, с. 46].

Важнейшим событием в истории Православия в Балтийском крае стали уникальный по своему масштабу стихийный переход в Православие и, соответственно, формирование первых сельских приходов в Лифляндии, в котором выделяют две волны: с лета 1841 года и с весны 1845 года [4; 7, с. 91–118; 16. Вып. 4, ч. 1, с. 11–35; 17, с. 67–182; 18; 21, с. 8–40; 25, с. 41–47; 9; 26, с. 9–71; 28, с. 562–576; 29; 31, с. 12–60; 37, с. 47–50; 45; 46]. Переход инспирировали притеснения помещиков – остзейских немцев, голод после неурожая, недовольство повинностями и пасторами, которые принадлежали к господствующему слою и зачастую невнимательно относились к народу; кризис лютеранской церкви, отразившийся в распространении реформаторского гернгутерского движения в Лифляндии и баптизма в Курляндии; стремление принять «самую старую», «сильную» «веру русского царя» [24; 38], надежда на получение земельных наделов, что проявилось и в переселенческом движении. Это движение оказа-

¹ Территория современной Эстонии сложилась из Эстляндской губернии и части Лифляндской губернии – так называемой «эстонской Лифляндии». Эстляндская губерния образовала северную часть территории Эстонии: Ревельский (центр – современный Таллинн), Везенбергский (Раквере), Вейсенштейнский (Пайде), Гапсальский (Хаапсалу) уезды.

лось неожиданным не только для безраздельно господствовавших в крае немецких дворян-лютеран, но и для царского правительства и было истолковано высшей властью как бунт, восстание против помещиков и пасторов, то есть как «нарушение стародавнего строго установленного государственного и общественного строя» [16. Вып. 2, ч. 1, с. 15].

При императоре Александре II, в 1870-е гг., церковное строительство в Лифляндии достигло максимальной интенсивности за всю историю Балтии. Только в 1871–1873 гг. в ходе «церковно-строительной операции» на государственные средства, поступающие через МВД, было воздвигнуто 33 храма [см.: 10; 11; 12]. В отличие от интенсивного храмостроительства на территории Лифляндской губернии, эстонские крестьяне в пределах собственно Эстляндской губернии, составлявшей северную часть современной Эстонии, такой возможности были лишены, и храмостроительство за редким исключением осуществлялось в городах для русского населения. Это говорит о прямой зависимости церковного строительства от политической ситуации и государственной поддержки. В Эстляндии в 1871 г. было всего лишь девять приходо-в (четыре в Ревеле, в Везенберге: 1839, 1864 гг., в Балтийском порту, Гапсале, Вейсенштейне, один сельский – в Сыренце – Васк-Нарве) [5; 8; 12].

Недолгое правление (27 марта 1882 г. – 27 марта 1887 г.) энергичного Рижского епископа Доната (Бабинского-Соколова) совпало с изменениями в государственной политике по отношению к Эстляндии и всему Прибалтийскому краю. Для царствования императора Александра III была характерна активная поддержка Православной Церкви в Рижской епархии на фоне политики русификации. Толчком к ее проведению, с одной стороны, стала ревизия Лифляндии и Курляндии, осуществленная сенатором Н. А. Манассеиным в 1882–1883 гг. (с 1885 г. – министр юстиции), с другой – личные наблюдения императора Александра III за жизнью эстонцев во время проживания в Хапсалу (Гапсале), где он любил отдыхать, еще будучи наследником. 30 июня 1886 г. великий князь Владимир Александрович произнес в Дерпте (Юрьеве) речь о необходимости реального объединения Прибалтийского края с Россией и тесного сплочения местного населения с русскими «в одну общую семью».

Был осуществлен ряд значимых мер для облегчения положения новообращенных православных Остзейского края. 20 июня 1885 г. и 14 мая 1886 г. они были в значительной части освобождены от повинностей, в частности от налогообложения в пользу евангелическо-лютеранских церквей, которое сохранялось в неприкосновенности. 26 июля 1885 г. император Александр III восстановил действие в крае закона, согласно которому дети из смешанных семей обязаны были воспитываться в православных традициях. Изменилось отношение к «уклоняющимся» в лютеранство, число которых в 1886 г. составляло 35165 человек (по подсчетам «немецкой» стороны) или 18816 человек (по данным Синода). К 1892 г. только в Лифляндской губернии были заведены уголовные дела на 92 местных пасторов, которые совершали богослужения для номинальных православных (при императоре Александре II, 22 июля 1874 г., все подобные дела были прекращены). Дискуссии, связанные с поддержкой Православия в Прибалтике, вышли на международный уровень, «поставив Петербург перед неприятной необходимостью давать разъяснения по поводу проводившейся им политики» [34, с. 209]. С письмами к российским властям обратились швейцарские пасторы (1887 г.), Евангелический союз (1888 г.), пастор Г. Дальтон (1889 г.). Оппоненты трактовали желание урегулировать отношения между Православием и лютеранством и оградить позиции Православной Церкви в крае как нарушение принципа свободы совести и гонение на лютеранство. Таким образом, обострилось противостояние лютеранского и православного сообществ. Уже в 1887 г., во многом благодаря резкой международной реакции, император Александр III выразил обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву неудовольствие происходящим в Балтийском крае, а с июня 1894 г. преследование пасторов сошло на нет [34, с. 209–213]. Император одобрил ряд законов, даровавших Православной Церкви право покупать землю для приходов и кладбищ (1885 г.), упростивших новое церковное строительство (1885 г.) [43, с. 799; 20].

Активизировалась деятельность братств. С 1882 года Покровское и Спасское братства были объединены в Прибалтийское Православное братство Христа Спасителя и Покрова Божией Матери. Следует отметить и деятельность на посту председательницы Брат-

ства Л. И. Рикорд и ее преемника с 22 сентября 1882 г. М. Н. Галкина-Враского¹.

К началу управления епархией епископа Доната общее число приходов в Рижской епархии составило 149, к 1887 г. – 169, с числом прихожан до 216000 человек. Предпосылкой открытия новых приходов и строительства храмов, прежде всего в Эстляндской губернии, стало одно из важнейших событий в истории эстонского Православия: третья, после 1841 и 1845 гг., волна присоединения к Православию, начавшаяся в 1882 г. «В 80-х гг. XIX в. в Эстляндии можно выделить два религиозных течения: одно – сектантство, надвигавшееся с запада, другое – встречное движение к Православию с востока» [6, с. 287]. В 1883–1885 гг. в Эстляндии были учреждены 13 приходов. В отличие от предшествующих десятилетий, с 1883 г. движение крестьян к государственной Церкви поддержали гражданские власти.

Центром перехода в Православие стал юго-запад Эстляндской губернии, то есть приграничные с Лифляндией земли – в первую очередь местечко Леаль Гапсальского уезда (ныне г. Лихула) и сам Гапсальский уезд, а также острова [6, с. 290–299]. 5–6 мая 1883 г., в день коронации императора Александра III, 124 эстонских крестьянина из Леаля послали прошение о переходе в Православие «по собственному убеждению в истинности учения православной религии, которую исповедует сам Всемиловитвейшей Монарх и старшие братья – русские» [23, Т. 3, с. IV]. «Просители заявили, что не ищут от перемены вероисповедания никаких материальных выгод, что прежнюю конфессию – лютеранство – они хотят оставить исключительно потому, что она не удовлетворяет более их духовных потребностей, а Православие – вера русского царя – им близка и понятна» [34, с. 207]. Государь отметил, что «это весьма важно и знаменательное движение, которое для меня весьма утешительно. Необходимо правительству поддержать вновь обратив-

¹ Галкин-Враской Михаил Николаевич (17 сентября 1832 г. – 8 апреля 1916 г.) – государственный и общественный деятель, реформатор тюремного дела в России, организатор благотворительной деятельности, ученый-этнограф. С 24 февраля 1867 г. – директор Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах, с 23 апреля 1879 г. – начальник Главного тюремного управления. Кратковременно (вследствие обструкции местных немецких элит) занимал должность Эстляндского губернатора (11 октября 1868 г. – 25 сентября 1870 г.), получив характеристику «пионера русского государственного дела в Эстляндской губернии». Действительный тайный советник (6 декабря 1895 г.), член Государственного совета (28 февраля 1896 г.) [44, с. 171–178; 22].

шихся и не давать их в обиду» [17, с. 288]. В 1883 году, начиная с апреля, было присоединено 2469 человек, за 1885 год – 3662 человека, из них в Эстляндии 1800 человек; за 1886 год – 5745 человек, из них в Эстляндии 3576 человек; за 1887 год в Эстляндии – 1791 человек (998 мужчин и 793 женщины) [27, с. 36–48, 63, 73; 30]. Всего с 1883 по 1887 год в Рижской епархии перешло в Православие 15652 человека, большинство – в Эстляндии¹.

Переходу в Православие активно содействовали эстляндские губернаторы – В. П. Поливанов (14 марта 1875 г. – 4 апреля 1885 г.) и особенно его преемник князь Сергей Владимирович Шаховской (12 апреля 1885 г. – 12 октября 1894 г.), «выдающийся деятель на ниве православно-русского дела в Прибалтийском крае» [15; 41; 23]. Князь родился 14 июня 1852 г. в Москве, детство провел в имении Вознесенское Кашинского уезда Тверской губернии². По окончании гимназии в Москве он учился на физико-математическом факультете Московского университета (1870–1874), который окончил с кандидатской степенью и поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Сослуживец князя Шаховского по департаменту, дипломат и писатель Г. А. Де-Воллан вспоминал, что он был в высшей степени порядочным и хорошим человеком. Князь занимался общественной и благотворительной деятельностью, прежде всего представляя Красный Крест на русско-турецкой (Балканской) войне и при отряде М. Д. Скобелева в Ахал-Текинской экспедиции (1880–1881)³. Там он познакомился с сестрой милосердия графиней Е. Д. Милютиной⁴, которая с 29 мая 1881 г. стала его женой и затем ближайшей

¹ К 1887 г. обратно в лютеранство «уклонилось» до 12000 человек [36, с. 305–306; 27, с. 73–74].

² Усадьба «Афросиньино» ныне уничтожена, Вознесенский храм в аварийном состоянии.

³ Князь С. В. Шаховской – автор очерков: Отчет главноуполномоченного Российского общества Красного Креста князя С. В. Шаховского о деятельности Общества в Закаспийском крае в 1880–1881 гг. СПб., 1883; Очерк деятельности Красного креста при оккупационных русских войсках в княжестве Болгарском и Восточной Румелии 1878–1879 год. СПб., 1880.

⁴ Графиня Елизавета Дмитриевна Милютина (28 марта 1844 + 16 июня 1939) – дочь военного министра и реформатора, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии графа Дмитрия Алексеевича Милютина, фрейлина императрицы. В 1892 г. благодаря ее усилиям были зарегистрированы устав Общества милосердия и Ревельское благотворительное общество. 17 апреля 1892 г. под ее председательством был образован Эстляндский попечительный о сестрах милосердия комитет Российского Красного Креста.

сподвижницей. Сергей Владимирович был избран членом исполнительного комитета Славянского благотворительного общества, служил по линии Министерства внутренних дел. С 16 августа 1881 г. князь исправлял должность Черниговского губернатора, 15 мая 1883 г. был утвержден в должности. По назначении в Эстляндию С. В. Шаховской стал основным деятелем на ниве проведения в жизнь политики императора Александра III в Остзейском крае. Им было введено делопроизводство на русском, эстонском и латышском языках, структура полицейских органов приближена к общеимперскому образцу, создано Русское общественное собрание в Ревеле (1888). По слову священника-эстонца, князь был «энергический и самоотверженно воодушевленный русским делом патриот, сам деятельно возвышавший в местном обществе русское самосознание и сочувственно отзывавшийся ко всякому благому начинанию во славу России» [40].

В понимании князя следовало произойти «полному слиянию» по вере «местных народностей» «с великой православной русской семьей»: «Россия и православие синонимы». Однако для С. В. Шаховского, и в этом особенность его позиции, приоритетна была все же вера. «В основу объединительной политики должно быть прямо и откровенно поставлено Православие, распространение же Православия открывает возможность стремиться отныне к более широкой цели внутреннего слияния в исповедании единой веры. В виду этого нельзя не признать, что возможное содействие к широкому распространению православной веры среди эстонского населения является одною из главных задач плодотворной национальной внутренней политики» [23. Т. 3, с. LXVII]. Князь надеялся, что «с падением протестантства падет и так называемый Остзейский вопрос» [23. Т. 3, с. 6–7; 16. Вып. 4, ч. 3, с. 5]. Князь С. В. Шаховской с годами все более и более видел положение Эстляндии глазами не чиновника, а православного христианина.

В приоритетной оценке роли Православия в Эстляндии С. В. Шаховской находил мало единомышленников среди чиновничьей элиты. Например, государственный секретарь А. А. Половцев выступал против отчуждения в Прибалтийском крае земель для нужд Православной Церкви. Не получила развития идея князя С. В. Шаховского об устройстве в Ревеле в миссионерских целях отдельной

епископской кафедры во главе с епископом-эстонцем Дионисием Таммом (1887), о чем он неоднократно писал К. П. Победоносцеву. Обер-прокурор считал, что, «покуда русская власть не стала в этом крае твердою ногою, <...> неблагоприятно пускать эстонцев и латышей в высшие должности, особливо в церкви» [23. Т. 3, с. XLVI–L, 31–39; 16. Вып. 4, ч. 3, с. 40]. Ревельское духовное правление также не поддержало идею хиротонии архиерея-эстонца.

В 1885 г. Министерство внутренних дел внесло в Государственный совет проект «Правил отчуждения и занятия частных недвижимых имуществ для надобностей православных церквей, молитвенных собраний, кладбищ, причтов и школ в Прибалтийских губерниях» по ходатайству епархиального начальства, за исключением земель, на которых находились жилые или хозяйственные строения. Документ был утвержден императором 10 февраля 1886 г. [23. Т. 3, с. XV–XIX; 16. Ч. 3, вып. 4, с. 14–17; 39, с. 115–121; 17, с. 290–291, 293]. «Правила» открыли «зеленый свет» храмостроительству. В Эстляндской губернии они были применены в Пюхтицкой общине, а также в Лихула, Вяйке-Ляхтру, Марьямаа [15. II пагинация, с. 8–13].

В 1887 г. в Иевве (Йыхви) было открыто отделение Православного Прибалтийского братства Христа Спасителя и Покрова Божией Матери¹. Иеввенское отделение возглавила княгиня Е. Д. Шаховская (в 1900 г. ее сменила Е. Н. Скалон). Оно сыграло важную роль в основании Пюхтицкого женского монастыря.

Указом Синода № 743 от 7 марта 1887 г. при непосредственном участии князя С. В. Шаховского в Ревеле был учрежден временный «Наблюдательный комитет» для надзора за строительством православных церквей в Эстляндской губернии, открытый 25 июля 1887 г. Сам князь говорил, что «каждая новая церковь дает не одну тысячу новых православных, и в этом-то и заключается вся суть и разрешение векового Остзейского вопроса» [2, 56. Lp.]. В 1887–

¹ 15 января 1871 г. в Санкт-Петербурге Синодом был утвержден устав Прибалтийского православного братства Христа Спасителя (Спасского), целью которого декларировалось «удовлетворение религиозно-нравственных потребностей прибалтийских единоверцев». Общее собрание и выборы членов совета состоялись 2 апреля 1879 г. Первыми пунктами устава предусматривались забота «о постройке новых церквей в тех городах и селениях Прибалтийского края, где настает в них крайняя надобность» и о «поддержании и возобновлении существующих церквей». Оно занималось также благоустройством школ, приютов и лечебниц, медицинской помощью крестьянам [3; 42]. В 1871 году братство насчитывало 603 члена, в 1888 году – 1237 членов [26, с. 39–42; 32].

1892 гг., уже при следующем Рижском архиерее – епископе Арсении (Брянцеве)¹, под началом Ревельского наблюдательного комитета в Эстляндии были построены более 12 храмов в московско-ярославском стиле с применением местного булыжного камня и кирпича, похожих друг на друга по композиции: трехчастных, с колокольнями над притвором. В их основе был проект пятиглавой церкви на 400 человек Рижского епархиального архитектора А. Н. Эдельсона для Эстляндской губернии (1886) [1, л. 7; 13; 33; 47]. Именно храмостроительство стало важнейшим свидетельством о Православии в Эстляндии и главной формой поддержки новообращенных православных из эстонского и латышского крестьянства, противовесом местным немецким лютеранским элитам и важным идеологическим и эстетическим феноменом.

Список литературы

1. ЭИА (Исторический архив Эстонии, Тарту – EAA Eesti Ajalooarhiiv, Tartu). 1655-2-952.
2. ЛГИА (Латвийский государственный исторический архив, Рига – LVVA Latvijas Valsts Vēstures arhīvs, Rīga). 4754-1-472.
3. РГИА (Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург). Ф. 812. Оп. 1. Д. 157.
4. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации, Москва). Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 413.
5. ЦГИА (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург). Ф. 19. Оп. 23. Д. 44.
6. *Алексий II (Ридигер), Патриарх Московский и всея Руси. Православие в Эстонии / Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.* – Москва : Церков.-науч. центр, 1999. – 703 с.
7. *Беляев И., прот.* Судьбы православия в Прибалтийском крае : ист.-этногр. очерк / протиерей И. Беляев. – Санкт-Петербург : П. П. Сойкин, 1901. – 186 с.
8. *Беренс В., свящ.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Северо-Западных епархий. Эстонская епархия : (машинопись, ЕАА) / священник Владимир Беренс. – Таллин, 1974.
9. *Берташ А., прот.* Архитектура и строительство православных храмов в Прибалтийских губерниях в первой половине

¹ Назначен 28 марта 1887 г., прибыл в Ригу 11 мая 1887 г., с 1883 г. – архиепископ.

1840-х гг. / протоиерей Александр Берташ // Энциклопедическая практика : материалы и исслед. : сб. науч. статей и документов. – Санкт-Петербург : Энцикл. отд. Ин-та филол. исслед. Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2016. – Вып. 4. – С. 37–54.

10. *Берташ А., прот.* «Рижская школа» в храмостроительстве Прибалтийского края 1870-х гг. / протоиерей Александр Берташ // Православие в Балтии. – Рига, 2016. – № 4 (13). – С. 9–32.

11. *Берташ А., прот.* Сооружение православных храмов и государственно-церковная политика в Остзейских губерниях в царствование императора Александра II / протоиерей Александр Берташ // Александр II : два века в памяти России (1818–2018) : материалы конференции, Санкт-Петербург, 17–19 декабря 2018 г. – Санкт-Петербург : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2018. – С. 181–183.

12. *Берташ А., прот.* Строительство и архитектура православных храмов в Эстляндской губернии в царствования императоров Николая I и Александра II / протоиерей Александр Берташ // Дом Бурганова. Пространство культуры. – Москва, 2017. – № 4. – С. 68–78.

13. *Берташ А., прот.* Устройство и топография православных церквей в Прибалтийских губерниях в царствование императора Александра III / протоиерей Александр Берташ // Теория и практика регионоведения. – Санкт-Петербург, 2018. – Т. 1. – С. 92–103.

14. *Берташ А., прот.* «Церковно-строительная операция»: провинциальное церковное строительство конца 1860–1870-х гг. на территории Латвии и Эстонии / протоиерей Александр Берташ // Православие в Прибалтике : религия, политика, образование, 1840-е – 1930-е гг. / под ред. И. Пярт. – Тарту : Изд-во Тартусского ун-та, 2018. – С. 41–93.

15. Венок на могилу : статьи, посвящ. памяти бывшего эстлянд. губ. кн. С. В. Шаховского / под ред. Г. Янчевецкого. – Ревель : газ. «Ревел. изв.», 1896. – 32+103+57 с.

16. *Высоцкий, И. И.* Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией, (1710–1910). Вып. 4. Православие / И. И. Высоцкий. – Рига : Тип. Нитавского Н. А., 1910. – 47 с.

17. *Гаврилин, А. В.* Очерки истории Рижской епархии / А. В. Гаврилин. – Рига : Филокалия, 1999. – 368 с.

18. *Гаврилин, А. В.* Переход прибалтийских крестьян в православие в 40-х годах XIX века как форма классовой борьбы крестьянства : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Гаврилин Александр Валентинович ; Институт истории АН ЛССР. – Рига, 1987. – 21 с.

19. *Гаврилин, А. В.* Православные приходы на территории Курляндской губернии / Александр Гаврилин // Православие в Балтии. – Рига, 2014. – № 2 (11). – С. 39–55.

20. *Гаврилин, А. В.* Рижская епархия и политика правительства в Прибалтийских губерниях в 60–90-х годах XIX века / А. В. Гаврилин // Россия и Балтия. – Москва : Ин-т всеобщей истории РАН, 2004. – Вып. 3. – С. 92–116.

21. *Добрышин, Б. В.* К истории Православия в Прибалтийском крае / Добрышин Б. В. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1911. – VI, 220 с.

22. *Зубов, С. В.* Михаил Николаевич Галкин-Враской / С. В. Зубов. – 3-е изд., испр. и доп. – Саратов : КУБиК, 2017. – 320 с.

23. Из архива князя С. В. Шаховского : материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1885–1894) : в 3 т. – Санкт-Петербург : Тип. В. М. Эрикс, 1909–1910. – 3 т.

24. *Инфантьев, Б.* Янис Лицис, его «Записки православного латыша» и «Летопись Адеркашской церкви» / Б. Инфантьев // Православие в Латвии : ист. очерки : сб. статей. – Рига : Филокалия, 2001. – № 3. – С. 7–66.

25. *Кирчанов, М. В.* Zemnieki, latvieši, pilsoņi. Идентичность, национализм и модернизация в Латвии / Максим Кирчанов. – Воронеж Научная книга, 2009. – 203 с.

26. *Лейсман Н., свящ.* Состоящее под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Прибалтийское православное братство Христа Спасителя и Покрова Божией Матери / священник Николай Лейсман. – Рига, 1892.

27. *Малышкин, И. П.* Высокопреосвященный архиепископ Донат / Иван Малышкин. – Рига, 1895.

28. Материалы и статьи к истории Православия в Прибалтийском крае. Что побуждало лифляндских латышей и эстов к перемене лютеранской веры на православную, начиная с 1841 года : (из бумаг преосвященного Вениамина, епископа Рижского и Митавского) // Сборник материалов и статей по истории Прибалтий-

ского края : в 4 т. – Рига : Тип. А. И. Липинского, 1882. – Т. 4. – С. 562–576. – На шмуцтит. загл.: Прибалтийский сборник.

29. *Михайлова, Ю. Л.* Крестьянский вопрос в Прибалтийском крае на страницах российской прессы и публицистики в 40–70-е годы XIX века : специальность 07.00.03 «Всеобщая история. Новая история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Михайлова Юлия Леонидовна ; Институт Всеобщей истории РАН. – Москва, 2008. – 28 с.

30. *Остерблом, Ю.* Новейшие религиозные движения в Эстляндии / Ю. Остерблом // Христианское чтение. – 1885. – № 1/2. – С. 230–272.

31. *Пассит, Г. А.* К 25-летию рижского Петропавловского православного братства / Г. А. Пассит. – Рига : Тип. М. Якобсона, 1892. – 94 с. – (Из истории Православия в Прибалтийском крае).

32. Первое десятилетие деятельности Прибалтийского православного братства с 22 сентября 1882 по 22 сентября 1892 г. : крат. обзор. – Санкт-Петербург, 1893.

33. *Плаат, Я.* Православные церкви, монастыри и часовни в Эстонии : альбом / Янус Плаат ; фото Арне Маасик. – Таллин : Эстон. худож. акад., 2011. – 180 с.

34. *Полунов, А. Ю.* Империя, православие и проблема реформ в Прибалтике : к истории религиозно-политической борьбы 1880-х – первой половины 1890-х гг. / А. Ю. Полунов // Православие в Прибалтике : религия, политика, образование, 1840-е–1930-е гг. – Тарту : Изд-во Тартус. ун-та, 2018. – С. 207–230.

35. *Полунов, А. Ю.* Православие в Остзейском крае и политика правительства Александра III / А. Ю. Полунов // Россия и реформы. – Москва, 1993. – Вып. 2. – С. 55–65.

36. Православие в Прибалтийском крае в 1887 г. по отчету обер-прокурора св. Синода // Рижские епархиальные ведомости. – 1890. – № 10. – С. 305–306.

37. *Преображенский, И.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. / И. Преображенский. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. Сиб. акц. общ. печ. дела в России, 1901. – [4], 236 с.

38. *Лицис Я., прот.* Записки православного латыша Индрика Страумита [псевд.], 1840–1845 г. / протоиерей Янис Лицис // Са-

марин Ю. Ф. Сочинения : [в 12 т.] / Ю. Ф. Самарин. – Москва, 1890. – Т. 8. – С. 177–300.

39. *Серебренников, Н. Е.* Законы о православном духовенстве и учреждениях духовных / Н. Е. Серебренников. – Москва : Юрид. кн. магазин «Правоведение» И. А. Голубева, 1914. – 454 с.

40. *Тизик (Тийзик) К., свящ.* Ревельский Александро-Невский собор на Вышгороде / священник Карп Тизик (Тийзик). – Ревель, 1910.

41. *Уманец, С. И.* Воспоминания о князе С. В. Шаховском и Балтийские очерки / С. И. Уманец. – Санкт-Петербург : Тип. Штаба Отдельного Корпуса Жандармов, 1899. – 160 с.

42. Устав отделения Прибалтийского Православного братства Христа Спасителя и Покрова Божией Матери в Иевве, Эстляндской губернии : [утв. 26 июня 1887 г.]. – Ревель : Эстлянд. Губерн. тип., 1887. – 20 с.

43. *Фриз, Г.* Религиозная политика Российской империи в Прибалтике / Г. Фриз // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. – 2017. – Т. 62, вып. 4. – С. 777–806.

44. *Шилов, Д. Н.* Члены Государственного совета Российской империи, 1801–1906 : биобиблиогр. справ. / Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2007. – 992 с.

45. *Klaas U.* Õigeusu kirik Lõuna-Eestis 1848–1917. Halduskorraldus ja preesterkond / Urmas Klaas. – Tartu, 1998.

46. *Kruus H.* Talurahva kaarimine Lõuna-Eestis XIX sajandi 40-ndail aastail / Hans Kruus. – Tartu, 1930.

47. *Pantelejev, A.* Vene õigeusu kiriku arhitektuur / A. Pantelejev // Eesti kunsti ajalugu. Köide 4. 1840–1900. – Tallinn, 2020.

UDC 930.85

**PRINCE S. V. SHAKHOVSKOI AND
RELATIONS BETWEEN CHURCH AND
STATE IN ESTHONIA UNDER EMPEROR
ALEXANDER III**

Aleksandr V. Bertash, Archpriest
PhD in Theology, PhD in Art History
Member of the Union of Architects of
Russia
Armarian at Berlin and German Diocese
Leading Art Critic
Architectural Bureau “Liteinaya
Chast-91”, St. Petersburg
Rector of the Church of the Holy Royal
Passion-bearers of the Berlin-German
Diocese Russian Orthodox Church
Moscow Patriarchate, Germany, Bremen
E-mail: bert14@yandex.ru

For citation: Bertash A. V., Archpriest. Prince S.V. Shakhovskoi and relations between Church and state in Esthonia under Emperor Alexander III // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 110–130. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the activities of the Governor of Esthonia, Prince S. V. Shakhovskoi, the spokesman for the policy of Emperor Alexander III in the Baltic region. It does not fit exclusively into the framework of “Russification”: the prince saw as his most important task the strengthening of Orthodoxy in the region and the connection of the Russian and Estonian peoples on the basis of the unity of faith, which, in his opinion, would make it possible to destroy the monopoly on power of the German elites.

Keywords: Estland province; governor Prince Sergei Shakhovskoi; the memory of St. Alexander Nevsky; reign of Emperor Alexander III; building of temples; russification.

References

1. EIA (Istoricheskii arkhiv Estonii, Tartu). 1655-2-952 [Historical Archives of Estonia, Tartu]. 1655-2-952. (in Russian)
2. LGIA (Latviiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv, Riga). 4754-1-472 [LSHA (Latvian State Historical Archives, Riga). 4754-1-472. (in Russian)
3. RGIA (Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv, Sankt-Peterburg). F. 812. Op. 1. D. 157. [RSHA (Russian State Historical Archives, St. Petersburg). Fund 812. Series 1. File 157]. (in Russian)
4. GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii, Moskva). F. R-6991. Op. 2. D. 413. [SARF (State Archives of the Russian Federation, Moscow). Fund P-6991. Series 2. File 413]. (in Russian)
5. TsGIA (Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga, Sankt-Peterburg). F. 19. Op. 23, D. 44. [CSA (Central State Historical Archives of St. Petersburg, St. Petersburg). Fund 19. Series 23. File 44]. (in Russian)
6. *Alexy II (Ridiger), Patriarch of Moscow and All Russia*. Pravoslavie v Estonii [Orthodoxy in Estonia]. Moscow, Church Scientific Center Publ., 1999, 703 p. (in Russian)
7. *Belyaev I., Archpriest*. Sud'ba pravoslaviya v Pribaltiiskom krae : istoriko-etnograficheskii ocherk [The fate of Orthodoxy in the Baltic region: historical-ethnographic sketch]. St. Petersburg, P. P. Soikin Publ., 1901, 186 p. (in Russian)
8. *Berens V., Priest*. Istoriko-statisticheskoe opisaniye tserkvei i prikhodov Severo-Zapadnykh eparkhii. Estonskaya eparkhiya [Historical and statistical description of churches and parishes of Northwestern dioceses. Estonian Diocese]. Tallinn, 1974. (in Russian)
9. *Bertash A., Archpriest*. Arkhitektura i stroitel'stvo pravoslavnykh khramov v Pribaltiiskikh guberniyakh v pervoi polovine 1840-kh godov [Architecture and construction of Orthodox churches in Baltic provinces in the first half of the 1840s]. Sbornik nauchnykh statei i dokumentov "Entsiklopedicheskaya praktika : materialy i issledovaniya" [Collection of Scientific Articles and Documents "Encyclopedic Practice: Materials and Research"]. St.

Petersburg: Encyclopedia Department of the Institute of Philological Studies at St. Petersburg State University Publ., 2016, issue 4, pp. 37–54. (in Russian)

10. *Bertash A., Archpriest.* “Rizhskaya shkola” v khramostroitel’stve Pribaltiiskogo kraia 1870-kh gg. [The “Riga School” in the church building of the Baltic Region in the 1870s]. *Pravoslavie v Baltii* [Orthodoxy in the Baltic Region], Riga, 2016, no. 4 (13), pp. 9–32. (in Russian)

11. *Bertash A., Archpriest.* Sooruzhenie pravoslavnykh khramov i gosudarstvenno-tserkovnaya politika v Ostzeiskikh guberniyakh v tsarstvovanie imperatora Aleksandra II [Construction of Orthodox churches and state-church policy in Baltic provinces during the reign of Emperor Alexander II]. *Materialy konferentsii “Aleksandr II : dva veka v pamyati Rossii (1818–2018)”* [Proceedings of the conference “Alexander II: Two Centuries in the Memory of Russia (1818–2018)”], St. Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2018, pp. 181–183. (in Russian)

12. *Bertash A., Archpriest.* Stroitel’stvo i arkhitektura pravoslavnykh khramov v Estlyandskoi gubernii v tsarstvovaniya imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II [Construction and architecture of Orthodox churches in the Estonian province during the reign of Emperors Nicholas I and Alexander II]. *Dom Burganova. Prostranstvo kul’tury* [Burganov House. Space of Culture], Moscow, 2017, no. 4, pp. 68–78. (in Russian)

13. *Bertash A., Archpriest.* Ustroistvo i topografiya pravoslavnykh tserkvei v Pribaltiiskikh guberniyakh v tsarstvovanie imperatora Aleksandra III [The structure and topography of Orthodox churches in Baltic provinces during the reign of Emperor Alexander III]. *Teoriya i praktika regionovedeniya* [Theory and practice of regional studies], St. Petersburg, 2018, vol. 1, pp. 92–103. (in Russian)

14. *Bertash A., Archpriest.* “Tserkovno-stroitel’naya operatsiya”: provintsial’noe tserkovnoe stroitel’stvo kontsa 1860–1870-kh gg. na territorii Latvii i Estonii [“Church building operation”: provincial church building of the late 1860–1870s in the territory of Latvia and Estonia]. *Pravoslavie v Pribaltike: religiya, politika, obrazovanie, 1840-e – 1930-e gg.* [Orthodoxy in the Baltic States: Religion, Politics,

Education, 1840s–1930s], Tartu, Tartu University Publishing House Publ., 2018, pp. 41–93. (in Russian)

15. Venok na mogilu: stat'i, posvyashchennye pamyati byvshego estlyandskogo gubernatora knyazya S. V. Shakhovskogo [Wreath on the grave: articles dedicated to the memory of the former Estonian governor Prince S. V. Shakhovskoi]. *Gazeta "Revel'skie izvestiya"* [Newspaper "Revel News"], Revel, 1896, 32 + 103 + 57 p. (in Russian)

16. *Vysotsky, I. I.* Ocherki po istorii ob'edineniya Pribaltiki s Rossiei, (1710–1910) [Essays on the history of the unification of the Baltic States with Russia, (1710–1910)]. *Pravoslavie* [Orthodoxy], Riga, Nitavsky N. A. Publ., 1910, issue 4, 47 p. (in Russian)

17. *Gavrilin, A. V.* Ocherki istorii Rizhskoi eparkhii [Essays on the history of the Riga diocese]. Riga, Filokaliya Publ., 1999, 368 p. (in Russian)

18. *Gavrilin, A. V.* Perekhod pribaltiiskikh krest'yan v pravoslavie v 40-kh godakh XIX veka kak forma klassovoi bor'by krest'yanstva. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Transition of the Baltic peasants to Orthodoxy in the 1840s as a form of the class struggle of the peasantry. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Riga, Institute of History of the Academy of Sciences of the LSSR, 1987, 21 p. (in Russian)

19. *Gavrilin, A. V.* Pravoslavnye prikhody na territorii Kurlyandskoi gubernii [Orthodox parishes on the territory of the Province of Courland]. *Pravoslavie v Baltii* [Orthodoxy in the Baltic Region], Riga, 2014, no. 2 (11), pp. 39–55. (in Russian)

20. *Gavrilin, A. V.* Rizhskaya eparkhiya i politika pravitel'stva v Pribaltiiskikh guberniyakh v 60–90-kh godakh XIX veka [Riga diocese and government policy in the Baltic provinces in the 1860s – 1890s]. *Rossiya i Baltiya* [Russia and the Baltics], Moscow, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004, issue 3, pp. 92–116. (in Russian)

21. *Dobryshin, B. V.* K istorii Pravoslaviya v Pribaltiiskom krae [To the history of Orthodoxy in the Baltic region]. St. Petersburg, 1911, VI, 220 p. (in Russian)

22. *Zubov, S. V.* Mikhail Nikolaevich Galkin-Vraskoy [Mikhail Nikolaevich Galkin-Vraskoy]. Saratov, KUBiK Publ., 2017, 320 p. (in Russian)

23. Iz arkhiva knyazya S. V. Shakhovskogo: materialy dlya istorii nedavnego proshlogo Pribaltiiskoi okrainy (1885–1894) [From the archives of Prince S. V. Shakhovskoi: materials for the history of the recent past of the Baltic outskirts (1885–1894)]. St. Petersburg, V. M. Eriks Publ., 1909–1910, 3 vol. (in Russian)

24. *Infantyeв, B.* Yunis Litsis, ego “Zapiski pravoslavnogo latysha” i “Letopis’ Aderkashskoi tserkvi” [Janis Litsis, his “Notes of an Orthodox Latvian” and “Chronicle of the Aderkash Church”]. Sbornik statei “Pravoslavie v Latvii: istoricheskie ocherki [Collection of Articles “Orthodoxy in Latvia: Historical Reviews], Riga, Filokaliya Publ., 2001, no. 3, pp. 7–66. (in Russian)

25. *Kirchanov, M. V.* Zemnieki, latvie i, pilso i. Identichnost’, natsionalizm i modernizatsiya v Latvii [Identity, nationalism and modernization in Latvia]. Voronezh, Scientific Book Publ., 2009, 203 p. (in Russian)

26. *Leisman N., Priest.* Sostoyashchee pod vysochaishim pokrovitel’stvom Ee Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatritsy Pribaltiiskoe pravoslavnoe bratstvo Khrista Spasitelya i Pokrova Bozhiei Materi [The Baltic Orthodox Brotherhood of Christ the Savior and the Protection of the Mother of God which is under the highest patronage of Her Imperial Majesty the Empress]. Riga, 1892. (in Russian)

27. *Malyshkin, I. P.* Vysokopreosvyashchennyi arkhiepiskop Donat [Eminence Archbishop Donat]. Riga, 1895. (in Russian)

28. Materialy i stat’i k istorii Pravoslaviya v Pribaltiiskom krae. Chto pobuzhdalo liflyandskikh latyshei i estov k peremene lyuteranskoi very na pravoslavnyuyu, nachinaya s 1841 goda : (iz bumag preosvyashchennogo Veniamina, episkopa Rizhskogo i Mitavskogo [Materials and articles on the history of Orthodoxy in the Baltic region. What prompted the Livonian Latvians and Estonians to change the Lutheran faith to the Orthodox, starting from 1841: (from the papers of the Right Reverend Veniamin, Bishop of Riga and Mitava)]. Sbornik materialov i statei po istorii Pribaltiiskogo kraja [Collection of Materials and Articles on the History of the Baltic Region]. Riga, A. I. Lipinsky Publ., 1882. vol. 4, pp. 562–576. (in Russian)

29. *Mikhailova, Yu. L.* Krest’yanskii vopros v Pribaltiiskom krae na stranitsakh rossiiskoi pressy i publitsistiki v 40–70 gody XIX veka.

Avtoreferat dissertatsii ... kand. istoricheskikh nauk [The issue of peasantry in the Baltic region on the pages of the Russian press and writings on current affairs in the 1840–1870s. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2008, 28 p. (in Russian)

30. *Osterblom, Yu.* Noveishie religioznye dvizheniya v Estlyandii [The latest religious movements in Estonia]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 1885, no. 1/2, pp. 230–272. (in Russian)

31. *Passit, G. A.* K 25-letiyu rizhskogo Petropavlovskogo pravoslavnogo bratstva [To the 25th anniversary of the Riga Peter and Paul Orthodox Brotherhood]. Riga, M. Yakobson Publ., 1892, 94 p. (in Russian).

32. *Pervoe desyatiletie deyatel'nosti Pribaltiiskogo pravoslavnogo bratstva s 22 sentyabrya 1882 po 22 sentyabrya 1892 g. : kratkii obzor* [The first decade of the Baltic Orthodox Brotherhood from September 22, 1882 to September 22, 1892: a brief overview]. St. Petersburg, 1893. (in Russian)

33. *Plaat, Ya.* Pravoslavnye tserkvi, monastyri i chasovni v Estonii : al'bom [Orthodox churches, monasteries and chapels in Estonia: album]. Tallinn, Estonian Art Academy Publ., 2011, 180 p. (in Russian)

34. *Polunov, A. Yu.* Imperiya, pravoslavie i problema reform v Pribaltike : k istorii religiozno-politicheskoi bor'by 1880-kh – pervoi poloviny 1890-kh gg. [Empire, Orthodoxy and the problem of reforms in the Baltic States: to the history of the religious and political struggle of the 1880s – the first half of the 1890s]. *Pravoslavie v Pribaltike : religiya, politika, obrazovanie, 1840-e – 1930-e gg.* [Orthodoxy in the Baltic States: religion, politics, education, 1840s – 1930s], Tartu, Tartu University Publ., 2018, pp. 207–230. (in Russian)

35. *Polunov, A. Yu.* Pravoslavie v Ostzeiskom krae i politika pravitel'stva Aleksandra III [Orthodoxy in the Baltic Region and the policy of the government of Alexander III]. *Rossiya i reformy* [Russia and reforms], Moscow, 1993, issue 2, pp. 55–65. (in Russian)

36. *Pravoslavie v Pribaltiiskom krae v 1887 g. po otchetu oberprokurora sv. Sinoda* [Orthodoxy in the Baltic region in 1887 according to the report of the Chief Procurator of St. Synod]. *Rizhskie eparkhial'nye vedomosti* [Riga Diocese Gazette], 1890, no. 10, pp. 305–306. (in Russian)

37. *Preobrazhensky, I.* Otechestvennaya tserkov' po statisticheskim dannym s 1840–41 po 1890–91 gg. [Russian Church according to statistical data from 1840–41 to 1890–91]. St. Petersburg, Siberian Printing Corporation in Russia Publ., 1901, [4], 236 p. (in Russian)

38. *Litsis Ya., Archpriest.* Zapiski pravoslavnogo latysha Indrika Straumita, 1840–1845 g. [Notes of the Orthodox Latvian Indrik Straumit, 1840–1845]. Moscow, 1890, vol. 8, pp. 177–300. (in Russian)

39. *Serebrennikov, N. E.* Zakony o pravoslavnom dukhovenstve i uchrezhdeniyakh dukhovnykh [Laws on the Orthodox clergy and spiritual institutions]. Moscow, I. A. Golubev Law Book Store “Jurisprudence” Publ., 1914, 454 p. (in Russian)

40. *Tizik (Tiizik), K., Priest.* Revel'skii Aleksandro-Nevskii sobor na Vyshgorode [Revel Alexander Nevsky Cathedral in Vyshgorod]. Revel, 1910. (in Russian)

41. *Umanets, S. I.* Vospominaniya o knyaze S. V. Shakhovskom i Baltiiskie ocherki [Memoirs of Prince S. V. Shakhovskoi and Baltic Essays]. St. Petersburg, Headquarters of the Separate Corps of Gendarmes Publ., 1899, 160 p. (in Russian)

42. *Ustavotdeleniya Pribaltiiskogo bratstva Khrista Spasitelya i Pokrova Bozhiei Materi v Ievve, Estlyandskoi gubernii* [Charter of the branch of the Baltic Orthodox Brotherhood of Christ the Savior and the Protection of the Mother of God in Ievva, Estonia province]. Revel, Estonian Province Publ., 1887, 20 p. (in Russian)

43. *Friz, G.* Religioznaya politika Rossiiskoi imperii v Pribaltike [Religious policy of the Russian Empire in the Baltics]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya [St. Petersburg University Review. Series: History], 2017, vol. 62, no. 4, pp. 777–806. (in Russian)

44. *Shilov, D. N.* Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossiiskoi imperii, 1801–1906 : biobibliograficheskiy spravochnik [Members of the State Council of the Russian Empire, 1801–1906: biobibliographical reference book]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2007, 992 p. (in Russian)

45. *Klaas U.* Õigeusu kirik Lõuna-Eestis 1848–1917. Halduskorraldus ja preesterkond / Urmas Klaas. – Tartu, 1998.

46. *Kruus H.* Talurahva kaarimine Lõuna-Eestis XIX sajandi 40-ndail aastail / Hans Kruus. – Tartu, 1930.

47. *Pantelejev, A.* Vene õigeusu kiriku arhitektuur / A. Pantelejev // Eesti kunsti ajalugu. Kõide 4.1840–1900. – Tallinn, 2020.

**ПРАВОСЛАВНАЯ
ПЕДАГОГИКА
И АНТРОПОЛОГИЯ**

УДК 343.8

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Шуняева Вера Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент,
директор Института права и
национальной безопасности

ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
им. Г. Р. Державина,

доцент церковно-практической кафедры
Тамбовской духовной семинарии

E-mail: vera1705@mail.ru

Для цитирования: Шуняева В. А. Роль Русской Православной Церкви в профилактике преступности несовершеннолетних // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 132–144.

Аннотация

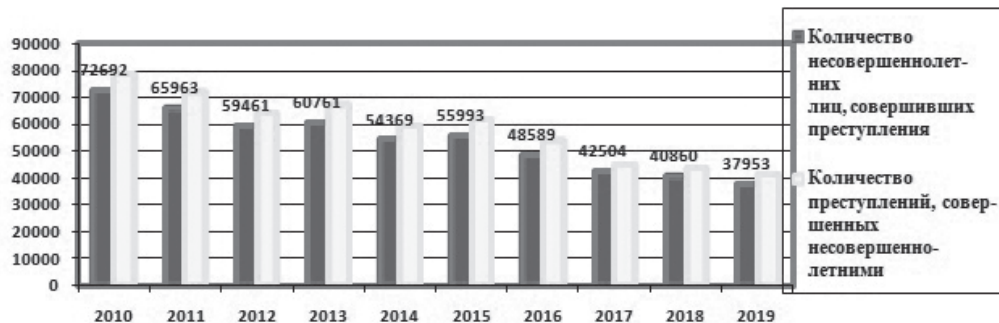
В статье поднимаются проблемы преступности несовершеннолетних. Статистические данные показывают неоднозначную ситуацию, связанную с необходимостью усиления профилактического подхода к указанному виду преступности. Обозначенные причины преступности несовершеннолетних выявили основные профилактические задачи. Одним из наиболее успешных субъектов противодействия развитию девиаций несовершеннолетних является Русская Православная Церковь. В статье приводятся основные направления ее деятельности, призванные наиболее эффективно корректировать личность несовершеннолетнего с целью укрепления его духовно-нравственного уровня.

Ключевые слова: девиация; духовно-нравственное развитие личности; криминальная субкультура; преступность несовершеннолетних; Русская Православная Церковь; профилактика.

Молодое поколение составляет во многом основу общества, являясь его будущим. В настоящее время преступность несовершен-

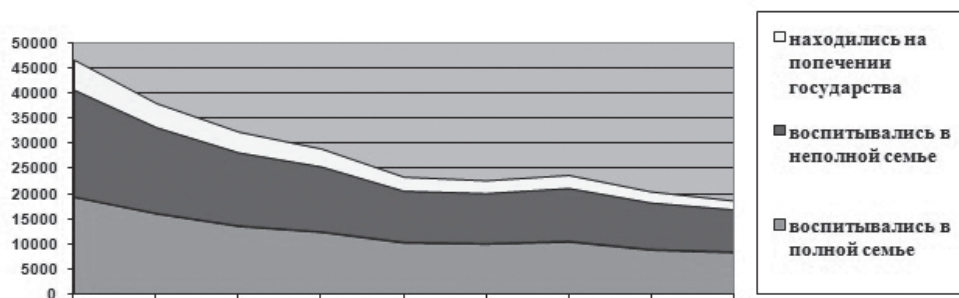
нолетних носит неоднозначный характер, так как нельзя говорить о ее искоренении или существенном положительном изменении ситуации. Обратимся к статистике.

Динамика количества несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, и количества преступлений, совершенных несовершеннолетними за 2010–2019 гг. на территории РФ [9]

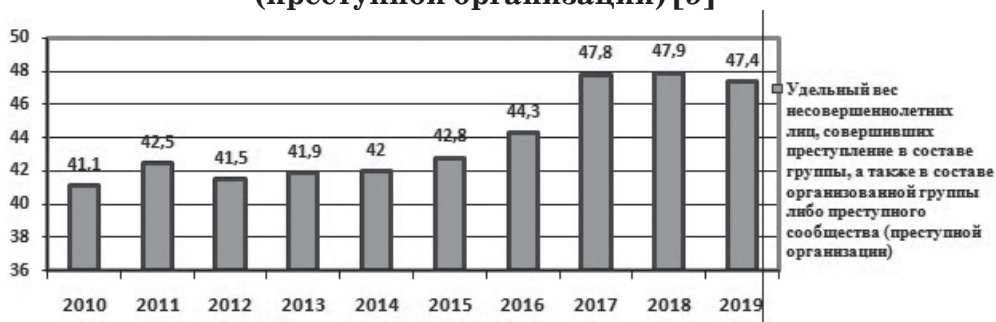
Как видим, в последнее время наблюдается незначительная тенденция к снижению как количества совершенных несовершеннолетними преступлений, так и лиц, их совершивших. Однако число преступлений превышает число лиц, их совершивших, что говорит о совершении одним лицом нескольких преступлений.

Удельный вес осужденных, совершивших преступления в возрасте 14–17 лет, по семейному положению [10]

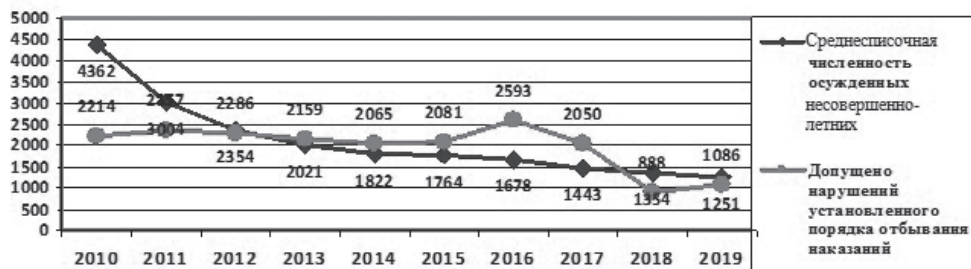
Очевидно, что количество несовершеннолетних, совершивших преступление, воспитывавшихся в полной и неполной семье, одинаково. Процент находящихся на попечении в детских домах крайне незначительный, что еще больше проявляет проблемы семейного воспитания, которые становятся криминогенными факторами.

Динамика удельного веса несовершеннолетних лиц, совершивших преступление в составе группы, а также в составе организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации) [9]

Согласно приведенным статистическим данным, за последние 10 лет удельный вес таких преступлений не опускался ниже 40 %, в последние же 3 года он существенно повысился, а значит, несовершеннолетние стали совершать более тяжкие преступления по степени общественной опасности.

Соотношение численности осужденных несовершеннолетних и количества нарушений установленного порядка отбывания наказания в ВК [11]

Неоднозначна ситуация с таким показателем, как нарушение установленного порядка отбывания наказания. Если сравнить среднесписочную численность осужденных несовершеннолетних с количеством допущенных нарушений установленного порядка отбывания наказания за десятилетний период, увидим, что с 2013 по 2017 год таких нарушений было больше, чем осужденных несовершеннолетних лиц, а это значит, что нарушения совершались практически каждым осужденным, а некоторыми – и неоднократно.

Как видим, в целом статистика показывает, что преступность несовершеннолетних, несмотря на положительную динамику снижения, сохраняет неблагоприятные тенденции.

Современный период социального развития во многом обусловлен духовно-нравственным кризисом общества. Он связан не только с ростом дифференциации населения по различным критериям (социальному положению, экономическим возможностям и т. д.), но и с различием в понимании основных социальных ценностей. По мнению В. А. Корнеева, «иерархия ценностей определяется принципом пользы при нарастающем равнодушии к духовной истине» [4, с. 260].

Такая ситуация порождена в первую очередь кризисом духовно-нравственной сферы старшего поколения – родителей, чьи дети были отражены в криминальной статистике. Игумен Иоанн (Ермаков), характеризуя это поколение, отметил: «Поколению, родившемуся в 80-е годы двадцатого века, свойственно чувство тревоги, потерянности, ощущение нереализованности своих возможностей. Самоутверждались эти молодые люди, как правило, самыми доступными для них способами. Если украсть может не каждый, то найти алкоголь, табак и наркотики оказались способны многие... В результате возникла пропасть на мировоззренческой почве, разделяющая старшие поколения и тех, кого мы называем подрастающим поколением» [3]. Сегодня это уже взрослые люди, родившие детей, ставших новым поколением. Их размытые духовно-нравственные ориентиры передались детям, у которых не сформирована четкая поведенческая реакция, основанная на уважении и доброжелательности при общении с людьми.

Социальное неравенство, проявляющееся во всё большей удалённости одних слоёв населения от других, в существенном их различии как в материальном обеспечении, так и в иных их возможностях (дорогостоящее образование, медицина, отдых, хобби и т. д.), порождает желание перейти из своей социальной страты в иную, в том числе и посредством криминального опыта. Громкие политические скандалы, выявляющие многомиллиардные коррупционные схемы, реализуемые лицами, находящимися на государственных должностях, показывают несостоятельность правоохранительной сферы, где также нередко коррупционные правонарушения. Все это в неокрепших подростковых умах фор-

мирует неправильное представление о возможном и дозволенном, нравственном и безнравственном. В связи с чем необходимо проводить комплексную, системную работу по профилактике развития криминального поведения несовершеннолетних.

Не последнюю роль в ней занимает Русская Православная Церковь. Ее многовековой опыт работы с детьми должен быть востребован и на современном этапе развития нашего государства. Попечение о душах людей является одной из приоритетных задач Церкви. Такая забота в первую очередь должна быть направлена на молодое поколение, для которого вера может стать надежным маяком, позволяющим выбрать правильную жизненную позицию и дающим силы преодолеть многие соблазны.

Обратимся к основным направлениям, реализуемым Церковью и способствующим противодействию преступности несовершеннолетних. Регулярно в своих проповедях и обращениях Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отмечал необходимость системной работы с молодежью: «Мы живем в условиях жесткой конкуренции идей и стремительного распространения системы взглядов, противопоставляющих себя христианству. Наша обязанность – выдержать этот натиск и отстоять право нашего народа на истину... Все вместе мы должны понять, что нравственное воспитание молодежи, обучение жизни по совести – это приоритетное направление современной церковной жизни и нашего взаимодействия с обществом» [1].

Семья по праву считается первым социальным институтом для ребёнка. Не зря еще в XIX веке одним из основных видов миссионерской деятельности считался надзор за физическим и духовно-нравственным развитием детей в пределах каждого прихода. «Пастырю предписывалось наблюдать за тем, чтобы воспитание родившихся детей было «безопасным». Для этого ему вменялось в обязанность 10 раз в течение года побывать в каждом приходском доме с осмотром» [7, с. 142]. Подобная практика, к сожалению, в наше время редко реализуется. Несомненно, что воспитание в православной семье, в основе которой лежат христианские ценности, способствует формированию у ребенка истинных духовно-нравственных качеств: приоритета семьи, её традиций, любви к ближнему, взаимопомощи, трудолюбия, милосердия. Утрата веры, стремительный рост эгоцентрических настроений, приводя-

щих к желанию не только жить в свое удовольствие, но и минимизировать ответственность за своих близких и в первую очередь за детей, способствует существованию института социального сиротства, когда живые родители не хотят нести ответственность за воспитание детей.

Именно представители Церкви способны помочь и поддержать семью в этом непростом деле – в деле воспитания высоконравственного человека.

Отдельная сфера деятельности Русской Православной Церкви связана с помощью детям-сиротам. Основы указанного направления деятельности Церкви обозначены в «Принципах осуществления церковной заботы о детях-сиротах» [8], составленных Комиссией по вопросам организации церковной социальной деятельности и благотворительности Межсоборного присутствия, где основным принципом является приоритет семейного воспитания. Такое воспитание максимально благоприятствует полноценному развитию личности. В связи с чем Церковь содействует развитию форм семейного устройства детей-сирот: оказывает помощь в подборе семей, готовых принять ребенка; проводит разъяснительную работу с родителями и так далее. В случае невозможности устройства ребенка в семью Церковь создает церковные приюты. Приоритетные задачи отражены в документе «Основные принципы деятельности приютов Русской Православной Церкви» [6] от 21.06.2013.

Наряду с указанными видами деятельности представители Церкви тесно сотрудничают с государственной интернатной системой, осуществляя ее окормление и вовлекая детей в жизнь храма, в церковное служение. Для эффективного осуществления такой деятельности важна волонтерская помощь прихожан, оказывающая положительное влияние на ребенка.

Указанным документом особые задачи возлагаются на церковные кризисные центры для одиноких матерей, способствующие снижению отказов от ребенка матерью-одиночкой.

Свою эффективность и состоятельность показал еще один опыт прошлых столетий, реализуемый в виде назначения пособия родителям и детям различного типа, а также в виде контроля за расходованием такого пособия, с целью удержания указанных лиц от социального дна. На протяжении определенного периода Церковь

осуществляла заботу о детях-сиротах, помогая материально и духовно в получении профессии, устройстве на работу и т. д. Положительный опыт правильного формирования жизненной позиции таких несовершеннолетних сирот становился примером для других.

Немаловажным направлением деятельности Русской Церкви в профилактике преступного поведения несовершеннолетних является работа в школе как в одном из значимых общественных институтов. В настоящее время все большее значение придаётся духовному воспитанию, ставшему неотъемлемой частью образовательного процесса. Несмотря на активную деятельность по внедрению в образовательный процесс дисциплины «Основы православной культуры», общий уровень религиозной культуры молодежи остается невысоким, что расширяет границы влияния на подрастающее поколение со стороны нетрадиционных верований, в том числе эзотерических и оккультных практик. Такая проблема обусловлена также некачественным преподаванием «Основ православной культуры»: учителя зачастую сами нуждаются в укреплении веры, относятся к преподаванию дисциплины как к набору определенных знаний, которые они сообщают ученикам, не уделяя достаточного внимания формированию у детей необходимых православному христианину нравственных качеств.

В этой связи необходимо тщательно подбирать педагогические кадры для преподавания указанной дисциплины, улучшить их системную переподготовку с участием священнослужителей и преподавателей духовных семинарий, создать единый увлекательный учебно-методический комплекс, а также осуществлять регулярное духовное окормление и поддержку. Все это будет способствовать более эффективной реализации воспитательной функции Церкви. Достижению такой цели может помочь положительный опыт регионов, успешно внедряющих в образовательный процесс «Основы православной культуры».

В рамках образовательно-воспитательного сегмента не последнее место занимают воскресные школы, созданные на базе приходов. В таких школах учащиеся не только приобретают необходимые знания о православной вере и культуре, но и учатся добродетельной жизни. К сожалению, в большинстве воскресных школ маленький контингент учащихся, что существенно огра-

ничивает их влияние на молодое поколение. Изменению сложившейся ситуации будет способствовать открытие кружков и секций при воскресной школе с православным уклоном, например, связанных с обучением церковным ремеслам (шитью, резьбе по дереву, вышиванию, живописи, книгоизданию, хоровому пению). В деятельности воскресной школы заложена уникальная функция, направленная на сплочение людей вокруг веры, что способствует формированию правомерного поведения.

Воспитанию высоконравственной личности может способствовать расширение опыта деятельности молодёжных православных волонтерских организаций. Задачи таких организаций – в объединении православных несовершеннолетних. В рамках деятельности таких организаций проводятся различные познавательные, культурные, спортивные мероприятия, где ребят не только научат преодолевать различные трудности, но и укажут им праведный путь, помогут найти друзей, единомышленников, отвлекут от криминальной субкультуры, которая демонстрирует несовершеннолетним преступный путь. В настоящее время уже существует опыт деятельности такого православного волонтерства. Так, Покровский мужской монастырь Саранской и Мордовской епархии организует и проводит православный военно-патриотический палаточный лагерь «Лебединое озеро». Также волонтерские организации дают возможность участвовать в познавательных паломнических поездках по святым местам, проводят «Зарницы», спортивные соревнования между воскресными школами с православной молодежью. Мы согласны с начальником кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России А. А. Исаевым, акцентирующим внимание на том, что такие формы организации детского досуга позволяют лучше узнать свои православные корни, культуру, историю [2, с. 307]. Данные мероприятия способствуют не только самовоспитанию и саморазвитию, но и реализации своего потенциала подростками. Они дают возможность почувствовать соборное единство, пройти православную самоидентификацию.

Особое значение в профилактике преступности несовершеннолетних Русской Православной Церковью играет духовно-нравственное окормление подростков, находящихся в воспитательных колониях. Д. О. Матвеева и Е. В. Тимохов отметили, «что в тех

воспитательных колониях, где налажено взаимодействие с традиционными религиозными организациями, наблюдается снижение числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними осуждёнными в период отбывания ими наказания» [5, с. 54].

В общении с таким контингентом подростков с целью положительной корректировки их поведения необходимо привлекать православных психологов, которые профессионально подойдут к решению профилактических задач, помогут подросткам, опираясь на веру, пересмотреть свое криминальное поведение, абстрагироваться от навязывания преступного опыта другими осужденными, стараться искупить вину и вернуться в социум. Такие несовершеннолетние должны в лице православного психолога увидеть наставника, захотеть ориентироваться на демонстрируемую им самим модель поведения.

Таким образом, Русская Православная Церковь, реализуя разнообразные формы и методы воздействия на несовершеннолетних, должна помочь им найти подлинные нравственные ориентиры и ценности, что, в свою очередь, приведет к снижению развития в них криминальных девиаций.

Список литературы

1. *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси*. Доклад на Епархиальном собрании г. Москвы 2009 года, 23.12.2009 // Собрание трудов. Серия 1. Слово Предстоятеля. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2012. – Т. 1. – С. 256–289.

2. *Исаев, А. А.* Роль православия в духовно-нравственном воспитании молодежи / А. А. Исаев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 4-1. – С. 307–310.

3. *Иоанн (Ермаков), игум.* Возрождение русской патриотической идеи и патриотическое воспитание молодежи как важнейшая задача Церкви и Государства / игумен Иоанн (Ермаков) // URL: <http://www.podvorie-sokolniki.ru/index.php/materialy/> (дата обращения: 18.06.2020).

4. *Корнев, В. А.* Педагогический ресурс Русской Православной Церкви в деле духовно-нравственного воспитания российской молодежи / В. А. Корнев // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 1. – С. 260–264.

5. *Матвеев, Д. О.* Роль Русской Православной Церкви в профилактике преступности в воспитательных колониях / Д. О. Матвеев, Е. В. Тимохов // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 4 (17). – С. 54.

6. Основные принципы деятельности приютов Русской Православной Церкви, 21.06.2013 // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3479415.html> (дата обращения: 29.06.2020).

7. *Петрова, О. А.* Роль Русской Православной Церкви в признании несовершеннолетних лиц на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв. / О. А. Петрова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5 (11), ч. 2. – С. 142–145.

8. Принципы осуществления церковной заботы о детях-сиротах // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4666731.html> (дата обращения: 29.06.2020).

9. Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports> (дата обращения: 14.06.2020).

10. Характеристика осужденных, совершивших преступления в возрасте 14–17 лет // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 11.06.2020).

11. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних // Федеральная служба исполнения наказаний : офиц. сайт. – URL: <http://фсин.рф/statistics/> (дата обращения: 14.06.2020).

UDC 343.8

**THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX
CHURCH IN PREVENTING JUVENILE
DELINQUENCY****Vera A. Shunyaeva**

PhD in Law, Associate Professor

Director

Institute of Law and National Security

Derzhavin Tambov State University

Associate Professor of Church and

Practice Department

Tambov Theological Seminary

E-mail: vera1705@mail.ru

For citation: Shunyaeva V. A. The role of the Russian Orthodox Church in preventing juvenile delinquency // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 132–144. (in Russian)

Abstract

The article raises the problems of juvenile delinquency. Statistical data show a controversial situation which requires strengthening a preventive approach to this type of crime. The identified causes of juvenile delinquency have revealed the main preventive tasks. One of the most successful subjects of countering the development of deviations of minors is the Russian Orthodox Church. The article presents the main areas of its activities designed to most effectively correct the personality of a minor in order to strengthen their spiritual and moral level.

Keywords: deviation; spiritual and moral development of an individual; criminal subculture; juvenile delinquency; prevention.

References

1. *Kirill, Patriarch of Moscow and All Russia*. Doklad na eparkhial'nom sobranii g. Moskvy 2009 goda, 23.12.2009 [Report at Moscow Diocesan meeting in 2009, 23.12.2009]. Slovo Predstoyatelya [Word of the Primate]. Collection of works, series 1, Moscow, Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church Publ., 2012, vol. 1, pp. 256–289. (in Russian)

2. *Isaev, A. A.* Rol' pravoslaviya v dukhovno-nravstvennom vospitanii molodezhi [The role of Orthodoxy in spiritual and moral education of youth]. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Current Issues of the Humanities and Natural Sciences], 2014, no. 4–1, pp. 307–310. (in Russian)

3. *Ioann (Ermakov), Hegumen.* Vozrozhdenie russkoi patrioticheskoi idei i partioticheskoe vospitanie molodezhi kak vazhneishaya zadacha Tserkvi i Gosudarstva [The revival of the Russian patriotic idea and patriotic education of youth as the most important task of the Church and state]. (in Russian). Available at: <http://www.podvorie-sokolniki.ru/index.php/materialy/> (Accessed 18.06.20)

4. *Kornev, V. A.* Pedagogicheskii resurs Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v dele dukhovno-nravstvennogo vospitaniya rossiiskoi molodezhi [Pedagogical resource of the Russian Orthodox Church in spiritual and moral education of Russian youth]. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical Education in Russia], 2012, no. 1, pp. 260–264. (in Russian)

5. *Matveev, D. O., Timokhov, E. V.* Rol' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v profilaktike prestupnosti v vospitatel'nykh koloniyakh [The role of the Russian Orthodox Church in crime prevention in juvenile detention centers]. Vestnik Kuzbasskogo instituta [Kuzbass Institute Review], 2013, no. 4 (17), p. 54. (in Russian)

6. Osnovnye printsipy deyatel'nosti priyutov Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 21.06.2013 [Basic principles of the Russian Orthodox Church shelters, 21.06.2013]. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' : ofitsial'nyi sait Moskovskogo Patriarkhata [The Russian Orthodox Church : Official Website of the Moscow Patriarchate]. (in Russian). Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3479415.html> (Accessed 29.06.2020)

7. *Petrova, O. A.* Rol' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v prizrenii nesovershennoletnikh lits na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [The role of the Russian Orthodox Church in the care of minors in the Far East of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], 2011, no. 5 (11), part 2, pp. 142–145. (in Russian)

8. Printsipy osushchestvleniya tserkovnoi zaboty o detyakh-sirotakh [Principles of Church care for orphaned children]. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' : ofitsial'nyi sait Moskovskogo Patriarkhata [The Russian Orthodox Church : Official Website of the Moscow Patriarchate]. (in Russian). Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4666731.html> (Accessed 29.06.2020)

9. Sostoyanie prestupnosti [State of crime]. Ofitsial'nyi sait Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Official Website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. (in Russian). Available at: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports> (Accessed 14.06.2020)

10. Kharakteristika osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v vozraste 14–17 let [Characteristics of convicts who committed crimes at the age of 14–17]. Ofitsial'nyi sait Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii [Official Website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation], (in Russian). Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (Accessed 11.06.2020)

11. Kharakteristika lits, soderzhashchikhsya v vospitatel'nykh koloniyakh dlya nesovershennoletnikh [Characteristics of people kept in juvenile detention centers]. Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii [Official Website of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation]. (in Russian). Available at: <http://фсин.рф/statistics/> (Accessed 14.06.2020).

УДК 37.013.2

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА И К. Д. УШИНСКОГО К ВОСПИТАНИЮ ЧЕЛОВЕКА

Евтихийев Петр Николаевич

кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий церковно-практической
кафедрой Тамбовской духовной
семинарии

E-mail: petr.evtihiiev@bk.ru

Для цитирования: Евтихийев П. Н. Антропологический подход святителя Феофана Затворника и К. Д. Ушинского к воспитанию человека // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 145–156.

Аннотация

В статье дается оценка двум разным антропологическим подходам к воспитанию человека, которые в целостном виде сложились во второй половине XIX века. Эти подходы обозначили стратегические направления не только развития педагогики как науки, но и развитие целого ряда наук о человеке.

Ключевые слова: антропология; педагогическая антропология; христианская антропология; святитель Феофан Затворник; К. Д. Ушинский.

Педагогические реформы 40–60-х гг. XIX века в России масштабно осуществлялись в системе как церковного, так и государственного образования. Эти преобразования начались еще в начале XIX века: александровские реформы 1801–1825 гг., духовно-учебная реформа 1808–1814 гг. (свт. Филарет Московский). Их проведение в середине XIX века требовало ответа на принципиальный вопрос: на какой методологической основе они будут проводиться дальше? В системе церковного образования такой основой стала христианская антропология свт. Феофана Затворника. В системе светского – педагогическая антропология К. Д. Ушинского. Отметим, что само это понятие впервые в научный оборот ввел именно

К. Д. Ушинский, закладывая тем самым основы новой педагогической науки.

Важно иметь в виду, что светское образование в XIX веке интенсивно развивалось на данных уже сформировавшихся или только что возникающих наук о человеке. Принципиально, что основой для разработки педагогической антропологии в основном являлся западноевропейский научно-педагогический опыт. Примером адаптации этого опыта может служить новая для российского образования учебно-воспитательная система, разработанная В. А. Жуковским для детей императора Николая I.

К. Д. Ушинский интенсивно изучал психологические и иные труды европейских ученых (Милля, Дэна и др.), хотя был знаком и с отечественными трудами, например, основателя физиологии И. М. Сеченова. Полученные К. Д. Ушинским данные были важными, но недостаточными для того, чтобы его подход к созданию педагогической антропологии адаптировал новейшие для того времени знания, научный и практический педагогический опыт.

Подход свт. Феофана Затворника к разработке православной антропологии основывался на святоотеческом опыте воспитания детей и юношества, т. е. на базовых принципах православной педагогики: христоцентричности, экклезиоцентричности и др. Об этом свидетельствуют труды святителя, в частности «Начертание христианского нравоучения» [6]. Его антропологический подход строился, если можно так сказать, на обширной информационной базе, которую составляли не только святоотеческие источники, но и научные знания: в распоряжении свт. Феофана имелись книги по психологии, физиологии и т. д.

К середине XIX века образовались два стратегических подхода к строительству и дальнейшему развитию целостной системы российского образования. Оба антропологических подхода к 1860-м гг. были представлены в виде фундаментальных трудов: «Путь к спасению» свт. Феофана (1862 год) и «Человек как предмет воспитания» К. Д. Ушинского (1867–1868 гг.). По сути это две науки, которые не могли быть похожи друг на друга, потому что использовали разный понятийно-терминологический аппарат. «Совершенно очевидно, что говорить одним языком они никогда не могли, хотя предмет изучения у них один – человек» [3], – писал свящ. Андрей Лоргус.

Разность антропологических подходов обнаруживается в понимании ряда важнейших понятий. Так, понятие «страсть» осмысливалось свт. Феофаном в контексте греховной природы человека, и сам феномен оценивался скорее отрицательно. К. Д. Ушинский рассматривал страсть как аффект и считал, что вхождение человека в страстное состояние иногда бывает полезно, например в процессе изучения какой-то науки, в трудовой или иной деятельности и т. п. Хотя практика показывает, что страстное отношение человека к какой-либо деятельности часто может привести к ущербу личности, прежде всего, в психической сфере. Во всех своих трудах святитель указывал на то, что человеку дана добродетель умеренности: использовать данные Богом душевные силы и способности, разумно расходовать их. Входить в состояние страсти – значит идти против данной Богом природы.

Неоднозначное осмысление у К. Д. Ушинского получило и понятие «страх Божий». Он не разъяснял содержание этого понятия, так как считал, что истинный страх перед Богом возможен «высоконравственному человеку», который боится только одного Бога [4, с. 169]. Хотя в Новом Завете Спаситель – это не карающий, а милующий Бог.

Существенная разница прослеживается и в толковании понятия «совесть». Оба рассматривали совесть как проявление духа. Однако у К. Д. Ушинского она «относится к чувствам, а у свт. Феофана – к области желающей (деятельной) силы» [4, с. 191]. Кроме того, святителя интересовал вопрос «о неверных действиях совести» [4, с. 178]. К. Д. Ушинский же считал, что совесть «всегда верно судит представленный факт» [8, с. 395].

Укажем на важное, на наш взгляд, обстоятельство. Образовательно-воспитательная концепция К. Д. Ушинского создавалась на основе возникавших в XIX веке наук о человеке. Их данные требовали экспериментальной проверки, о чем свидетельствует вся история развития психологии, педагогической психологии и других наук. Но в основание своей системы автор заложил принцип христоцентричности.

Это не помешало исследователям в области светской (советской) педагогики ссылаться на труды К. Д. Ушинского, хотя Церковь была отделена от государства. Развитие науки, плоды которой еще нельзя было представить, например, в середине XX века (компью-

теры, мобильные телефоны и т. п.), – предопределенный процесс. Человек призван усовершенствовать созданный земной мир по Божьим законам, беречь и сохранять его. Новые достижения светской науки должны всячески этому способствовать. Главнейшей из этих наук и является антропология: от того, какие подходы закладываются в основание педагогической и христианской антропологий, будет зависеть и полезность использования научных достижений.

Нет сомнения в том, что педагогическая антропология как наука нужна. Ныне она представлена трудами Б. М. Бим-Бада [1], который в 1998 году дал новое определение понятию «педагогическая антропология» [1, с. 11–45]. Он рассматривал педагогику как форму общественного сознания в контексте веры, разума, чувства, науки, философии [1, с. 45–163]. Так, он пишет: «Педагогическая антропология есть человековедение, служащее воспитанию и обучению людей» [1, с. 13].

Трудно дать однозначную оценку развитию новых наук о человеке в XIX веке. К. Д. Ушинский постулировал тезис о необходимости разноаспектного изучения человека, коль скоро педагогика ставит перед собой задачу всесторонне воздействовать на человека. Это и стало обязанностью новой для XIX в. науки – педагогической антропологии. Здесь возникает «разрыв» в двух антропологических подходах к осмыслению человека как целостности, которую заложил Творец в природу человека. Как известно, антропологический подход свят. Феофана Затворника основывался на трехчастной модели изучения человека: тело – душа – дух. При этом святитель подробно изложил свой взгляд на природу тела и души как сложно взаимодействующих сущностных составных сторон природы человека в соответствующем труде [5].

В современной христианской антропологии тело анализируется на трех уровнях его существования.

Первый – «биохимические и биофизические процессы» [3].

Второй – «уровень органической жизни. И это нечто большее, это выше, чем биохимия, биофизика в чистом виде» [3].

Третий – уровень психического тела. Здесь человек – это «сложная пространственная организация... с точки зрения психических функций, которые осуществляет в своей жизни человек» [3]. Такой подход целостен, и он обоснован свт. Феофаном Затворником.

Принципиальное различие двух антропологических подходов, сформулированных свт. Феофаном Затворником и К. Д. Ушинским, заключается в том, что из трихотомической формулы К. Д. Ушинский убрал первую сторону – «жизнь телесную, её органы и потребности» [5]. Тело в современной христианской антропологии рассматривается в контексте анализа таких понятий, как «плоть и тело» [3]. Тем самым антропологический подход Ушинского терял возможность целостного изучения человека. Вероятно, он не мог поступить иначе: наука XIX века стала рассматривать «атомарно» человека, в котором отдельно развиваются интеллектуальная, волевая и другие сферы. Достаточно взглянуть на содержание учебников по общей психологии. На методологический недостаток подхода к исследованию природы человека указывали и выдающиеся психологи XX века В. П. Зинченко и Б. Г. Мещеряков. Это, прежде всего, выражалось в том, что терминологический аппарат психологии не только в середине XIX века был неточен. Как отмечают В. П. Зинченко и Б. Г. Мещеряков, ссылаясь на Л. С. Выготского, и в XX веке «язык нашей науки ближе к житейско-практической, приблизительной, чем к математически точной, терминированной речи» [2, с. 6.]. Кстати, святитель Феофан, описывая и анализируя целостность природы человека, часто был вынужден «изобретать» новые термины, словосочетания, которые, на его взгляд, могли бы точно выразить его мысли, чему специально посвящена отдельная глава в диссертации Е. Н. Никулиной [4, с. 96–184].

«Атомарный» подход К. Д. Ушинского к антропологическому исследованию ребенка легко обнаружить. Так, процесс становления ребенка он рассматривал с позиций формирования, прежде всего, его темперамента и характера. Поэтому в своем капитальном труде из всех «сущностных отправлений души» (свт. Феофан Затворник) его интересовала прежде всего воля. Е. Н. Никулина отмечает, что «в отличие от К. Д. Ушинского, рассматривавшего воспитание воли в контексте формирования сильного характера, воспитательное воздействие на волю в педагогике свт. Феофана направлено на формирование навыка «доброделания» и борьбу со своеволием с опорой на монашескую практику отсечения своей воли, первым опытом которой служит послушание родителям» [4, с. 190]. В борьбе со «своеволием» свт. Феофан важную роль отво-

дил физическому воспитанию, хотя эти рекомендации – предмет педагогики, а не антропологии. Касаясь необходимости физического воспитания, свт. Феофан исходил из результатов анализа сложных взаимоотношений между телом и душой. Основываясь на святоотеческом опыте, он считал, что «возникновение страстей (происходит) на основе телесных потребностей ребенка (питания, движения, восприятия телом внешних чувств)» [4, с. 190]. Отсюда уже в семье должен быть разработан распорядок дня, «система закаливания как противостояние «животолению»» [4, с. 190]. Свт. Феофан давал сугубо практические рекомендации по «блюдению» тела, которое должно быть «крепко, живо и легко» [4, с. 196], хотя для святителя это не являлось основной целью физического воспитания. Он отмечал, что «благовоспитанный духом и без крепкого тела спасется» [6, с. 653–654].

У святителя Феофана и К. Д. Ушинского были разные подходы к пониманию понятия «послушание»: послушание как «повиновение» у К. Д. Ушинского и как особая добродетель, основанная на страхе Божьем, у свт. Феофана Затворника.

32-я глава труда К. Д. Ушинского посвящена рассмотрению физиологического объяснения природы «произвола движений» [7]. При этом автора интересует не само движение как реальный психофизиологический факт и процесс¹. Для нас важно, что К. Д. Ушинский попытался совместить экзистенциальный и естественнонаучный опыт в качестве основы для осмысления человека как целостности. Вне всякого сомнения, вклад К. Д. Ушинского в разработку такого подхода огромен.

Вместе с тем 32-я глава, на наш взгляд, не совсем корректно озаглавлена К. Д. Ушинским как «Физиология произвола движения»: физиологии в современном понимании сути этой науки там нет. Есть попытка объяснить различие между произвольными и непроизвольными движениями. Непроизвольные совершаются «сами собою, не только помимо нашей воли, но даже помимо нашего сознания, как, например, движения желудка, отчасти биения

¹ Целостное учение о движении возникнет только во второй половине XX века. Тогда Н. А. Бернштейн, основываясь на многочисленных наблюдениях, создал свой фундаментальный труд, который и ныне изучается на спортивных факультетах в институтах и университетах, а также используется в медицинской практике: см. Бернштейн, Н. А. Биомеханика и физиология движений. Москва-Воронеж: Изд-во «Институт практической психологии», НПО «МОДЭК», 1997. – 608 с.

сердца и т. п.» [7]. Однако природу возникновения произвольных движений К. Д. Ушинский ищет в такой силе души, как «чувство усилия», т. е. в воле.

Правильность выбранного им подхода подтверждается тем, что наука XXI века уже имеет удачные попытки объединения этих подходов с целью создания новых контекстов понимания не только тварной сущности человека, но и мироздания в целом. Например, современная физика, перешедшая к исследованию сверхмалых частиц, вполне объективно стала относиться к Шестодневу, особенно к первым словам: «Вначале было Слово...». По мнению ученых, представляющих разные науки, объяснение учения о Троице и даже математическое доказательство Троиединого Божества возможно в конкретных формулах.

Такая позиция К. Д. Ушинского понятна с точки зрения развития нового для XIX века материалистического подхода. Он постепенно становился доминирующим не только в науке, но и в социологии, политологии, экономике и т. п. Пройти по этому пути было необходимо как Европе, так и России. «Страстное» увлечение этим подходом, в частности, в России привело к большим проблемам. Поэтому сохранение христианского взгляда К. Д. Ушинским было принципиально важно. Так, не говоря прямо об «испорченности природы человека», К. Д. Ушинский использует термин «роковые рефлексy», носителем которых является человек. Интересно, что этот вывод он обосновывает, ссылаясь на мнение профессора Сеченова, суждения которого «совершенно *верны* и строго *логичны*» [7].

Отход К. Д. Ушинского от троичной модели свт. Феофана Затворника объясняется теми целевыми установками, которые он изначально избрал. Свт. Феофан не ставил перед собой специальную задачу разработать именно педагогическую антропологию. Такую задачу поставил перед собой К. Д. Ушинский. Поэтому его по праву считают «первым, выделившим фундаментальную проблему воспитания – главного фактора человеческого развития» [1, с. 36]. Хотя здесь можно высказать несогласие с Б. М. Бим-Бадом: именно свт. Феофан Затворник, а еще раньше – В. А. Жуковский и даже Николай I ставили воспитание выше обучения, причем воспитание и нравственное, и интеллектуальное и др.

Важно понимать, почему в 32-й главе своего труда К. Д. Ушинский сопоставляет рефлексивные и произвольные движения. Это

также объясняется сугубо педагогическими (воспитательными) целями. Если произвольные движения совершаются с помощью особого «чувства усилия» души, то, регулярно повторяясь, они превращаются из произвольных (в широком смысле) в рефлексивные. Психологическим механизмом превращения произвольного движения в рефлексивное является самонаблюдение: «единственный путь для изучения душевных явлений есть путь психологического самонаблюдения, а не физиологического наблюдения» [7]. Так, по мнению К. Д. Ушинского, формируются привычки, а на их основе – и характер ребенка.

У святителя Феофана был несколько иной подход. Процесс формирования привычек он рассматривал только в конкретных контекстах, а точнее в воцерковленной семье. Об этом он написал в своем фундаментальном труде [6].

Выше мы отметили два разных подхода к пониманию роли такой силы души, как воля. Напомним: у К. Д. Ушинского воля – это сила, с помощью которой вырабатывается характер ребенка на основе специально формирующихся привычек. У свт. Феофана – это сила, проявляющая себя в «делании» или «доброделании». Однако «делание» всегда должно совершаться «по охоте», т. е. исходить от сердца: «Ни одно расположение не приходит в душу одиноким» [6, с. 128]. Основой для этого чувства является наличие в сердце «доброего расположения». Сердце как мистический образ души рассматривается в антропологии как центр и интегратор всех чувств: телесных, душевных и духовных. Если это желание мотивируется (рефлексивной) привычкой («так надо»), то это привычка «холодного механического обычая» [6, с. 130–131], ничего общего не имеющая с «возбудителем <...> любви, ревности творить добрые дела» [6, с. 130–131]. В этом контексте задача воспитания воли актуальна для педагогического процесса. Однако побудительной и мотивирующей силой здесь выступает все же сердце: оно, по свт. Феофану, направляет волю на борьбу со «своеволием» как «возбудителем греха» и «худых настроений воли» [5].

В антропологии святителя тело рассматривается не как сущностная сторона человека, являющаяся основой для воспитания привычек, как у К. Д. Ушинского. По свт. Феофану, тело – это «орудие души», «седалище страстей» [5]. Оно нуждается в «попечении», которое не ограничивается лишь задачей сохранения и

поддержания здоровья. Здоровое и «крепкое» тело – условие prolongации физической жизни с тем, чтобы иметь больше времени для подготовки к вечной жизни.

Нельзя не сказать и еще об одном различии в понимании таких понятий, как душа и дух. Духовные переживания К. Д. Ушинский относил к «религиозным чувствам» [6, с. 418, 426]. Он рассматривал душу с точки зрения сходства и различия человека и животного. Понятие «дух» – собирательное. Он проявляется через слово, способность генерировать абстрактные идеи и т. п. Как справедливо замечает Е. Н. Никулина, именно религиозная основа антропологии Ушинского по разным причинам является самой «непроработанной» [4, с. 163]. В антропологии святителя Феофана «религиозное воспитание осуществляется не только в рамках явлений духовной жизни, но с привлечением всех сил и способностей человека – телесных, душевных, духовных» [4, с. 162]. Тело, взаимодействующее с душой, как две сущностные составные части человека, и их участие в духовной жизни рассмотрены недостаточно. Неслучайно различие антропологических подходов наблюдается в понимании такого феномена, как «духовные чувства». У святителя, как было уже сказано, это чувства, проявляемые в богообщении. У К. Д. Ушинского – «чувства, рождаемые из стремлений» [4, с. 162], предмет которых является эстетическое, нравственное.

По-разному оба характеризуют третью сферу души – область сердца. Для святителя Феофана сердце – «это центр жизни» [5, с. 13]. У К. Д. Ушинского это центр не всей жизни человека, а только душевной жизни, а также этот центр является связующим звеном не между телом и духом, а только между сознанием и волей.

Разность антропологических подходов к разработке христианской и педагогической антропологии как основ воспитания человека объясняется и тем, что свт. Феофан и К. Д. Ушинский опирались на разные научные представления о человеке. Для святителя основой являлись святоотеческие творения, «с идеями которых он пытался согласовать наблюдения психологов» [4, с. 155]. Основой для К. Д. Ушинского в основном стала европейская наука. Е. Н. Никулина высказывает предположение, что К. Д. Ушинский «с православной аскетикой, вероятно, знаком не был, в противном случае он не мог не заметить ее воспитательный потенциал» [4, с. 155].

Список литературы

1. *Бим-Бад, Б. М.* Педагогическая антропология : учеб. пособие / авт.- сост. Б. М. Бим-Бад. – Москва : Изд-во Ун-та Рос. акад. образования, 1998. – 576 с.
2. Большой психологический словарь. – 4-е изд., расшир. / сост. и общ. ред.: Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – Москва : АСТ : МОСКВА ; Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – 811 [5] с.
3. *Лоргус А., свящ.* Православная антропология / священник Андрей Лоргус // Правмир : сайт. – URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/307> (дата обращения: 12.06.2017).
4. *Никулина Е. Н.* Антрополого-педагогические воззрения святителя Феофана Затворника : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Никулина Елена Николаевна ; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – Москва, 2016. – 362 с.
5. *Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? : собр. писем / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2003. – 337 с.
6. *Феофан Затворник, свт.* Начертание христианского нравоучения / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры. – 2010. – 686 с.
7. *Ушинский, К. Д.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии / К. Д. Ушинский // Литература и жизнь : сайт. – URL: http://dugward.ru/library/pedagog/ushinskiy_chelovek1.html (дата обращения: 16.06.2020).
8. *Ушинский, К. Д.* Собрание сочинений. В 11 т. Т. 10. Материалы к 3-му тому «Педагогической антропологии» / К. Д. Ушинский ; сост. В. Я. Струминский. – Москва ; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1950. – 668 с.

UDC 37.013.2

ANTHROPOLOGICAL APPROACH OF SAINT THEOPHAN THE RECLUSE AND K. D. USHINSKY TO EDUCATION OF PEOPLE

Petr N. Evtikhiev

PhD in Pedagogy, Associate Professor

Head of the Church-Practical

Department

Tambov Theological Seminary

E-mail: petr.evtihiev@bk.ru

For citation: Evtikhiev P. N. Anthropological approach of Saint Theophan the Recluse and K. D. Ushinsky to education of people // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 145–156. (in Russian)

Abstract

The article evaluates two different anthropological approaches to education of people, which formed in their entirety in the second half of the 19th century. The founders were St. Theophan the Recluse and K. D. Ushinsky. These approaches noted strategic directions not only for the development of pedagogy as a science, but also a development of a whole range of human science.

Keywords: anthropology; pedagogical anthropology; Christian anthropology.

References

1. *Bim-Bad, B. M.* Pedagogicheskaya antropologiya [Pedagogical anthropology]. Moscow, University of the Academy of Education Publ., 1998, 576 p. (in Russian)

2. *Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P.* Bol'shoi psikhologicheskii slovar' [Unabridged Dictionary of Psychology]. Moscow, AST: MOSKVA Publ., Saint Petersburg, Praim-EVROZNAK Publ., 2009, 811 [5] p. (in Russian)

3. *Lorgus A., Priest.* Pravoslavnaya antropologiya [Orthodox anthropology]. Pravmir sait [Pravmir Website]. (in Russian).

Available at: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/307> (Accessed 12.06.2017)

4. *Nikulina, E. N.* Antropologo-pedagogicheskie vozzreniya svyatitelya Feofana Zatvornika. Diss. kand. ped. nauk [Anthropological and pedagogical views of St. Theophan the Recluse. Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 2016, 362 p. (in Russian)

5. *Saint Theophan the Recluse.* Chto est' duhovnaya zhizn' i kak na nee nastroit'sya? [What is spiritual life and how to be attuned to it?]. Moscow, Pravilo very Publ., 2003, 337 p. (in Russian)

6. *Saint Theophan the Recluse.* Nachertanie khristianskogo npravoucheniya [The outline of Christian morality]. Moscow, Pravilo very Publ., 2010, 686 p. (in Russian)

7. *Ushinsky, K. D.* Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoi antropologii [Man as a subject of education. Experience in pedagogical anthropology]. Literatura i zhizn' [Literature and Life]. (in Russian). Available at: http://dugward.ru/library/pedagog/ushisriy_chelovek2.html (Accessed 16.06.2020)

8. *Ushinsky, K. D.* Sobranie sochinenii. V 11 t. Materialy k 3-mu tomu "Pedagogicheskoi antropologii" [Collected Works. In 11 vols. Materials for the 3rd volume of "Pedagogical Anthropology"]. Moscow, Leningrad, Academy of Pedagogical Sciences of the Russian Soviet Federative Socialist Republic Publ., 1950, vol. 10, 668 p. (in Russian)

УДК 252.7

**ТЕМА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО
ВОСПИТАНИЯ В ПРОПОВЕДЯХ
ПРОТОИЕРЕЯ ИОАННА КОБЯКОВА,
КЛИРИКА ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Священник Вадим Валерьевич Марасов
магистрант Тамбовской духовной
семинарии, направление подготовки
«Теология», профиль «Русская
духовная словесность»
E-mail: 7407@mail.ru

Для цитирования: Марасов В. В., священник. Тема духовно-нравственного воспитания в проповедях протоиерея Иоанна Кобякова, клирика Тамбовской епархии конца XIX – начала XX веков // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 157–168.

Аннотация

Целью данной статьи является анализ педагогической составляющей гомилетического наследия протоиерея Иоанна Кобякова, клирика Тамбовской епархии конца XIX – начала XX века. Протоиерей Иоанн совмещал пастырское служение с преподавательской деятельностью. Литературные труды образцового пастыря и незаурядного оратора представляют интерес с исторической, педагогической и филологической точек зрения.

Ключевые слова: Тамбовская епархия; протоиерей Иоанн Кобяков; проповеди; духовно-нравственное воспитание; беседы.

Актуальность исследования жизни и трудов представителей духовенства Русской Православной Церкви не вызывает сомнения. В современной педагогике особую актуальность обретает проблема духовного и нравственного воспитания молодого поколения. В динамично меняющемся обществе педагог должен не только воспитать личность, которая будет обладать положительными ценностными ориентациями, такими, как патриотизм, активная

жизненная позиция, инициативность, уважение к старшим и любовь к детям, но и сформировать у ребенка мотивацию к духовному совершенствованию, преподать основы высоконравственной жизни, чтобы предостеречь его от возможных ошибок.

В связи с этим большой интерес вызывает исследование духовного подвига и религиозно-педагогического наследия известных подвижников Православной Церкви. В жизни русского народа их пастырско-воспитательное служение имело огромное значение. Приобретённый ими опыт духовной жизни, выраженный на страницах их трудов, дает нам ценнейший материал для нравственного развития личности и построения системы православного воспитания.

Святитель Феофан Затворник замечает, что задача воспитания заключается в том, чтобы указать сердцу ребенка предмет, достойный его любви. «Развитие в сердце деятельной любви к Богу и ко всему Божественному, священному – главная задача родителей» [12, с. 41]. «Любовь к Богу – это и заповедь, и «указание на естественную потребность неиспорченной природы человека. Дух Божественный, присущий естеству человеческому, естественно стремится к своему первоисточнику и в этом стремлении находит свое блаженство» [1, с. 327].

Протоиерей Иоанн Кобяков окончил Тамбовскую духовную семинарию в 1854 г. [2, с. 76] и прослужил в сане священника Тамбовской епархии более пятидесяти лет. Находился на должности учителя начальной школы, состоял законоучителем в Кадомском городском приходском училище и в монастырском женском училище. В дальнейшем совмещал служение в Александро-Невском храме при Губернской земской больнице г. Тамбова с преподаванием русского языка в фельдшерской школе г. Тамбова. Занимал должности члена Тамбовской духовной консистории, председателя Совета Тамбовского епархиального женского училища, члена Тамбовского епархиального училищного совета и председателя попечительства второго Тамбовского духовного училища. Неся послушание благочинного церквей г. Кирсанова, был членом Кирсановского уездного училищного совета и директором Тюремного комитета. Последние двадцать лет жизни он был настоятелем величественного Троицкого собора г. Моршанска – одного из самых больших храмов Тамбовской епархии. С 1910 г. протоиерею Иоанну Кобякову «было поручено Епархиальным начальством наблю-

дение за преподаванием Закона Божия в средних учебных заведениях и в высшем начальном училище г. Моршанска» [4, с. 771]. В это время ему приходилось часто выступать перед городской и сельской общественностью с беседами о воспитании детей в семье.

«Грустно видеть такое равнодушие к столь важному делу, как воспитание. И к чему поведет это? Застой, неразвитость, грубость, неподвижность, вот плоды невнимания к воспитанию, и плоды самые горькие для нас и для всего государства» [6, с. 40], – обращался к крестьянам отец Иоанн в одной из своих проповедей.

В день погребения протоиерея Иоанна Кобякова перед началом отпевания священник Александр Родников произнес слово, в котором отметил: «Мы вправе говорить о почившем и как о незаурядном педагоге, получившем основание своей деятельности у таких светильников разума, как Вышинский затворник Феофан, и, поучаясь сам, покойный протоиерей с удивительной энергией проводил заветы Христа в народ, насаждая их за всю свою долголетнюю службу в сердцах своих многочисленных учеников...» [4, с. 773]. Его служение и достигавшие глубины души проповеди всегда привлекали прихожан. Пастырская деятельность, проникнутая миролюбием, справедливостью, кротостью, смирением и отеческим вниманием ко всем, имела для многих руководственное значение в деле религиозно-нравственного воспитания. В этом отношении особенного внимания заслуживала его литературная деятельность, которая была известна всей нашей епархии с самого начала издания «Тамбовских епархиальных ведомостей».

В 1882 г. отец Иоанн провел цикл бесед с детьми о таинстве Литургии, которые в 1883 г. были опубликованы в Тамбовских Епархиальных Ведомостях под заголовком «Беседы с детьми о Божественной Литургии, протоиерея Иоанна Кобякова, 1882 года» [5, с. 65]. Они были переизданы в Тамбовской епархии в 2005 г. «Беседы эти в свое время писаны были автором для своих учеников, но теперь издаются им в свете в виде опыта и в чаянии того, что, быть может, некоторые родители и наставники найдут их полезными, и будут или сами прочитывать их детям (в отрывках, или в целом составе, соотнося при этом их возраст и степень развития), или же дадут их в руки им самим, чтобы они, через чтение их, самостоятельно достигали понимания богослужения и нравственно-религиозного образования» [10, с. 6].

Помимо этих бесед, протоиерей Иоанн Кобяков посвящал теме воспитания детей в семье и целые циклы проповедей, где содержание последующей продолжало мысль, начатую в предыдущей. В одной из его проповедей выражена ключевая мысль о важности воцерковления детей: «Кто приучил своих детей к Церкви Божией, тот поставил их нравственное воспитание на прочное основание, то есть сделал для них то, что нужно им для жизни временной и вечной, хотя бы ничему больше и не научил. Ведь когда человек помнит Бога, он знает свое место на земле – будь он начальник, будь воин или простой труженик. В любом положении он должен служить людям с любовью. Закон Божий обязывает всякого человека помнить, зачем он живет и какова цель его жизни, ибо за каждое дело он даст ответ Богу. А когда человек помнит это, он, несомненно, является тем светом, о котором говорил Христос...» [13, с. 559].

В проповедях пастырь указывал на исполнение заповедей Божиих. «Если человек не благочестив, он не исполнитель учения Христова, – вразумлял он слушателей. – А ведь это учение исходит от Бога Отца, его сообщил людям Сам Христос, следовательно, учение Христово верно и свято. Господь зовет и нас к святости, призывая: «Будьте святы, ибо Я свят» (Лев. 11, 44). Для воспитания благочестия у детей надо молитвенно обращаться за помощью к Богу, взывая к Нему: «Жаждающие души наши благочестия напой водами...» [6, с. 53].

Говоря о благочестивом воспитании подрастающего поколения, отец Иоанн подчеркивал необходимость этого качества и в самих родителях, так как дети следуют примеру, который постоянно видят перед собой. «Само собой понятно, что умные и благочестивые дети – это дар Божий, но, чтобы этот дар был нашим достоянием, это во многом зависит и от нас» [6, с. 51], – заключал пастырь свое слово о воспитании.

Духовно-нравственное воспитание детей отец Иоанн считал одной из важнейших задач своего времени, вопросом, от верного решения которого в целом зависит благо всего общества и Российского государства. В «Беседе первой с крестьянами о воспитании» пастырь говорил: «...Подумайте о благе того общества, среди которого живете, и о благе всего нашего Отечества: не наведет ли эта дума на новые побуждения в воспитании детей? Благо целого общества, а равно и всего государства, должно быть так же близко

вашему сердцу, как и свое собственное благополучие. Это необходимо. Иначе немислимо благоденствие. А думали ли вы о том, что невоспитание детей приносит существенный вред как обществу, среди которого живете, так и всему государству русскому?» [6, с. 43].

Протоиерей Иоанн Кобяков, несомненно, и сам являлся достойным сыном Церкви и патриотом Российского государства, о чем свидетельствует его гомилетическое наследие. В одной из его проповедей под заголовком «Современное положение и ближайшая будущность человечества и природы вообще, России и ее природы – в частности» не только прослеживается глубина познаний о предмете речи, но и ощущается высокое патриотическое чувство: «Страна наша особая, стоящая между молотом Европы и наковальной Азии, долженствующая так или иначе их примирить. В России ежегодно прибывает не менее двух миллионов жителей, то есть в каждую минуту дня и ночи общее число рождающихся в России превышает число умерших на четыре человека. Такого большого прироста населения, какой отмечен в 1897 году в России, ни для одной другой страны до сих пор неизвестно. У России так много берегов Ледовитого океана, что нашу страну справедливо считают лежащей на берегу этого океана» [12, с. 1536].

Говоря о важности религиозно-нравственного воспитания, протоиерей Иоанн Кобяков хорошо осознавал, какое значение в этом деле имеет молитвенный труд и воспитателей, и воспитуемых. Ведь и земледелец не бросает своих семян в твердую почву, а предварительно распахивает ее, делает рыхлой. Так, по его мнению, и духовно-нравственное развитие должно осуществляться в христиане при посредстве молитвы. Проповедуя, отец Иоанн доносил до слушателей духовный опыт святых отцов и учителей Церкви. Важная цель проповедей протоиерея Иоанна заключалась в том, чтобы донести до паствы слово Божие и на его основе научить людей праведной жизни, объяснить значение молитвы в духовной жизни христианина.

«Кто умеет молиться, тот уже спасается, – говорил святитель Феофан Затворник. – Молитва есть наука из наук. Она все: вера, благочестие, спасение.» [15, с. 98]. Молитва составляет одно из могущественных средств в нравственном росте, ибо она сама по себе есть стремление к тому, чтобы угодить Господу, стать чистым, непорочным, совершенным, то есть она обладает воспитательным

потенциалом. В третьей «Беседе к крестьянам о воспитании» отец Иоанн советует родителям: «Старайтесь с самых ранних лет развивать умственные способности детей, а для этого, как только они начнут понимать, старайтесь сообщать им необходимые познания о Боге, о душе, о мире, о вещах, с которыми вы обращаетесь, о занятиях, которые составляют необходимое условие вашего существования, чаще беседуйте с ними; объясняйте им то, чего они не понимают; приучайте их мыслить, рассуждать и наблюдайте, чтобы они отчетливо выражали свои мысли и суждения; требуйте от них объяснений, – почему они сделали известное дело так, а не иначе, – на каком основании, говоря об известном предмете, употребляли то, а не другое выражение; если заметите какие либо недостатки, то терпеливо исправляйте их» [6, с. 51–52]. Из слов пастыря видно, как искренне он заботился о надлежащем воспитании детей в семье, давал практические советы родителям. Воспитывать ребенка – значит любить его. Заповедь о любви к Богу и ближним воплощается в первую очередь в семье. Протоиерей Иоанн подчеркивал, что Господь спросит с нас в первую очередь о том, как мы заботились о своей семье, вверенных нам детях, как воспитали их. В четвертой беседе названного цикла отец Иоанн говорил: «Советую вам, отцы и матери, и прошу вас обратить особенное внимание на религиозное воспитание детей своих: воспитывайте их, по слову апостола «в наказании и учении Господни» (Еф. 6, 4)» [6, с. 55]. Отец Иоанн, как бы заранее предвидя вопросы слушателей, сразу давал и ответ. «Как же воспитывать детей? Как достигнуть того, чтоб дети были нравственны и религиозны? – Спрашивает пастырь и отвечает: Этого можно достигнуть двояким образом: 1) делом, или иначе сказать, примером и 2) словом. Пример – это для детей вторая книга. Разница только в том, что книг многие дети читать не умеют, – следовательно, не могут воспользоваться и наставлениями, заключающимися в них; а примером могут пользоваться все. У детей есть особенная способность подражать старшим: что делают старшие, то стараются делать и дети. Поэтому, чтоб дети были нравственны и религиозны, необходимо <...> самим родителям быть нравственными и религиозными. На осине не растет виноград; на березе также. В гнилом колодезе и вода бывает гнилая. Так не удивительно, если у безнравственных и не набожных родителей и дети бывают по виду их» [6, с. 55]. «Но одно-

го примера для данной цели недостаточно: здесь необходимо еще слово, учение, или, иначе сказать, наставление, приказание. Если не будете учить детей добру, не будете удерживать их от зла, то и добрый пример не будет иметь своих благотворительных последствий. И прежде всего учите детей молиться Богу: настоятельно требуйте от них, чтобы каждое утро они встречали молитвой...» [6, с. 56]. Протоиерей Иоанн Кобяков, предусматривая все недоумения и трудности, связанные с пониманием материала, использовал жанр беседы, так как вопросно-ответная форма способствует лучшему усвоению темы проповеди. Такая форма является в данном случае одним из средств поддержания внимания слушателей.

Чтобы глубже раскрыть тему нравственного воспитания, протоиерей Иоанн Кобяков составил десять «Катехизических бесед на молитву Господню». В них подчеркивается, что каждое прошение этой молитвы содержит в себе глубокую Божию премудрость. Кроме того, сами прошения тесно связаны между собой: ни одно из них не может быть изъято без нарушения гармонии молитвы. Проповедник последовательно раскрывает в каждой из бесед смысл прошений, делая соответствующее нравственное приложение.

План бесед был избран отцом Иоанном по совету одного из архипастырей, который сказал ему: «Хорошо бы написать на Молитву Господню Катехизические беседы такого рода: в первой части каждой из этих бесед выяснить смысл взятых в основание беседы слов молитвы, а во второй – указать условия или обязанности, которые мы должны соблюдать, чтобы те, или другие слова молитвы, произносимые нами, были благоприятны Богу; молитву не надо отделять от дела, пусть молитва будет в устах, а дело в руках» [11, с. 1]. Автор же старался выполнить наставления архипастыря.

Из всех бесед отца Иоанна Кобякова на молитву «Отче наш» приведем лишь отрывок из нравственного приложения к этому прошению «Да будет, Господи, воля Твоя...»: «Надо молиться о том, чтобы всё происходило так, как угодно Богу. Бог безгрешен – свят (Ис. 6, 3) и преблаг (Марк. 10, 18); воля Его есть такое свойство, по которому Он хочет людям одного лишь добра – чтобы все люди спаслись и достигли познания истины (I Тим. 2, 4)» [11, с. 25]. «Так, например, Савл – один из гонителей христиан, непременно погиб бы и сделался жертвой ада за свою злобу и ненависть к христианам. Но Господь распорядился по Своему: из Савла сделал

апостола Павла. Так надо желать, чтобы Господь распоряжался и нами, о чем и должны мы умолять Его в словах – Да будет воля Твоя» [11, с. 26].

На основании слов, бесед и поучений протоиерея Иоанна Кобякова о духовно-нравственном воспитании можно сделать следующий вывод: духовность человека связана с нравственностью и находится от нее в зависимости. Духовно-нравственное состояние является исключительным свойством человека: в нем начало вечной жизни. Тело умрет, до воскресения (общего) уничтожится, а душа останется жить в вечности. Человек, живущий на земле, должен подчиниться духовно-нравственному закону, для того чтобы после перехода из жизни временной в вечную быть с ангелами, а не с демонами. Земная жизнь – это воспитательный срок: что здесь, на земле, приобретем, то и будет нашим достоянием в вечности. Здесь на земле мы имеем еще возможность исправить к лучшему свою жизнь и измениться, а там такой возможности у нас уже не будет. Поэтому жить на земле надо в добре, по закону Божию, дорожа временем; надо готовить себя к вечному Царству и именно на это тратить свои силы, этому посвящать всю свою земную жизнь. К этому и призывает в своих гомилетических трудах протоиерей Иоанн Кобяков.

Список литературы

1. *Базаров И., прот.* Христианская нравственность / протоиерей И. Базаров // Странник. – Санкт-Петербург, 1878. – Август. – С. 187–195.

2. ГАТО. Ф. 186. Оп. 60. Д. 34. Л. 76.

3. *Зеленев М., свящ.* Поучение о воспитании детей / священник Михаил Зеленев // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 2. – С. 62–65.

4. *Золотницкий В., свящ.* Протоиерей Иоанн Никитич Кобяков / священник В. Золотницкий // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1915. – № 30. – С. 771.

5. *Кобяков И., прот.* Беседы с детьми о Божественной литургии протоиерея Иоанна Кобякова, 1882 года // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 2. – С. 65–80.

6. *Кобяков Иоанн, прот.* Беседы к крестьянам о воспитании / протоиерей Иоанн Кобяков // Собрание слов, бесед и речей свя-

щенника города Кадома Иоанна Кобякова. – Санкт-Петербург : Тип. духов. журн. «Странник». – 1871. – С. 40–57.

7. [*Кобяков Иоанн, прот.*]. Беседы с детьми о Божественной литургии / протоиерей Иоанн Кобяков // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 9. – С. 316–321.

8. [*Кобяков Иоанн, прот.*]. Беседы с детьми о Божественной литургии / протоиерей Иоанн Кобяков // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 10. – С. 345–351.

9. *Кобяков Иоанн, прот.* Беседы с детьми о Божественной литургии / протоиерей Иоанн Кобяков // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 12. – С. 397–406.

10. *Кобяков И., прот.* Беседы с детьми о Божественной литургии протоиерея Иоанна Кобякова. – Тамбов : Пролетар. светоч. – 2005. – 112 с.

11. *Кобяков И., прот.* Катехизические беседы на молитву Господню / протоиерей Иоанн Кобяков Санкт-Петербург. – 1874. – 62 с.

12. *Кобяков И., прот.* Современное положение и ближайшая будущность человечества и природы вообще, России и ее природы, в частности / протоиерей Иоанн Кобяков // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1908. – № 34. – С. 1536.

13. *Путятин Р., прот.* Полное собрание поучений Рыбинского собора протоиерея Родиона Путятина. – Санкт-Петербург : Кораблев и Сиряков, 1872. – 805 с.

14. *Феофан Затворник, свт.* Путь ко спасению / святитель Феофан Затворник. – Москва : Срет. ставропиг. муж. монастырь, 2019. – 464 с.

15. *Феофан Затворник, свт.* Как научиться молиться / святитель Феофан Затворник. – Москва : Отчий дом, 2011. – 160 с.

UDC 252.7

**THE SUBJECT OF SPIRITUAL AND
MORAL EDUCATION IN THE SERMONS
OF ARCHPRIEST IOANN KOPYAKOV,
CLERIC OF THE TAMBOV DIOCESE
OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH
CENTURIES**

Vadim V. Marasov, priest
Master's Degree Student
Majoring in Russian Spiritual Literature
Tambov Theological Seminary
E-mail: 7407@mail.ru

For citation: Marasov V. V., priest. The subject of spiritual and moral education in the sermons of archpriest Ioann Kobyakov, cleric of the Tambov diocese of the late 19th – early 20th centuries // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 157–168. (in Russian)

Abstract

The purpose of this article is to analyze a pedagogical component of the homiletic heritage of Archpriest Ioann Kobyakov, cleric of the Tambov Diocese of the late 19th and early 20th centuries. Archpriest Ioann served in many parishes of the diocese and combined pastoral ministry with teaching activities. Archpriest Ioann Kobyakov was an outstanding speaker and exemplary shepherd. His literary activities deserve special attention.

Keywords: Tambov Diocese; archpriest Ioann Kobyakov; sermons; spiritual and moral education; conversations.

References

1. *Bazarov I., Archpriest. Hristianskaya npravstvennost'* [Christian morality]. St. Petersburg, Strannik, Avgust Publ., 1878, pp. 187–195. (in Russian)
2. GATO. F.186 Op. 60 D.34 L. 76 [The State Archive of Tambov Region. Fund 186. Series 60. File 34. Sheet 76]. (in Russian)

3. *Zelenev M., Priest.* Pouchenie o vospitanii detei [Lecturing on upbringing children]. Tambovskie eparhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Journal], 1883, no. 2, pp. 62–65. (in Russian)

4. *Zolotnitskii V., Priest.* Protoierei Ioann Nikitich Kobyakov [Archpriest Ioann Nikitich Kobyakov]. Tambovskie eparhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Journal], 1915, no. 30, p. 771. (in Russian)

5. *Kobyakov I., Archpriest.* Besedy s det'mi o Bozhestvennoi liturgii, protoiereya Ioanna Kobyakova, 1882 goda [Conversations with children about the Divine Liturgy of Archpriest Ioann Kobyakov, 1882]. Tambovskie eparhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Journal], 1883, no. 2, pp. 65–80. (in Russian)

6. *Kobyakov Ioann, Archpriest.* Besedy k krest'yanam o vospitanii [Conversations to peasants about education]. Slova, besedy i rechi na raznye sluchai [Addresses, Conversations and Speeches for Different Occasions]. St. Petersburg, Strannik Publ., 1871, 104 p. (in Russian)

7. Besedy s det'mi o Bozhestvennoi liturgii [Conversations with children about the Divine Liturgy]. Tambovskie eparhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Journal], 1883, no. 9, pp. 316–321. (in Russian)

8. *Kobyakov Ioann, Archpriest.* Besedy s det'mi o Bozhestvennoi liturgii [Conversations with children about the Divine Liturgy]. Tambovskie eparhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Journal], 1883, no. 10, pp. 345–351. (in Russian)

9. *Kobyakov Ioann, Archpriest.* Besedy s det'mi o Bozhestvennoi liturgii [Conversations with children about the Divine Liturgy]. Tambovskie eparhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Journal], 1883, no. 12, pp. 397–406. (in Russian)

10. *Kobyakov Ioann, Archpriest.* Besedy s det'mi o Bozhestvennoi liturgii protoiereya Ioanna Kobyakova [Conversations with children about the Divine Liturgy conducted by Archpriest Ioann Kobyakov]. Tambov, 2005, 112 p. (in Russian)

11. *Kobyakov Ioann, Archpriest.* Katekhizicheskie besedy na molitvu Gospodnyu [Catechetical conversations for the Lord's Prayer]. St. Petersburg, 1874, 62 p. (in Russian)

12. *Kobyakov Ioann, Archpriest.* Sovremennoe polozhenie i blizhaishaya budushchnost' chelovechestva i prirody voobshche, Rossii i ee prirody, v chastnosti [The current situation and the

immediate future of mankind and nature in general, Russia and its nature, in particular]. Tambovskie eparhial'nye vedomosti [Tambov Diocese Journal], 1908, no. 34, p. 1536. (in Russian)

13. *Putyatin R., Archpriest*. Polnoe sobranie pouchenii Rybinskogo sobora protoiereya Rodiona Putyatina [Complete collection of the teachings of the Rybinsk Cathedral of Archpriest Rodion Putyatin]. St. Petersburg, Korablev and Siryakov Publ., 1872, 805 p. (in Russian)

14. *Saint Theophan the Recluse*. Put' ko spaseniyu [The path to salvation]. Moscow, Sretensky Stauropegion Monastery Publ., 2019, 464 p. (in Russian)

15. *Saint Theophan the Recluse*. Kak nauchit'sya molit'sya [A prayer rule]. Moscow, Otchii dom Publ., 2011, 160 p. (in Russian)

УДК 614.253.1/.4:[179.7+616-036.88]:2-184.3

ОТНОШЕНИЕ ВРАЧЕЙ И СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ К СМЕРТИ И ЭВТАНАЗИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ И СТЕПЕНИ ВОЦЕРКОВЛЕННОСТИ

Бондаренко Василий Николаевич
Магистрант Свято-Тихоновского
гуманитарного университета,
направление подготовки 48.04.01
«Теология», магистерская программа
«Православное богословие и философия
в современном дискурсе»
E-mail: basyleus@rambler.ru

Для цитирования: Бондаренко В. Н. Отношение врачей и студентов-медиков к смерти и эвтаназии в зависимости от их религиозных взглядов и степени воцерковленности // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 168–180.

Аннотация

В статье на основании данных анкетирования проанализировано отношение к смерти и проблеме эвтаназии у 120 студентов-медиков и практикующих врачей. Установлен факт практически полной невоцерковленности среди опрошенных респондентов. Это способствует формированию секулярного отношения к эвтаназии, ее положительному восприятию, вплоть до готовности ассистировать при ее выполнении. Таким образом, обосновывается необходимость преподавания курсов биомедицинской этики и паллиативной медицины в православной традиции.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; смерть; эвтаназия; биомедицинская этика.

Человек сотворен Богом, поэтому Один только Бог является Владыкой жизни и смерти. Не человек выбирает, когда ему родиться, и не он должен определять время своего ухода из жизни. Любые формы эвтаназии однозначно осуждаются Церковью как варианты убийства и самоубийства. «...Эвтаназия является формой убийства или самоубийства, в зависимости от того, принимает ли в ней участие пациент. В последнем случае к эвтаназии применимы соответствующие канонические правила, согласно которым намеренное самоубийство, как и оказание помощи в его совершении, расцениваются как тяжкий грех», – говорится в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» [6, с. 100]. Попытки оправдания эвтаназии со стороны ее сторонников тем фактом, что она является актом милосердия по отношению к страдающему человеку, не соответствуют христианскому пониманию страданий и являются отрицанием Божественных установлений «Не убий» (Исх. 20, 13) и «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 39).

Медицинские работники в силу своей профессии чаще всего сталкиваются со страдающими и умирающими пациентами, которые могут просить медика ускорить их уход из жизни. Целью данной работы явилось изучение отношения студентов-медиков и практикующих врачей к смерти и эвтаназии в зависимости от их религиозных взглядов и степени воцерковленности.

Проведено интервьюирование 120 респондентов. Группу 1 составили 40 студентов 1-го курса медицинского университета. Из

них: мужчин – 14 чел. – 25,0 %, женщин – 26 чел. – 65,0 %; средний возраст обследуемых – $17,5 \pm 0,6$ лет. Группу 2 составили 40 студентов 6-го курса. Из них: мужчин – 7 чел. – 17,5 %, женщин – 33 чел. – 82,5 %; средний возраст – $22,4 \pm 0,9$ лет. Группа 3 образована 40 практикующими врачами общей практики. Из них: мужчин – 1 чел. – 2,5 %, женщин – 39 чел. – 97,5 %; средний возраст респондентов – $41,9 \pm 11,1$ лет. Полученные данные представлены с использованием методов описательной статистики, статистическая значимость различий рассчитана с помощью критерия χ^2 ($p < 0,05$).

На первом этапе был проанализирован уровень воцерковленности участников исследования. Данные анкетирования представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Воцерковленность студентов-медиков и врачей

	Группа 1 n=40	Группа 2 n=40	Группа 3 n=40
Православное вероисповедание n (%)	28 (70,0 %)	28 (70,0 %)	36 (90,0 %)
Регулярное посещение богослужений (чаще 1 раза в месяц) n (%)	3 (7,5 %)	3 (7,5 %)	1 (2,5 %)
Регулярное участие в Таинствах (чаще 1 раза в месяц) n (%)	1 (2,5 %)	3 (7,5 %)	0
Когда-либо читали Св. Писание n (%)	2 (5,0 %)	3 (7,5 %)	4 (10,0 %)
Знание молитв n (%)	20 (50,0 %)	26 (65,0 %)	28 (70,0 %)
Соблюдение Поста n (%)	6 (15,0 %)	7 (17,5 %)	9 (22,5 %)

Из таблицы 1 видно, что в группах 1 и 2 Православие исповедует 70,0 % человек, в группе 3 – 90,0 %. Однако регулярное участие в таинствах в группах 1 и 2 отмечают всего 7,5% опрошенных, а среди практикующих врачей – 0 %.

Соответственно, не принадлежали ни к какой христианской конфессии в группе 1 – 9 (22,5 %), в группе 2 – 8 (20,0 %), в группе 3 – 3 (7,7 %) человек. Никогда не присутствовали на богослужениях в группе 1 – 29 (72,5 %), группе 2 – 25 (62,5 %), группе 3 – 21

(52,5 %) респондентов. Никогда не причащались 27 (67,5 %) человек из группы 1, 22 (55,0 %) и 27 (67,5 %) – из групп 2 и 3 соответственно.

Таким образом, в изучаемых группах можно говорить лишь о формальной принадлежности респондентов к Православию. Особенно тревожен факт полной невоцерковленности в среде практикующих врачей, где ни один человек не участвует в таинствах Церкви.

Для понимания мотивов, формирующих определенную позицию по отношению к эвтаназии среди медицинских работников, важное значение имеет изучение отношения к смерти у студентов-медиков и практикующих врачей. С этой целью респонденты были проинтервьюированы с помощью опросника «Отношение к смерти» (Death Attitude Profile Revised – DAP-R) [5, с. 46–57], который составлен на основе работ В. Франкла, Э. Эриксона и И. Ялома. Теоретической основой опросника является положение экзистенциальной психологии о том, что базисная мотивация личности направлена на поиск смысла жизни и что страх смерти проистекает от неудач в этом поиске. Авторы также опираются на положение о связи принятия индивидуумом своей смертности и его самоактуализации (А. Маслоу, Р. Мэй, Дж. Бьюженталь) и эгоинтегрированности (Э. Эриксон). Они приходят к выводу о том, что страх смерти тесно связан с ее принятием и они сосуществуют вместе в «нелегком перемирии». В частности, исследователи убеждены: даже если индивид когнитивно принимает неизбежность и даже «благость» своей смертности, он не будет свободен от беспокойства по этому поводу. И какой бы страшной ни казалась человеку его смерть, каждый так или иначе должен научиться принимать ее тем или иным образом.

Интерпретация опросника DAP-R включает в себя 5 шкал: «страх смерти» (Fear of Death), «избегание темы смерти» (Death Avoidance), «нейтральное принятие» (Neutral Acceptance), «приближающее принятие» (Approach Acceptance), «избавляющее принятие» (Escape Acceptance). Опросник состоит из 32 пунктов, в нем по 6-балльной шкале Лайкерта оцениваются утверждения, касающиеся разных вариантов отношения к смерти: от «совершенно не согласен с данным утверждением» до «полностью согласен». Примеры утверждений: «Смерть, вне сомнения, мрачный

опыт» (шкала «Страх смерти»); «Я любой ценой стараюсь избегать мыслей о смерти» (шкала «Избегание смерти»); «Я верю, что после смерти попаду в рай» («Принятие-приближение смерти»); «Смерть следует рассматривать как естественное, непреложное и неотвратимое событие» («Нейтральное принятие смерти»); «Смерть дает избавление от этого страшного мира» («Принятие смерти как бегства»). Таким образом, опросник исследует взгляды на смерть: принимает анкетированный ее, избегает или боится.

Наиболее адаптивным считается нейтральное принятие, убеждение в том, что смерть является неотъемлемой частью жизни и ее необходимо принимать как неизбежный факт.

Шкалы «Страх смерти» и «Избегание темы смерти» выражают позицию отрицательного отношения к смерти. Человек переживает негативные чувства при встрече с фактом смерти и, испытывая выраженную тревогу, старается не касаться этой стороны, избегая разговоров и мыслей о ней.

Шкалы «Приближающее и избавляющее принятие» объединены в кластер позитивного принятия смерти. «Приближающее принятие» заключается в вере, что смерть не является конечным этапом, это переход в «послежизнь» в той форме, как ее понимает респондент. Можно предполагать, что эта шкала напрямую связана с религиозной верой человека [2, с. 101–111]. Однако можно прогнозировать наличие корреляции между данной шкалой и высоким уровнем страха смерти в силу того, что верующие могут испытывать страх перед будущим Страшным Судом у Господа, возможностью попасть в ад, либо в силу неискупленных грехов [8, с. 49–58].

И, наконец, «избавляющее принятие» состоит в убеждении, что смерть предлагает освобождение от страданий, физической или душевной боли. Для данной шкалы характерно ожидание смерти как желанной альтернативы. В нашем исследовании эта шкала представляет наибольший интерес, так как высокий уровень согласия по данной шкале связан с принятием респондентом активной эвтаназии как «благого средства».

Высокий уровень согласия по одной шкале не означает низких уровней по остальным. Большинство исследуемых проявляют амбивалентные отношения к смерти, например страх и приближающее принятие [3, с. 7].

Исследование отношения респондентов к смерти показало, что у медиков формируется особый паттерн отношения к смерти, в котором уменьшается удельный вес исследуемых с нейтральным отношением к смерти и увеличивается – с ее отвержением либо принятием. В таблице 2 приведены данные удельного веса ответов респондентов с высоким уровнем согласия по шкалам опросника «Отношение к смерти».

Таблица 2.

**Удельный вес ответов с высоким уровнем согласия
по шкалам опросника DAP-R**

Шкала, число ответов, n	Группа 1 (n=40), n (%)	Группа 2 (n=40), n (%)	Группа 3 (n=40), n (%)	χ^2 ; p
Страх смерти, n=280	78 (27,8 %)	67 (23,9 %)	67 (23,9 %)	1,1; p=0,3
Избегание темы смерти, n=200	136 (32,0 %)*	54 (27,0 %)**	97 (48,5 %)	*11,32; **19,67; p<0,001
Нейтральное принятие смерти, n=200	123 (61,5 %)*	124 (62,0 %)**	82 (41,0 %)	*16,9 **17,7 p<0,001
Приближающее принятие смерти, n=400	77 (19,3 %)*	72 (18,0 %)**	108 (27,0 %)	*6,8; p=0,01 ** 9,3; p=0,003
Избавляющее принятие смерти, n=200	17 (8,5 %)*	12 (6,0 %)**	24 (12,0 %)	*1,3; p=0,2 **4,4; p=0,03

* – статистическая значимость различий между группами 1 и 3;

** – статистическая значимость различий между группами 2 и 3.

Мы видим, что высокий уровень согласия со шкалой «Страх смерти» отмечен у 1/5 респондентов, причем с накоплением профессионального опыта он незначительно снижается (p=0,3). Однако в шкале «Избегание темы смерти» отмечается достоверно значимый рост уровня согласия – 27,0 % у студентов-выпускников и 47,5 % у практикующих врачей (p=0,0001). В одном из исследований это связывалось с формированием «синдрома эмоционального

выгорания» у части медработников [4, с. 74–77]. В другом аналогичном исследовании авторы, наоборот, делают вывод о формировании психологической устойчивости и потере интереса к теме смерти [1, с. 97–104]. Поэтому возможно формирование обоих вариантов «забвения» проблемы смерти в сторону либо адаптации, либо психологического срыва. В нашем исследовании уровень страха смерти остается стабильным (23,9 % в группах 2 и 3), но значимое увеличение удельного веса выбора избегания смерти у врачей-практиков может указывать на «синдром профессионального выгорания» в данной группе.

Неоднозначным является факт снижения удельного веса «нейтрального принятия» смерти у врачей (41,0 %) по отношению к студентам-медикам (62,0 %; $p=0,000$). Нейтральное принятие смерти в исследованиях рассматривается как константа, которая держится примерно на одном уровне у студентов разных специальностей [7, с. 139–152]. Однако нет исследований, подтверждающих изменение этого показателя в течение жизни под влиянием определенной профессии. Мы видим, что у врачей вынужденно формируется личностное отношение к смерти в силу постоянного соприкосновения с этой сферой, которая либо положительно принимается, либо отвергается и подавляется.

Касательно кластера позитивного принятия смерти мы также видим значимое различие отношения к ней между студентами-медиками и практикующими врачами. Так, достоверно возрастает удельный вес высокого уровня согласия по шкале «Приближающее принятие смерти» у практикующих врачей (27,0 %) по сравнению со студентами-медиками (19,3 и 18,0 % соответственно у студентов 1-го и 6-го курсов). Можно сделать вывод, что у врачей-практиков формируется вера в то, что смерть является лишь «переходом в послежизнь». Но, учитывая полную невоцерковленность исследуемой выборки, можно говорить о том, что данная вера не связана с православным мировоззрением.

Это подтверждают данные, полученные по шкале «Избавляющее принятие смерти». В группе врачей высокий уровень согласия по данной шкале составил 12,0 % против 8,5 и 6,0 % у студентов 1 и 6 курсов. Это очень тревожная тенденция, так как эта шкала связана с принятием и согласием на ассистирование при активной эвтаназии. Отсутствие глубокой веры с высокими показателями

«приближающего и избавляющего принятия смерти» у врачей может привести к их согласию с возможностью легализации эвтаназии в нашей стране.

На третьем этапе было изучено собственно отношение к эвтаназии. Полученные данные сравнивались между студентами 1-го, 6-го курсов и практикующими врачами.

На вопрос «Знаете ли Вы, что такое эвтаназия?» лишь 5 (12,5 %) человек в группе 1 ответили, что это действия врача по ускорению смерти, в группе 2 так считает 7 человек (17,5 %), в группе 3 – 24 (60,0 %) респондента. В чем отличие активной эвтаназии от пассивной, знали 11 (27,5 %) студентов из группы 1 и 25 (62,5 %) из группы 2, среди практикующих врачей имели знания лишь 9 (22,5 %) человек, что достоверно ниже ($\chi^2 13,1$; $p < 0,001$). Согласны с мнением, что активная эвтаназия гуманнее, чем пассивная, по 21 (52,5 %) человеку из групп 1 и 2, в группе 3 – 11 (27,5 %) человек. Таким образом, как студенты-медики, так и врачи-практики не имеют четких знаний по проблеме эвтаназии.

Изучено отношение анкетированных к вопросу о возможности самому человеку принимать решение относительно своей жизни. Так, в группе 1 33 (82,5 %) человека согласны с этим правом, в группе 2 – 19 (47,5 %) человек, в группе 3 – всего 3 (7,5 %) человек, что достоверно меньше ($p < 0,001$). Аналогично, на вопрос «Если больной просит врача применить эвтаназию, кто должен принимать решение?» большинство респондентов группы 1 – 14 чел. (35,0 %) – считает, что только сам пациент, в группе 2 этого мнения придерживается 21 (52,5 %) человек, в группе 3 – 9 (22,5 %) опрошенных ($\chi^2 7,7$; $p = 0,006$). Только по 5 (12,5 %) человек из групп 1 и 2 считало, что никто не вправе принимать такое решение, в группе 3 с этим мнением согласны 11 (27,5 %) человек ($p = 0,09$). На вопрос относительно права родственников принимать решение об эвтаназии пациента, находящегося без сознания, положительно ответили 13 (32,5 %) респондентов группы 1, 20 (50,0 %) человек из группы 2 и 9 (22,5 %) респондентов из группы 3 ($\chi^2 6,5$; $p = 0,01$). В то же время на вопрос «Может ли легализация эвтаназии привести к криминализации медицины?» положительно ответили 17 (42,5 %) человек из группы 1, 12 (30,0 %) и 11 (27,5 %) человек из групп 2 и 3 соответственно. Мы видим, что студенты-медики достоверно чаще ориентируются на принцип автономии личности, в

том числе в решении относительно своей жизни; лишь 12,5 % считают, что человек не имеет права распоряжаться жизнью.

На вопросы анкеты, касающиеся отношения к эвтаназии как допустимой процедуре даже в отношении близких людей и себя и возможности ее легализации, получены следующие данные (таблица 3).

Таблица 3.

Согласие респондентов с допустимостью и возможностью легализации эвтаназии (Э.)

Вопросы анкеты	Группа 1 (n=40), n (%)	Группа 2 (n=40), n (%)	Группа 3 (n=40), n (%)	χ^2 ; p
Э. есть забота об умирающих	2 (5,0 %)	5 (12,5 %)*	1 (2,5 %)	p=0,09
Э. – акт милосердия	11 (27,5 %)	30 (75,0 %)*	9 (22,5 %)	χ^2 22,1; p<0,001
Могли бы Вы согласиться на Э. для себя?	15 (37,5 %)	33 (82,5 %)*	7 (17,5 %)	χ^2 33,8; p<0,001
Могли бы Вы дать согласие на Э. для своих близких?	10 (25,0 %)	25 (62,5 %)*	6 (15,0 %)	χ^2 19,0; p<0,001
Выступили бы Вы за легализацию Э.?	19 (47,5 %)	26 (65,0 %)*	15 (37,5 %)	χ^2 6,1; p=0,014
Как Вы считаете, должно ли узаконить общество Э.?	15 (37,5 %)	32 (80,0 %)*	16 (40,0 %)	χ^2 13,3; p<0,001
Как Вы считаете, Э. допустима?	20 (50,0 %)	38 (95,0 %)*	16 (40,0 %)	χ^2 27,6; p<0,001

* – статистическая значимость различий между группами 2 и 3.

Из данных таблицы можно сделать вывод, что наиболее неблагоприятной группой в отношении принятия эвтаназии являются выпускники медицинского университета. Так, 75,0 % респондентов считает эвтаназию актом милосердия, 80,0 % согласны на ее законную легализацию, 82,5 % готовы воспользоваться правом эвтаназии в отношении себя, 62,5 % готовы дать согласие на эвта-

назию для родственников, а 52,5 % могли бы ее выполнить самостоятельно по отношению к близким. В данной группе 28 (70,0 %) респондентов допустимость эвтаназии оправдывают тем, что она прекращает невыносимые страдания, 8 (20,0 %) считают, что человек вправе сам распоряжаться своей жизнью, и 2 человека отметили, что это желание больного не быть в тягость своим родственникам. Только 6 (15,0 %) человек в группе 2 считают эвтаназию грехом убийства.

На основании проведенного исследования можно сделать выводы о том, что студенты-медики и практикующие врачи представляют группы высокого риска принятия допустимости эвтаназии и возможности ее легализации.

Во всех изучаемых группах отсутствует четкое представление об эвтаназии и ее негативных последствиях для человека, его близких и общества в целом. Особое беспокойство вызывают выпускники медицинского университета, подавляющее большинство которых не только допускают возможность применения эвтаназии, но в половине случаев готовы ассистировать при выполнении этой процедуры даже в отношении близких людей и себя.

В группе практикующих врачей, при собственной невоцерковленности и отсутствии православного отношения к пациенту и врачебной практике в целом, стихийно формируется высокий уровень согласия по шкалам «Приближающее и избавляющее принятие» смерти, что также может привести не только к согласию с возможностью легализации эвтаназии в нашей стране, но и к злоупотреблениям при оказании помощи умирающим пациентам.

Таким образом, мы видим несомненную актуальность формирования православного отношения студентов-медиков и врачей к биоэтическим аспектам эвтаназии, умирания и смерти, что требует включения в курсы биомедицинской этики и паллиативной медицины данных разделов, разработанных с точки зрения Православной Церкви.

Список литературы

1. *Dunn R. S., Otten C., Stevens E.* Nursing experience and the care of dying patients // *Oncology Nursing Forum*. 2005. Vol. 32, № 1. P. 97–104.

2. *Florian V., Mikulincer M.* The impact of death-risk experiences and religiosity on the fear of personal death: The case of Israeli soldiers in Lebanon // *Omega*. 1992–93. Vol. 26, № 2. P. 101–111.

3. *Latha K. S., Sahana M., Mariella D., Subbannayya K., Asha K.* Factors related to life satisfaction, meaning of life, religiosity and death anxiety in health care staff and students: A cross-sectional study from India // *Online Journal of Health Allied Sciences*. 2013. Vol. 12, № 2. P. 7. Available at URL: <http://www.ojhas.org/issue46/2013-2-7.html>.

4. *Malliarou M., Zyga S., Fradelos E., Sarafis P.* Measuring death attitude and burnout of Greek nursing personal // *American Journal of Nursing Science. Special Issue: Mental Health Care: Aspects, Challenges and Perspectives*. 2015. Vol. 4, № 2/1. P. 74–77.

5. *Гаврилова, Т. А.* Об адаптации опросника «Профиль аттитюдов по отношению к смерти – переработанный» (DAP-R), разработанного П. Т. П. Вонгом, Г. Т. Рикером и Дж. Гессер / Т. А. Гаврилова // *Теоретическая и экспериментальная психология*. – 2001. – Т. 4, № 1. – С. 46–57.

6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии, 2001. – 127 с.

7. Отношение к жизни и смерти у студентов медицинских, социальных и инженерных дисциплин / Чистопольская К. А., Ениколов С. Н., Игнатенко С. А. [и др.] // *Современные представления о психической норме и патологии : психологический, клинический и социальный аспекты* / под ред. Н. Л. Белопольской. – Москва : Когито-Центр, 2015. – С. 139–152.

8. *Фейфел, Г.* Смерть – релевантная переменная в психологии / Г. Фейфел // *Экзистенциальная психология* / под ред. Р. Мэя ; пер. М. Занадворова и Ю. Овчинниковой. – Москва : Апрель Пресс : ЭКСМО, 1999. – С. 49–58.

UDC 614.253.1/.4:[179.7+616-036.88]:2-184.3

**ATTITUDE OF DOCTORS AND
MEDICAL STUDENTS TO DEATH AND
EUTHANASIA DEPENDING ON THEIR
RELIGIOUS VIEWS AND INVOLVEMENT
IN RELIGIOUS LIFE**

Vasily N. Bondarenko

Master's Degree Theology Student
Program: Orthodox Theology and
Philosophy in Contemporary Discourse
Saint Tikhon's Orthodox University of
Humanities
E-mail: basyleus@rambler.ru

For citation: Bondarenko V. N. Attitude of doctors and medical students to death and euthanasia depending on their religious views and involvement in religious life // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 168–180. (in Russian)

Abstract

Based on information obtained from a questionnaire, this paper analyzes the attitude towards death and euthanasia among 120 medical students and practicing doctors. It was established that the respondents had almost no involvement in religious life. This contributes to shaping secular attitudes towards euthanasia, its acceptance, up to the willingness to assist in the performance of euthanasia. As a result, the author substantiates the necessity of teaching the courses Biomedical Ethics and Palliative Medicine in the Orthodox tradition.

Key words: Russian Orthodox Church; death; euthanasia; biomedical ethics.

References

1. *Dunn R. S., Otten C., Stevens E.* Nursing Experience and the Care of Dying Patients. *Oncology Nursing Forum*, 2005, vol. 32, no. 1, pp. 97–104.

2. *Florian V., Mikulincer M.* The Impact of Death-risk Experiences and Religiosity on the Fear of Personal Death. The Case of Israeli Soldiers in Lebanon. *Omega*, 1992–93, vol. 26, no. 2, pp. 101–111.

3. *Latha K. S., Sahana M., Mariella D., Subbannayya K., Asha K.* Factors Related to Life Satisfaction, Meaning of Life, Religiosity and Death Anxiety in Health Care Staff and Students. A Cross-sectional Study from India. *Online Journal of Health Allied Sciences*, 2013, vol. 12, no. 2, p. 7. Available at: <http://www.ojhas.org/issue46/2013-2-7.html>.

4. *Malliarou M., Zyga S., Fradelos E., Sarafis P.* Measuring Death Attitude and Burnout of Greek Nursing Personal. *American Journal of Nursing Science. Special Issue: Mental Health Care: Aspects, Challenges and Perspectives*, 2015, vol. 4, no. 2–1, pp. 74–77.

5. *Gavrilova, T. A.* Ob adaptatsii oprosnika «Profil` attit` yudov po otnosheniyu k smerti – pererabotannyyi» (DAP-R), razrabotannogo P. T. P. Vongom, G. T. Rikerom i Dzh. Gesser [On adaptation of the questionnaire of the Death Attitude Profile – Revised (DAP-R) developed by P. T. P. Wong, G. T. Riker and J. Gesser]. *Teoreticheskaya i eksperimental`naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2001, vol. 4, no. 1, pp. 46–57. (in Russian)

6. *Osnovy social`noi kontseptsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Moscow, Moscow Patriarchate Publ., 2001, 127 p. (in Russian)

7. *Chistopolskaya, K. A., Enikolopov, S. N., Ignatenko, S. A., Ozol, S. N., Semikin, G. I.* Otnoshenie k zhizni i smerti u studentov meditsinskikh, sotsial`nykh i inzhenernykh distsiplin [Attitudes towards life and death among students majoring in medical, social and engineering disciplines]. *Sovremennye predstavleniya o psikhicheskoi norme i patologii: Psikhologicheskii, klinicheskii i sotsial`nyi aspekty* [Modern ideas about mental norm and pathology: psychological, clinical and social aspects], Moscow, Kogito-Centr Publ., 2015, pp. 139–152. (in Russian)

8. *Feifel, G.* Smert' – relevantnaya peremennaya v psikhologii [Death is a relevant variable in psychology]. *Ekzistentsial`naya psikhologiya* [Existential Psychology], Moscow, 1999, pp. 49–58. (in Russian)

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 2-475; 81'42

ТЕМА КРЕСТОНОШЕНИЯ В ТВОРЕНИИ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА «ТРИ СЛОВА О НЕСЕНИИ КРЕСТА»

Грудинина Елена Валерьевна
кандидат филологических наук,
проректор по научной работе
Тамбовской духовной семинарии,
руководитель магистерской программы
48.04.01 «Теология», профиль
«Русская духовная словесность»
E-mail: evgrudinina@mail.ru

Для цитирования: Грудинина Е. В. Тема крестоношения в творении святителя Феофана Затворника «Три слова о несении креста» // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 182–193.

Аннотация

В статье произведен комплексный филолого-богословский анализ творения святителя Феофана Затворника «Три слова о несении Креста». Автор рассматривает жанрово-стилистические особенности текста, выявляет этимологические и культурно-исторические корни понятия «Крест» и соотносит его с классификацией крестов, представленной у святителя Феофана. В заключение сделан вывод о том, что в «Трех словах о несении креста» создано системное описание духовного пути человека как добровольного крестоношения, ведущего к осознанию и принятию Великой Жертвы Спасителя.

Ключевые слова: святитель Феофан Затворник; Крест Христов; крест внешний; крест внутренний; крест преданности в волю Божию; жанр слова.

«Три слова о несении креста» – маленькая богословская трилогия святителя Феофана Затворника, включающая наставления тамбовской пастве, в которых разъясняется не только одно из важнейших понятий христианской веры – крест, но и смысл человеческих страданий в земном мире, указывается путь достижения высшего состояния духовной жизни – полного предания себя воле Божией.

Слово как жанр духовной риторики позволяет автору свободно выстраивать линию рассуждения, соединяя в нем черты научно-богословского трактата и проповеди. Многие стилистические приемы, используемые святителем в гомилетических трудах и эпистолярных сочинениях, широко применяются им и в «Трех словах о несении креста».

Наиболее часто в анализируемых текстах встречаются риторические вопросы и восклицания, которые обычно составляют ряды по принципу градации. Так, в начале первого слова «Крест внешний» святитель Феофан размышляет над высказыванием апостола Павла, подчеркивая парадоксальность с обыденной, прагматичной точки зрения его суждения о похвалении Крестом Господним: «Как это святой апостол до такого дошел расположения, что ничем хвалиться не хотел, кроме Креста Христова? Крест всяко есть скорбь, теснота, уничижение; как же хвалиться им? <...> Почему же это так?» [7, с. 9]. Тот же прием применяет автор для демонстрации столь распространенного в миру вопроса о тяжести внешнего креста: «Но зачем, скажешь, у меня больше, а у другого меньше? Зачем меня тяготят беды, а другому во всем почти счастье? Я раздираюсь от скорби, а другой утешается?» [7, с. 12–13].

Характерной чертой стиля святителя Феофана является диалогическая форма изложения мысли (риторический вопрос – ответ), которая позволяет активизировать внимание слушателей (читателей). Данный метод используется автором прежде всего для назидания или утешения паствы. Например, выстраивая рассуждение о бедах и трудностях земной жизни, святитель увещевает духовных чад: «Найди, кто ликует всю жизнь? Сами цари нередко не спят ночи от туги сердца. Тебе тяжело теперь, а прежде разве не видел ты отрадных дней? Бог даст, и еще увидишь. Потерпи же!» [7, с. 13]. А в третьем слове «Крест преданности в волю Божию» святитель Феофан с помощью вопросно-ответных конструкций подает образ Самого Иисуса Христа как пример абсолютной преданности воле Божией: «Кто вознес на Крест Спасителя нашего? Сия преданность. В саду Гефсиманском молился Господь наш Иисус Христос, да мимо идет чаша; но решительное о сем определение изрек так: *обаце не якоже Аз хошу, но якоже Ты*. От слова Его: *Аз есмь*, падают пришедшие связать Его. Но потом они же вяжут Его. Почему? Потому что Он Сам Себя прежде связал преданностию воле Божией» [7, с. 27].

Широкое использование обращений, а также эмоционально и стилистически окрашенной церковнославянской лексики позволяет святителю установить тесный духовный контакт со слушателем (читателем): «Из многого малое сказав вам о внешних крестах, приглашаю вас, братие, в мудрости ходить, искупая время горести и скорбей благодушным, благодарным и покаянным терпением» [7, с. 16]. Для создания образа горнего мира, к которому необходимо стремиться каждой душе, автор прибегает к развернутым метафорам и аллегориям: «Хочешь добра себе – брось утехи, вступи на крестный путь покаяния, перегори в огне самораспинания, закались в слезах сокрушения сердечного, и станешь золото, или серебро, или камень драгоценное, и в свое время будешь взят Небесным Домовладыкою на украшение Его пресветлых и премирных чертогов» [7, с. 32]. Последние из названных приемов, несомненно, сближают стилистику гомилетических и богословских трудов святителя Феофана Затворника одновременно с художественной прозой и публицистикой.

Чертами научного стиля в «Трех словах о несении креста» являются строгая системность и внутренняя логика каждого произведения в отдельности и всей трилогии в целом. Святитель Феофан предваряет слова аннотациями, в которых кратко излагаются ключевые понятия и обозначаются аспекты проблем, раскрываемых в тексте. Вместе с тем для этих преамбул характерна стилистическая эклектичность, что обусловлено расчетом автора на восприятие слушателей и читателей различных возрастов и социальной принадлежности. Богословские выражения и понятия в «Трех словах о несении креста» («значение Креста Господня», «причастник спасительной силы», «борьба со страстями и похотями», «сораспятый Христу») соседствуют с разговорно-просторечными («горести и тяготы», «пагуба», «утешная жизнь»). Очевидно, что высокая, книжная лексика используется святителем для выражения духовной цели крестоношения – спасения души, а сниженная, разговорная – для иллюстрации противоположных ей греховных побуждений и земных привязанностей.

Аннотации по сути представляют собой гипертекст, каждое слово которого отсылает нас не только к определенному фрагменту слова, но и – через содержащиеся в этом тексте цитаты – к Священному Писанию и богатейшему святоотеческому наследию. Так, первое слово «Крест внешний» предваряет следующая аннотация:

«Объяснение значения Креста Господня и собственного креста каждого. Как каждый из нас становится причастником спасительной силы Креста Христова. Спасение – через крест. Как нести свой крест во спасение. Виды крестов. Почему на земле нет никого без горести и тяготы» [7, с. 9].

В приведенном гипертексте ключевыми понятиями выступают «Крест Господень (Христов)», «собственный (свой) крест», «спасение». Каждое из этих концептуальных понятий повторяется дважды, а их соотношение определяет основную линию рассуждения святителя Феофана.

Слово «крест» в русском языке относится к категории многозначных, и в различных словарях ключевая сема данного понятия объясняется по-разному. Так, например, в словаре В. И. Даля в основе толкования лежит предметное, материальное значение, а лишь затем автор указывает на связь данного понятия с христианством: «КРЕСТ м. крыж, две полосы или два бруска, один поперек другого; две черты напересечку одна другой. Крест бывает: прямой, косой (андреевский), равноконечный, длинный и пр. *Крест есть символ христианства*. По различию исповеданий, чтится крест *четырёхконечный, шестиконечный, осьмиконечный*, включая титла и подножие. По назначенью, различают крест *церковный, напрестольный, тельной* и пр. Крест *наперсный*, дается в награду священникам, и ордена зовут иногда *крестами*» [1, с. 161]. Примечательно, что Даль не акцентирует внимание в своем толковании на богословском понимании креста как орудия спасения человека, ограничиваясь лишь неопределенным выражением «символ христианства». В продолжении словарной статьи находим более близкие к христианству контексты, в которых употребляется слово «крест»: «*Сотворить, положить на себя крест*, знамение креста, перекреститься»; «*Нести крест свой*, судьбу свою, мирские бедствия»; «*С нами крестная сила!*» [1, с. 161]. Однако значения этих выражений даются наряду с другими фразеологическими оборотами и устойчивыми словосочетаниями, без раскрытия сопряженных с крестом понятий («сила», «знамение», «несение креста»), в связи с чем христианская этимология лексемы «крест» воспринимается как вторичная.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, напротив, на основе сравнительно-исторических лингвистических

исследований обосновывается прямая связь понятия «крест» с именем Христа: «Первонач. *kr̥stъ означало «Христос» и произошло из д.-в.-н.¹ krist, christ. Вероятно, затем появилось понятие «распятие» (лат. crucifixus), откуда и возникло значение «крест» [6, с. 374]. Примечательно, что далее Фасмер подчеркивает принципиальное отличие происхождения слова «крест» в русском языке от аналогичного понятия древневерхненемецкого языка: «Объяснение *kr̥stъ* из д.-в.-н. *chriuz* «крест» <...> недопустимо в фонетическом отношении. Крест русск. Церкви сохраняет в своей второй верхней перекладине реминисценцию о дощечке с надписью INRI «Иисус из Назарета, царь Иудейский» над главой распятого, тогда как нижняя косая перекладина символизирует подпорку для ног Христа» [6, с. 374]. Таким образом, автор этимологического словаря не только акцентирует внимание на глубоко христианском содержании понятия «крест» в русском языковом пространстве, но и напрямую связывает его с искупительной Жертвой Спасителя, принесенной за человечество.

В семантическом поле православного богословия «Крест» имеет фундаментальное значение, поскольку в нем неразрывно соединены все глубинные смыслы сотериологического учения. Неслучайно святитель Иоанн Златоуст раскрывал во взаимосвязи три образа-символа библейской истории: «Дева, дерево и смерть, эти знаки поражения, сделались знаками победы. Вместо Евы – Мария; вместо дерева познания добра и зла – дерево Креста; вместо смерти Адамовой – смерть Христова... Чем победил диавол, тем и сам побеждается. Чрез дерево поразил диавол Адама; чрез Крест преодолел диавола Христос; то дерево низвергло в ад, это же дерево и отшедших извлекло оттуда» [3, с. 452].

В творении «Три слова о несении креста» святитель Феофан Затворник раскрывает этимологически обоснованное толкование понятия «Крест», начиная свое рассуждение с призыва апостола Павла: «Мне же да не будет хвалиться, токмо о Кресте Господа нашего Иисуса Христа» (Гал. 6, 14). И далее подчеркивает, что богумудрые мужи «зрели в нем (в Кресте) вместо тесноты широту, вместо горести сладость, вместо уничижения величие, вместо бесчестия славу...» [7, с. 9–10].

¹ Древневерхненемецкий язык.

Подобное же пространственно-временное понимание Креста как знамения и символа распространения христианской веры находим и у преподобного Ефрема Сирина: «Крест освятил вселенную; он рассеял тьму и возвратил свет, он потребил заблуждение; он собрал народы от востока и запада, севера и юга, и соединил их любовью в единую Церковь, в единую веру, в единое крещение» [2, с. 478].

Таким образом, развернутая антитеза в рассуждении святителя Феофана раскрывается в контексте святоотеческого толкования. Так, например, оппозиция «теснота» – «широта» вводит внешнее, пространственное значение в концепт «Крест», переводя наше восприятие от конкретно-понятийного к абстрактно-ассоциативному уровню, на котором «крест» мыслится уже как жизненный путь, образ жизни, способ мировосприятия. И в этом смысле крестоношение понимается святыми отцами как проявление и результат действия в душе страха Господня: «Крест наш состоит в страхе Господнем. Поэтому как распятый не может двигаться, как бы ему хотелось, так и мы свою волю и желания должны направлять не к тому, что нам приятно и что льстит нашим похотям, но по закону Господа, с Которым мы сораспялись» [4, с. 44].

Разъясняя значение Креста и смысл принятия Жертвы Христовой, святитель Феофан вводит ассоциативное понятие «собственный (человеческий) крест» и описывает «механизм» взаимодействия этих двух понятий: «Каждый из нас становится причастным спасительной силы его <Креста> не иначе, как через свой собственный крест. Свой собственный каждого крест, когда соединяется с Крестом Христовым, силу и действие сего последнего переносит на нас, становится как бы каналом, через который из Креста Христова переливается на нас всякое даяние благо и всяк дар совершен» [7, с. 10]. Таким образом, святитель Феофан весьма точно и наглядно раскрывает сакральный смысл крестоношения.

В соответствии с классификацией, приведенной в первом из трех произведений цикла, автор выделяет три вида крестов: «**первый вид** – кресты внешние, слагающиеся из скорбей и бед и вообще из горькой участи земного пребывания; **второй** – кресты внутренние, рождающиеся из борьбы со страстями и похотями ради добродетели; **третий** – кресты духовно-благодатные, воз-

лагаемые совершенной преданностью в волю Божию» [7, с. 11]. Заголовки трех слов соответствуют названным видам крестов: «Крест внешний», «Крест внутренний», «Крест преданности в волю Божию».

Сущность истинного крестоношения заключается в добровольном сужении пространства жизненного пути человека, вплоть до «пригвождения» своей воли к Кресту Господню с целью победы над страстями и пороками. Святитель Феофан именуется «крестом внутренним» именно духовную брань: «Как сия борьба трудна, прискорбна и болезненна, то она есть воистину крест, внутри нас водруженный» [7, с. 19]. И далее автор, утверждая спасительный характер боли, которую испытывает пригвожденный к внутреннему кресту человек, проводит аналогию между страстями, просшими в душе, и полипом, пустившим корни в теле: «Не вырежешь – не исцелеешь, а стань вырезать – больно. Пусть больно, но сия боль здоровье возвращает. А оставь, не вырезывай, тоже больно будет, только боль сия не к здоровью, а к усилению болезни, может, даже к смерти. <...> Так и борьба со страстями или искоренение их – болезненны, зато спасительны» [7, с. 19].

Несмотря на трудность и боль, неизбежные при несении внутреннего креста, святитель Феофан подчеркивает: «Свет, покой и радость зарождаются с самого начала вступления в борьбу сию, и все растут и возвышаются, пока в конце не завершатся мирным устройством сердца, в котором почивает Бог» [7, с. 23]. Данное утверждение вполне согласуется со словами Самого Господа нашего Иисуса Христа: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 22); «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8, 34); «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим, ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11, 29–30).

Преображение тяжести крестоношения в «иго благое» и «бремя легкое» происходит по мере очищения сердца от страстей и пороков, когда пространство его расширяется, становясь способным вместить Бога. Таким образом, в рассуждении святителя Феофана внешнее и внутренне пространство коррелируют посредством образа Креста, который «есть древо жизни. Райское древо жизни осталось в раю; на земле вместо него водружено древо Креста. Цель же и этого одна: вкусит человек и жив будет» [7, с. 23]. Тем самым

святитель Феофан Затворник детально раскрывает приведенную выше мысль святителя Иоанна Златоуста.

Обращаясь к третьему слову «Крест преданности в волю Божию», нельзя не вспомнить высказывание преподобного Исаака Сирина: «Есть два способа взойти на крест: один – распятие тела, а другой – восхождение в созерцание. Первый бывает следствием освобождения от страстей, а второй – следствием действительности дел духа» [5, с. 413]. Словно продолжая мысль преподобного Исаака Сирина, автор слова в преамбуле утверждает: «Сораспятый Христу перестал жить сам, но стал жить в нем Христос» [7, с. 26], а потому на крест преданности воле Божией «восходят уже совершенные христиане» [7, с. 26]. У таких людей весь внешний мир тускнеет и поглощается жизнью духовной. Это состояние святитель Феофан считает лучшим приготовлением к жизни вечной: «Это верх совершенства христианского, до которого только способен достигнуть человек. Он есть предначатие будущего состояния по воскресении, когда *Бог будет всяческая во всех*» (1 Кор. 15, 28) [7, с. 28].

Вместе с тем святитель Феофан подчеркивает, что все удостоившиеся достигнуть высоты духовной «нередко состоят в противоречии со всеми порядками земного пребывания и – или терпят гонения и муки, или становятся и почитаются юродивыми, или удаляются в пустыни» [7, с. 28], поскольку воля Божия «одна качествует и действует в них с отрицанием всяких своеличных усмотрений и действий» [7, с. 29]. Результатом предания в волю Божию, по святителю Феофану, является двунаправленный процесс: с одной стороны, «погружение в Боге» сораспятой Христу души, а с другой, – сокровенное, внутреннее хранение Бога в себе: «...Все совершается внутри, незримо для людей и ведомо только совести и Богу. Внешне тут ничего. Оно есть, конечно, приличная оболочка, но не решительный свидетель и тем менее производитель внутреннего» [7, с. 29–30].

Рассуждая о несении креста, святитель именует свою паству «крестоносцами». В данное определение он вкладывает совершенно новый смысл, принципиально отличающийся от привычного всем значения этого слова. Если в традиционном восприятии крестоносец – это средневековый европейский рыцарь, участник крестового похода, изобразивший на одежде крест как символ своей

веры, то в контексте творения святителя Феофана это православный христианин, запечатлевший Крест Господень в собственной душе, что вполне согласуется с приведенным выше тезисом о превалировании внутреннего над внешним в духовной жизни.

Подводя итог рассуждению о несении креста, святитель Феофан Затворник предлагает каждому человеку обратить свой мысленный взор к Голгофе как символу страдания и вселенской скорби. Он призывает «примерить к себе» кресты, возвышающиеся на этой горе, чтобы осознанно выбрать путь соединения со Христом. Представленные им архетипы «крестоносцев» являются ярким заключительным аккордом, выражающим авторскую идею. В соответствии с приведенной ранее классификацией святитель указывает на три образа спасительного крестоношения. Первый из них – Симон Киринейский, несший Крест Господа, – образ принятия внешнего креста. Второй – благоразумный разбойник – символ борьбы со страстями, то есть внутреннего креста. Третий – сам Господь Иисус Христос – символ «мужей совершенных, распявшихся в богопреданности» [7, с. 30]. Четвертый образ – злого разбойника – пример порабощения страстям, которые «мучают, терзают, распинают на смерть, не давая никакой отрады и никакой благой надежды» [7, с. 30].

Таким образом, в творении святителя Феофана Затворника «Три слова о несении креста» создано системное описание духовного пути человека как добровольного крестоношения, ведущего к осознанию и принятию Великой Жертвы Спасителя. Вершиной этого земного пути является восхождение «на крест преданности в волю Божию» – совершенное состояние пребывания в Боге, при котором внешний мир не способен оказывать определяющее влияние на человека. Именно такое духовное пребывание святитель Феофан называет «предначатием будущего состояния по воскресении» [7, с. 28].

Эклектичность языка произведения, сочетающего черты научно-богословского, публицистического и разговорного стилей, позволяет передать глубину мысли, сердечное переживание автора о спасении паствы и высоту его духовных устремлений.

Список литературы

1. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2 / В. И. Даль. – Москва : Олма-Пресс : ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2014. – 669 с.
2. *Ефрем Сирин, прп.* Слово о всеобщем Воскресении, о покаянии и любви, о втором Пришествии Господа нашего Иисуса Христа / преподобный Ефрем Сирин // Творения : полн. собр. : в 4 т. – Репр. изд. – Единец : Единецко-Бричанская епархия, 2002. – Т. 1. – С. 476–486.
3. *Иоанн Златоуст, свт.* Беседа о кладбище и о Кресте Господа и Бога и Спасителя Иисуса Христа // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. В 12 т. – Почаев : Св.-Успен. Почаев. Лавра, 2005. – Т. 2. – С. 449–455.
4. *Иоанн Кассиан Римлянин, прп.* Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина. – Репр. воспр. изд. 1892 г. – Москва : ТОО «ВНИПР», МЕДСИ ХХ, 1892. – 651 с.
5. *Исаак Сирин, прп.* Святого отца нашего Исаака Сирина слова духовно-подвижнические. – Репр. воспр. изд. 1854 г. – Козельск : Изд-во Св.-Введен. Оптиной Пустыни, 2004. – 480, 68, [8] с.
6. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – Москва : Прогресс, 1986. – 672 с.
7. *Феофан Затворник, свт.* Три слова о несении креста. Крест внешний / святитель Феофан Затворник // Простые истины сердца. Внутренняя жизнь. – Москва : Правило веры, 2013. – С. 9–32.

UDC 2-475; 81'42

THE THEME OF BEARING THE CROSS IN THE WORK BY SAINT THEOPHAN THE RECLUSE “THREE WORDS ON THE CROSS BEARING”

Elena V. Grudinina

PhD in Philology

Vice-rector for Research

Tambov Theological Seminary,

Head of the Master's Program in Theology

Specialization in Russian Spiritual

Literature

E-mail: evgrudinina@mail.ru

For citation: Grudinina E. V. The theme of bearing the cross in the work by Saint Theophan the Recluse “Three Words on the Cross Bearing” // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 182–193. (in Russian)

Abstract

The article contains a comprehensive philological and theological analysis of the writing by St. Theophan the Recluse “Three Words on the Cross Bearing.” The author examines the genre and stylistic features of the text, identifies the etymological and cultural-historical roots of the concept of “Cross” and correlates it with the classification of crosses presented by St. Theophan. In conclusion, the author claims that a system description of the spiritual path of a person as a voluntary bearing of the cross, leading to the realization and acceptance of the Great Sacrifice of the Savior, was created in “Three Words on the Cross Bearing.”

Keywords: Saint Theophan the Recluse; Cross of Christ; external cross; internal cross; cross of devotion to the will of God; word genre.

References

1. *Dal, V. I.* Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. [The explanatory dictionary of the living Great Russian language. In

4 vol.]. Moscow, Olma-Press, Krasny Proletary Publ., 2014, vol. 2, 669 p. (in Russian)

2. *Saint Ephrem the Syrian*. Slovo o vseobshchem Voskresenii, o pokayaniini lyubvi, o vtorom prishestvii Gospoda nashego Iisusa Khrista [A word about the universal Resurrection, about repentance and love, about the second coming of our Lord Jesus Christ]. Tvoreniya. Polnoe sobranie v 4 t. [Writings. Complete collection in 4 volumes]. Edinets, Diocese of Edinets-Brichansk Publ., 2002, vol. 1, pp. 476–486. (in Russian)

3. *Saint John Chrysostom*. Beseda o kladbishche i o Kreste Gospoda i Boga i Spasitelya Iisusa Khrista [Conversation about the cemetery and the Cross of the Lord and God and Savior Jesus Christ]. Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode, v 12 t. [Creations of our holy father John Chrysostom, archbishop of Constantinople, in Russian translation. In 12 volumes]. Pochaev, Holy Dormition Pochayiv Lavra Publ., 2005, pp. 449–455. (in Russian)

4. *Venerable John Cassian the Roman*. Pisaniya prepodobnogo ottsa nashego Ioanna Kassiana Rimlyanina [The writings of our venerable father John Cassian the Roman]. Moscow, VNIPR, MEDSI XX Publ., 1892, 651 p. (in Russian)

5. *Saint Isaac the Syrian*. Svyatogo ottsa nashego Isaaka Sirina slovo dukhovno-podvizhnycheskie [The words of our holy father Isaac the Syrian are spiritual and ascetic]. Kozelsk, St. Vvedensky Optina Pustyn Publ., 2004, 480, 68, [8] p. (in Russian)

6. *Fasmer, M.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t. [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes]. Moscow, Progress Publ., 1986, 672 p. (in Russian)

7. *Saint Theophan the Recluse*. Tri slova o nesenii kresta. Krest vneshnii [Three words about bearing the cross. External cross]. Prostye istiny serdtsa. Vnutrennyaya zhizn' [Simple truths of the heart. Inner life], Moscow, Rule of Faith Publ., 2013, pp. 9–32. (in Russian)

УДК 821.161.1

БОГОСЛУЖЕБНАЯ ПОЭТИКА ЛИРИКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ОПЫТ ИНТЕР- ТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Волкова Анна Геннадьевна
кандидат филологических наук,
проректор по научной работе,
доцент кафедры исторических
и церковно-практических дисциплин,
Калужской духовной семинарии
E-mail: kds-nauka@eparhia-kaluga.ru

Для цитирования: Волкова А. Г. Богослужебная поэтика лирики серебряного века: опыт интертекстуального анализа // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 194–206.

Аннотация

Статья посвящена анализу поэзии Серебряного века в контексте богослужебного языка. В ряде стихотворений А. Блока, И. Анненского прослеживается использование литургических (богослужебных) лексем и оборотов, которые не только имеют эстетическую функцию, но и являются средством выражения особых сакральных смыслов. Таким образом, происходит своеобразная сакрализация поэтического языка, что особенно ярко проявилось в лирике символистов.

Ключевые слова: Серебряный век; поэтика; интертекст; литургический контекст; богослужебная лексика; сакрализация.

Серебряный век в истории русской культуры характеризуется как неоднозначный период: с одной стороны, это время небывалого культурного подъема, с другой – время, в которое многие ощущали трагизм бытия, быстротечность человеческой жизни и хрупкость этого мира. Подобная бинарная оппозиция в мировоззрении представляет собой отличительную черту переходных эпох, когда “the time is out of joint” – «время вывихнуло сустав», по выражению Шекспира, устами Гамлета давшего определение таким периодам.

В литературоведении существует точка зрения, согласно которой русская литература строится на пасхальном архетипе, то есть на представлении о смерти и воскресении как о ключевых моментах истории человечества. В то же время указывается на изменение мировоззренческой доминанты в конце XIX – начале XX века, когда пасхальный архетип сменился архетипом рождественским: «Поэтика лирики Серебряного века... строится на стремлении преобразить этот мир, через пришествие в него Истины, Добра, Красоты, олицетворением которой является Христос; соответственно, сюжет Рождества выходит на первое место по сравнению с пасхальным сюжетом» [3, с. 115–116]. Отчасти такое утверждение справедливо; так, например, в лирике А. А. Блока используются не только рождественский сюжет, но и рождественские мотивы как принцип построения поэтики текстов. Однако поэтика лирических текстов сложнее – она не сводима только к какому-то одному доминирующему принципу и является как бы многослойной, то есть использует различные средства для выражения смыслов. Одним из таких «слоев» является литургический или богослужебный язык, или то, что в названии статьи было обозначено как «богослужебная поэтика». Анализ таких поэтических элементов возможен различными методами, в том числе методом интертекстуального анализа, который представляется здесь наиболее адекватным: интертекст – это пространство схождения всевозможных цитат, культурных кодов, «интертекстуальность понимается как свойство любого текста вступать в диалог с другими текстами» [6, с. 19]. В данном случае язык богослужения и вообще всего, что относится к богослужебной сфере, является как раз тем первичным текстом, на котором строится текст поэтический. Однако функция такого языка в поэзии не сводится только к эстетической: это есть выражение определенного мировоззрения.

Богослужебная поэтика лирических текстов Серебряного века проявляет себя двояко – эксплицитно и имплицитно. Эксплицитный способ проявления наиболее прост и представляет собой использование конкретных лексем, относящихся к семантическим полям «христианство», «храмовое пространство» и подобным:

Медленно в двери церковные
Шла я, душой несвободная...
Или в минуту безверия
Он мне послал облегчение?
Часто в церковные двери я
Ныне вхожу без сомнения.
Падают розы вечерние,
Падают тихо, медлительно.
Я же молюсь суевернее,
Плачу и каюсь мучительно (1901) [2, с. 41].

Это одно из тех стихотворений, в котором лирический герой явно отделен от автора (стихотворение написано от лица женщины) и в то же время соединяется с ним, так что в конце текста уже невозможно их различить: здесь действует то своеобразное «правило» субъектной организации текста, согласно которому точка зрения героев рассматривается «как ключ к ценностному миру их автора» [7, с. 18]. Субъектная организация этого стихотворения связана с его реальной основой – в воспоминаниях Л. Д. Блок содержится следующий фрагмент: «...почти машинально вошла в Казанский собор. Я не подошла к богатой и нарядной, в брильянтах, чудотворной иконе, залитой светом, а дальше – за колоннами – остановилась у другой, Казанской, в полутьме с двумя-тремя свечами, перед которой всегда было тихо и пусто. Я опустила на колени, еще плохо умея молиться... Пришли облегчающие, успокоительные слезы. <...> В сумерки октябрьского дня я шла по Невскому к собору и встретила Блока. Мы пошли рядом. Я рассказала, куда иду и как все это вышло. Позволила идти с собой. Мы сидели в стемневшем уже соборе на каменной скамье под окном, близ моей Казанской. То, что мы тут вместе, это было больше всякого объяснения» [2, с. 379]. Именно этот случай Блок описывает в стихотворении, и богослужебная лексика в этом случае – закономерное выразительное средство, средство передачи реальной обстановки. Подобное использование литургической поэтики для Блока скорее исключение, чем правило, так как в других стихотворениях ее функция уже не просто изобразительная, а иная – сакрализирующая.

В раннем цикле «Ante lucem» (1898–1900) богослужебная поэтика как раз выполняет такую функцию – сакрализирует язык

любовной лирики. Так происходит, например, в стихотворении «*Servus – Reginae*»:

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой – слуга; порою – милый;
И вечно раб (1899) [2, с. 27].

Здесь мы видим пример того, как сакральный язык становится языком любовной поэзии особой традиции, унаследованной Блоком от Данте и Петрарки, а если смотреть еще далее – от поэзии европейских трубадуров, воспевавших возлюбленную подобно Деве Марии. Стихотворение «*Servus – Reginae*», таким образом, представляет собой образец не философско-мистической, а интимной лирики: с одной стороны, Блок использует слова религиозной семантики, начиная уже с названия, отсылающего к католической традиции именованной Пресвятой Девы (*Regina*, не зря поэт оставляет именно латинское название), – *храм, склонюсь главою, раб*. Однако с другой стороны лирический герой – это герой влюбленный, на что указывают слова и словосочетания *к твоим ногам, мгновенные свиданья, вновь желать, твоих страстей подвержен силой, милый*. Опыт общения с возлюбленной дискретен, подобно опыту общения с Божеством, иногда этот опыт невозможен и превращается в ожидание. Так, в цикле «*Стихи о Прекрасной Даме*», поэтически и содержательно продолжающем первый цикл «*Ante lucem*», ряд стихотворений посвящен как раз такому ожиданию явления возлюбленной, которая наделяется неземными чертами через употребление богослужебной лексики:

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятн колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив – и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятн колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен – я жду твоих шагов (1902) [2, с. 45].

Хронотоп этого лирического текста полностью строится на литургической поэтике: локусом присутствия лирического героя и явления героини предстает храмовое пространство (*колокольный зов, церковные ступени, камень, одетый святостью веков, у строгих образов*); в этом пространстве ожидается встреча (*я озарен – я жду твоих шагов*), но в сакральном пространстве храма встреча может произойти только с тем, нездешним миром. Лирический герой находится на границе двух миров – между бытом (здесь) и бытием (там), и это пограничное состояние, типичное для романтической и символистской поэтики, выражается в стихотворном тексте при помощи особой, литургической лексики.

В другом стихотворении лирический герой сам находится в сакральном храмовом пространстве и так же ожидает прихода возлюбленной:

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу,
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.

Люблю вечернее моление
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрежжит брачная заря (1902) [2, с. 51–52].

Этому стихотворению предпослан эпиграф из Евангелия от Иоанна: «Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха» (Ин. 3:29). Эпиграф является одним из эксплицитных вариантов интертекстуальности: «эпиграф, с одной стороны, выявляет интенцию автора, с другой – формирует пресуппозицию читателя, создает прагматические условия понимания текста как метатекста» [6, с. 151]. Таким образом, здесь эпиграф определяет религиозную направленность: стихотворение есть опять же образец интимной лирики Блока, где профанная, земная любовь возрастает до любви сакральной, что на семантическом уровне выражается через богослужебную лексику: *отрок, свечи, огонь кадилный, вечернее моление, белая церковь, церковная ограда, жених сойдет из алтаря*. Последняя строфа как раз является отголоском эпиграфа, поднимая стихотворение от любовной лирики к лирике религиозной:

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрежжит брачная заря.

Если на протяжении всего стихотворения лирический герой ждал «тайной красоты», то здесь читатель возвращается к эпиграфу, что придает поэтическому тексту эсхатологическое звучание.

Два ранних цикла Блока строятся на литургической поэтике: культ Вечной Женственности, который поэт развивает вслед за Вл. Соловьевым, выражается в поэтических текстах именно через богослужебную лексику и богослужебные мотивы (образы,

сюжеты). Однако следует отметить, что здесь имеет место двоякий процесс: с одной стороны, за счет контаминации с литургическим языком происходит сакрализация языка поэтического; с другой стороны, этот литургический язык сам десакрализуется, становясь языком любовной лирики, потому что Прекрасная Дама – это все же образ возлюбленной, хотя и возведенный практически до Богородицы. Здесь Блок следует европейской традиции почитания Девы Марии: «культ [Девы Марии] был окрашен эротически; платоническая любовь к «Царице» <...> была скорее «рыцарской», чем «монашеской», в ней было больше страстного влечения» [4, с. 394].

Лирика А. Блока является наиболее показательной в анализе богослужебной поэтики, так как именно Блок совершил в поэтическом языке тот двойной процесс, о котором шла речь выше: в его поэзии, особенно первого периода «трилогии вочеловечения», через литургическую поэтику произошла сакрализация языка любовной лирики, перешедшей из сферы быта в сферу бытия. Обратная сторона этой сакрализации – это переход богослужебной лексики, поэтики в план любовной лирики (то, что ранее было названо десакрализацией языка). В поэзии других представителей Серебряного века богослужебная лексика, сюжеты, мотивы выполняют скорее функцию ситуационную, функцию обрамления, подобно тому, как в стихотворении Блока «Медленно в двери церковные...». Так, в «Трилистниках» И. Ф. Анненского есть сонет «Перед панихидой»:

Два дня здесь шепчут: прям и нем
 Все тот же гость в дому,
 И вянут космы хризантем
 В удушливом дыму.

Гляжу и мыслю: мир ему,
 Но нам-то, нам-то всем,
 Иль люк в ту смрадную тюрьму
 Захлопнулся совсем?

«Ах! Что мертвец! Но дочь, вдова...»
 Слова, слова, слова.
 Лишь Ужас в белых зеркалах

Здесь молит и поет
И с поясным поклоном Страх
Нам свечи раздает [1, с. 155].

Название уже отсылает к церковной жизни, как и слова и выражения богослужебной лексики (*мир ему, молит и поет, с поясным поклоном, свечи*). Функция литургической поэтики здесь – ситуационная, и через эту ситуацию Анненский передает ощущение безвыходности и тоски, столь свойственное его лирике.

Помимо символистов, стоит также упомянуть некоторые стихотворения Марины Цветаевой, широко использовавшей богослужебные языковые элементы. Показательно, что стихотворение «Ты проходишь на Запад Солнца», посвященное А. Блоку, полностью построено на литургической поэтике, точнее – на одном из богослужебных песнопений. Тем самым Цветаева поэтически почувствовала, что символист Блок как раз был близок богослужебному языку. Для понимания поэтики стихотворения и его интертекстуальных переключек необходимо привести текст целиком:

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель замечает след.

Мимо окон моих – бесстрастный –
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою – не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
 Опущусь на колени в снег,
 И во имя твое святое
 Поцелую вечерний снег –

Там, где поступью величавой
 Ты прошел в гробовой тиши,
 Свете тихий – святыя славы –
 Вседержитель моей души [9, с. 102–103].

Среди исследователей существует точка зрения, что стихотворение Цветаевой, на первый взгляд, совсем не напоминает читателю о первоисточнике – церковном песнопении «Свете Тихий»: «Стихотворение настолько непосредственно и первично, что его прообраз – «Вечерняя песнь Сыну Божию священномученика Афиногена» – звучит даже неожиданно» [8, с. 419]. Действительно, первичным текстом служит один из древнейших образцов церковной гимнографии, однако Цветаева разворачивает первичный текст, превращая его из хвалебной песни Господу в признание в любви Блоку. Литургическая поэтика здесь обусловлена первоисточником: *Божий праведник, Свете тихий, восковой святой лик, во имя твое святое, святыя славы, вседержитель* – все эти лексемы отсылают не только к гимну «Свете Тихий», но и к молитве «Отче наш», и к церковной поэтике вообще, так как Цветаева местами сохраняет еще и морфологическую церковнославянскую форму слов. Образ, создаваемый Цветаевой, обладает чертами возвышенности: *бесстрастный, Божий праведник мой прекрасный, восковой святой лик, имя святое, поступью величавой, вседержитель моей души*. Однако этот образ лишен момента мистического, подобного тому, который присутствует в блоковских циклах «Ante lucem» и «Стихи о Прекрасной Даме». У Блока литургический язык скорее сакрализует любовное чувство, хотя иногда происходит и его десакрализация, и у Цветаевой происходит то же самое, однако без тени мистики или присутствия нездешнего мира – Цветаева говорит именно об этом мире и о Блоке как о своем возлюбленном, который, хотя и свят для нее, но тем не менее является вполне земным человеком: «Стихи к Блоку» – это «разговор с божеством. Но в них нет и тени мистики: Цветаева была ей абсолютно чужда. Нет в них и религиозности: напротив, Цветаевой

всегда была присуща внерелигиозность... Молитвенная форма служит ей лишь для вящей убедительности выражения чувства любви и желания «покаяться» [8, с. 421].

Таким образом, даже из проведенного краткого анализа видно, что литургическая, богослужебная поэтика становится культурным кодом для рецепции прежде всего поэзии символистов, попытавшихся запечатлеть явления нездешнего бытия и чувствование этого бытия в мире бытовом средствами поэтического языка. Разделяя, подобно платоникам, любовь на профанную и сакральную, русский символизм в лице А. Блока меняет язык любовной лирики, сакрализуя его за счет использования богослужебной лексики, литургических мотивов и сюжетов, следуя тем самым скорее не за французским символизмом, по праву считающимся предтечей русского символизма, а за петраркистской традицией, черпавшей вдохновение в любовно-мистической поэзии Средневековой Европы.

За пределами статьи остались стихотворения С. Есенина, в которых литургическая поэтика имела иное значение и функцию, отличную от той сакрализации, которая была столь свойственна символистской поэзии, – это предмет отдельного исследования, так как в поэзии Есенина (особенно ранней) осуществился синкретизм языческой и православной традиций, чуждый поэтике символизма. Также необходимо упомянуть А. Ахматову, анализ поэтических произведений которой с точки зрения поэтики молитвы, литургической поэтики также является темой другой работы. В пределах данной небольшой статьи была предпринята попытка показать, что язык, в том числе язык поэтический, является не только средством выражения смыслов, но и способом конструирования действительности, способом и модусом бытия: «Язык в бытийственном срезе не есть только грамматическая система, не есть способ коммуникации... Язык есть способ бытия» [5, с. 568].

Список литературы

1. *Анненский, И. Ф.* Кипарисовый ларец / И. Ф. Анненский. – Москва : Книга и бизнес, 1992. – 365 с.
2. *Блок, А. А.* Стихотворения и поэмы / А. А. Блок. – Москва : Худож. лит., 1984. – 414 с.

3. *Волкова, А. Г.* Рождественский архетип в русской поэзии XX века / А. Г. Волкова // Славянская культура : истоки, традиции, взаимодействие : XX Кирилло-Мефодиевские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (в рамках Междунар. Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур), Москва, 22–24 мая 2019 г. – Москва : Гос. Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 115–119.

4. *Гайденок, П. П.* Вл. Соловьев и философия Серебряного века / П. П. Гайденок. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – 472 с.

5. *Кребель, И. А.* Мифопоэтика Серебряного века / И. А. Кребель. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. – 592 с.

6. *Кузьмина, Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. / Н. А. Кузьмина. – Москва : КомКнига, 2007. – 272 с.

7. *Меерсон, О.* Персонализм как поэтика : литературный мир глазами его обитателей / О. Меерсон. – Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2009. – 432 с.

8. *Саакянц, А.* Марина Цветаева об Александре Блоке / А. Саакянц // В мире Блока : сб. статей. – Москва : Современ. писатель, 1981. – С. 415–425.

9. *Цветаева, М. И.* Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. / М. И. Цветаева. – Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2008. – 1214 с.

UDC 821.161.1

LITURGICAL POETICS OF RUSSIAN SILVER AGE: EXPERIENCE OF INTERTEXTUAL ANALYSIS

Anna G. Volkova
PhD in Philology
Associate Professor
Chair of History and Church Sciences
Vice-rector for Research
Kaluga Theological Seminary
E-mail: kds-nauka@eparhia-kaluga.ru

For citation: Volkova A. G. Liturgical poetics of Russian Silver Age: experience of intertextual analysis // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 194–206. (in Russian)

Abstract

The main point of this article is to study poetry of Russian Silver Age in the context of liturgical language. In some poems by A. Blok, I. Annensky one can find use of liturgical words and word combinations that not only have an aesthetic function but also appear as a means of expressing specific sacral meanings. So there is a sacralization of the poetical language, and it was strongly expressed in symbolists' poetry.

Keywords: poetics; Silver Age; intertext; liturgical context; liturgical lexis; sacralization.

References

1. *Annenskyi, I. F.* Kiparisovyi larets [Cypress box]. Moscow, Books and Business Publ., 1992, 365 p. (in Russian)
2. *Blok, A. A.* Stikhotvoreniya i poemy [Poems]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1984, 414 p. (in Russian).
3. *Volkova, A. G.* Rozhdestvenskiy arkhetyp v russkoi poezii XX veka [Christmas archetype in Russian poetry of the 20th century]. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoy konferentsii "Slavyanskaya kultura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie"

[Proceedings of the International scientific and practical conference “Slavic Culture: Origin, Traditions, Interaction”], 2019, pp. 115–119. (in Russian)

4. *Gaidenko, P. P.* VI. Solovyev i filosofia Serebryanogo veka [VI. Solovyev and the philosophy of the Silver Age]. Moscow, Progress-Traditsia Publ., 2001, 472 p. (in Russian)

5. *Krebel, I. A.* Mifopoetika Serebryanogo veka [The Mythopoetics of the Silver Age]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2010, 592 p. (in Russian)

6. *Kuzmina, N. A.* Intertekst i ego rol' v protsessakh evolutsii poeticheskogo yazyka [Intertext and its role in the evolution of the poetical language]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 272 p. (in Russian)

7. *Meerson, O.* Personalism kak poetika: Literaturnyi mir glazami ego obitatelei [Personalism as a poetics: the world of literature seen by its inhabitants]. Saint Petersburg, Pushkinskii dom Publ., 2009, 432 p. (in Russian)

8. *Saakyants, A.* Marina Tsvetayeva ob Aleksandre Bloke [Marina Tsvetayeva about Alexander Blok]. Sbornik statei “V mire Bloka” [Collection of articles “In the World of Blok”], Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1981, pp. 415–425. (in Russian)

9. *Tsvetayeva, M. I.* Polnoye sobranie poezii, prozy, dramaturgii v odnom tome [Complete works of poetry, prose and dramas in one volume]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2008, 1214 p. (in Russian)

УДК 304.444; 81.139

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ

Безукладова Ирина Юрьевна

доктор филологических наук, доцент,
директор Департамента международных
связей ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г. Р. Державина»,
доцент кафедры филологии
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: ibesukladova@yahoo.com

Для цитирования: Безукладова И. Ю. К вопросу о формировании языковой идентичности в немецком лингвокультурном сообществе // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 207–218.

Аннотация

В статье показана роль таких экстралингвистических факторов формирования лингвистической идентичности, как: картина мира, социальные роли и стереотипы. На языковом материале показаны особенности самоидентификации немецкой языковой личности и специфика языковой категоризации социального пространства немецкоговорящих стран и общеевропейской сферы. Понятие европейской идентичности рассматривается как социальный конструкт, имеющий отношение как к личной, так и к коллективной идентичности.

Ключевые слова: идентичность; языковая идентичность; индивидуум; стереотип; социальные роли; языковая личность.

Изучение принципов формирования языковой идентичности и особенностей репрезентации межличностных и социальных отношений в языке показывает необходимость учета таких экстралингвистических факторов, соотносящихся с личностными, социальными, психологическими и национальными характеристиками

человека, как идентичность, самоидентификация, стереотипы и социальные роли.

Индивидуум познает мир, себя и других, приспосабливается к окружающей его среде, осознает и конструирует свою идентичность в процессе социализации, основным звеном которой правомерно рассматривается процесс коммуникации. Согласно теории М. Вебера, идентичность раскрывается только во взаимодействии индивидуального, социального начал и мира вещей, что возможно представить в виде семиотического треугольника „Ich” – „Wir” – „Es” [3]. В процессе социальной интеракции человек узнает и осваивает определенный набор «инструкций», на основании которых он строит свои отношения с окружающими людьми, с миром вещей, натурфактов и событий. На наш взгляд, в данном случае правомерно говорить о наличии неких векторов, направляющих мышление каждого члена конкретного национально-культурного сообщества в соответствии с определенным набором стереотипных установок – правил существования индивидуума в социуме, позволяющих ему выстраивать адекватную поведенческую модель.

Под социальной идентичностью традиционно понимается «характеристика индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности, группе (возрастной, гендерной, экономической, этнической, профессиональной и так далее)» [8]. С точки зрения психологии под социальной идентичностью понимается «один из процессов социальной идентификации, который состоит в том, что по мере того как внутри группы отношения все более стабилизируются, идентификация ее членов становится более деперсонализированной, индивидуальные свойства становятся психологически менее важными, чем общие групповые свойства. Социальная идентичность организует социальный мир в группы и определяет самого человека как члена одних групп, но не других» [7]. Процессы социализации приводят, таким образом, к тому, что индивидуум начинает осознавать себя в качестве личности, способной действовать в определенном обществе и соответствовать его требованиям.

Исследования в рамках социологии, когнитивной и социальной психологии показывают, что при формировании идентичности решающими факторами являются осознание собственной принадлежности к определенному социальному образованию, к

определенной религии, этносу, а также семейное, материальное положение, пол, возраст, воспитание, политическая ориентация и т. д. Следовательно, социальная идентичность предполагает идентификацию с людьми определенного этноса, религии, профессии и социального/социоэкономического статуса.

Становление *лингвистической идентичности* занимает центральное место в процессе социализации и формирования идентичности. Как следствие, человек воспринимает и усваивает определенные правила, в том числе правила языкового поведения, проецируя воспринимаемое на освоенные им образцы, или схемы. В процессе социализации индивидуум овладевает знаниями, в том числе знаниями об особенностях членения окружающего мира на свое и чужое, принятых в конкретном лингво- и социокультурном сообществе. Этот процесс сопоставим с процессом знакомства ребенка со своим окружением, постижением правил и норм поведения, с той лишь разницей, что ребенка направляют и исправляют взрослые, а на взрослого человека воздействует окружающий мир как источник определенного постоянного социального и межличностного контроля.

Солидаризируясь с Б. Бернштейном, отметим, что социальные отношения как переплетение интерактивного и социального взаимодействия индивидуумов и групп возможно рассматривать и как языковые отношения, так как ощущение общности, сопричастности („das Wir-Gefühl” в терминологии Б. Бернштейна [1]), т. е. чувство принадлежности к определенной группе выражается прежде всего при помощи языковых единиц различных уровней.

Еще в первой половине прошлого века в рамках символического интеракционализма был предложен тезис о том, что человек живет не только в его природном (естественном) мире, но и в мире символическом (*in einer symbolisch vermittelten Umwelt*) [11, с. 216]. Язык, по мнению Г. Мида, относится к символам, которые усваиваются человеком. Более того, язык позиционируется ученым как самая рафинированная символическая система, как «основа идентичности и мышления общественного субъекта» [11, с. 420]. Последние исследования в области когнитивной психологии показывают, что провести четкую границу между нашей собственной идентичностью и идентичностью других людей невозможно, поскольку идентичность отдельного субъекта существует и при-

существует в его опыте только при условии существования идентичности других людей, которая в определенной степени также присутствует в опыте данного субъекта.

Таким образом, отдельно взятый человек обладает идентичностью только при условии осознания им идентичностей других членов той или иной общественной группы. Размышляя о структуре идентичности отдельного индивидуума, Г. Мид отмечает, что она отражает общепринятый образец поведения его общественной группы, равно как и структуру идентичности каждого другого члена этой общественной группы и выделяет **общественную сторону индивидуума и сторону индивидуальной спонтанности** [11, с. 206] (выделено нами, И. Б.). Это означает, что выражаемая в языке идентичность некоего индивидуума постоянно проявляется и в языке других представителей определенного лингвокультурного сообщества, других членов общественной группы, т. е. тех индивидуальностей, которые в процессе коммуникации взаимодействуют с его опытом осознания собственной идентичности.

С помощью символических систем индивидуум учится принимать на себя роли других: он не только осознает свою идентичность, но и начинает видеть себя со стороны, с позиций других интерактантов, и тем самым учится соответствовать ожидаемому от него со стороны социального окружения выполнению ролей. Следовательно, становление социальной идентичности – это процесс, в котором сбалансированы как *импульсы селективной индивидуальной спонтанности*, так и *импульсы ожидаемого общественного поведения*: индивидуум воспринимает некие образцы и действует в соответствии с этими образцами, каждый раз интерпретируя контекст.

Селективное восприятие информации из внешнего мира приводит к образованию определенного набора стереотипов и клише. Х. Буссманн рассматривает стереотип как когнитивную категорию «для обозначения специфических для той или иной группы усиленных эмоционально, в основном неосознанно, укоренившихся предубеждений и представлений» [2, с. 65]. Мы предлагаем рассматривать стереотипы как *генерализованные ментальные категории*, осознавая при этом, что при генерализации («идеальный говорящий – слушающий» Н. Хомского; «идеальная женщина», «идеальный мужчина» и т. д.) из поля зрения выпадает ряд релевантных качеств и признаков.

Важным экстралингвистическим фактором формирования идентичности и языковой идентичности являются социальные роли как различные формы принятого общественного поведения человека. Под ролью в социологии и психологии понимается нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию [9, 23]. В процессе социализации человек усваивает определенную систему социальных взаимосвязей и взаимоотношений, принятых в том или ином сообществе, в том числе лингвокультурном, сохраняя при этом свою идентичность.

Исследования показывают, что в различных языковых сообществах существует свое деление на роли и своя оценка этих ролей. Очевидно, что социальные роли могут быть обусловлены как постоянными социальными характеристиками индивидуума (гендером, религией, социальным положением, профессией), так и переменными характеристиками, которые зависят от определенной ситуации (роль покупателя, пассажира, пациента, попутчика и так далее). Национально-культурная специфика языка проявляется в использовании различных языковых единиц, маркирующих соотношение постоянных и переменных (временных) ролей, выполняемых коммуникантами.

Языковой аспект проигрывания социальных ролей стал предметом исследования лингвистики со второй половины 20 века, а отношения между коммуникантами, обладающими определенными социальными ролями в момент осуществления коммуникации, стали выделяться в качестве одного из компонентов коммуникативной ситуации. Именно национально-культурное своеобразие конкретного языкового сообщества определяет особенности формирования концептуальной системы того или иного языка. Выступая как средство усвоения, хранения и передачи культурно-значимой информации, о чем писал еще В. фон Гумбольдт в своих тезисах об отражении в языке различных моделей видения мира и о языке как особом мировидении, язык является основополагающим фактором формирования картины мира того или иного языкового сообщества.

Биологические факторы, к основным из которых относятся физиологические, психологические и перцептивные особенности человека, влияют на специфику процессов восприятия, познания,

структурирования и конструирования себя и окружающего мира в языке. С другой стороны, исследования психологов, психофизиологов, социологов, антропологов и представителей ряда других областей научного знания свидетельствуют о том, что социальная среда накладывает свои ограничения на способы и особенности восприятия и структурирования человеком окружающего мира.

Солидаризируясь с Г. Х. Бриггом, отстаивающим версию о «психофизической идентичности» человека («Мы узнаем о происходящем в нашем мозге на основе смысла поведенческих реалий» [4, 110]), отметим, что смысл поведенческих реакций репрезентируется в том числе благодаря их языковому воплощению. Следовательно, если социальная идентичность является одним из компонентов идентификации, то *психофизическая идентичность представляет собой определенное ментальное состояние индивидуума*, «локализуемое» в его сознании и воплощающееся в языке.

Одним из оснований (само)идентификации является осознание человеком своей индивидуальности, своего *Я*, или своего *Эго*. С точки зрения психологии, *Эго*, или *Я*, рассматривается в качестве источника поведения и связующего центра личности в ее человеческом окружении. Представляется, что процесс осознания и интерпретация своего *Эго* возможен благодаря развитию индивидуума, его перманентному познанию собственных *телесно-духовно-душевных изменений* и осуществляется благодаря такому качеству человеческого сознания, как способность познавать внешний мир, мир духовный и собственное *Эго* в единстве. Данное положение коррелирует с идеей А. Ф. Лосева о необходимости рассмотрения антитезы *внутреннего* и *внешнего* для вычленения понятия *личности*: «поскольку личность есть самосознание, она есть всегда противопоставление себя всему внешнему, что не есть она сама» [10, 271]. Кроме того, *Я*, или *Эго*, представляет собой личность с присущими ей характеристиками и социально одобренными формами поведения.

Рассмотрим, каким образом немецкоязычная языковая личность конструирует социальное пространство своей страны и идентифицирует себя. В первом примере социальное пространство – страна как континуум *территория* и *общество* – категоризируется как *закрытое* пространство на основе осмысления характеристик *свой – чужой* (с одной стороны, *Deutschland als ein*

Einwanderungsland (Германия как страна для переселенцев. – Здесь и далее перевод мой, И. Б.); *freiheitliche, individualistische Grundwerte dieser Gesellschaft* (основные ценности свободы и индивидуализма этого общества), с другой – *Immigranten* (иммигранты):

Deutschland muss endlich ein Einwanderungsland werden. Auf der anderen Seite muss von den Immigranten gefordert werden, dass sie die freiheitlichen, individualistischen Grundwerte dieser Gesellschaft in vollem Umfang respektieren (МК) (Германия должна, наконец, стать страной для переселенцев. С другой стороны, от иммигрантов должно требоваться, чтобы они в полном объеме уважали основные ценности свободы и индивидуализма этого общества).

Используя номинации *diese Gesellschaft, dieses Land* (это общество, эта страна), индивидуум конструирует социальное пространство на основе интерпретации характеристик *дистанцированности* и *непринадлежности* (индивидуум и пространство категоризируются как *независимые сущности*). Только наличие других языковых маркеров и знание общего контекста позволяют говорить о включенности индивидуума в это *социальное пространство*. Подобная интерпретация типична для современного немецкого языка, в отличие, например, от русского, где такая дистанцированность имеет вполне конкретную прагматическую окраску (ср.: *в моей/нашей стране* и *в этой стране, в нашем обществе* и *в этом обществе*).

Социальное пространство страны концептуализируется и как разделяемое коллективное ментальное и физическое пространство на основе интерпретации отношений принадлежности (*unser Land, das Land unsere Väter, unser Volk*) (*наша страна, страна наших отцов, наш народ*):

Wenn wir die braune Schmach wirklich vom Angesicht unseres Volkes abgewaschen haben, dann erst könnten wir unseren Toten antworten: „Ihr seid nicht umsonst gestorben!“ (Wolf) (*Если мы действительно смыли коричневый позор с лица нашего народа, только тогда мы смогли бы ответить нашим мертвым: «Вы умерли не напрасно!»*);

Aber unser Volk hörte nicht auf seine Dichter, es hörte auf die gestiefelten Scharlatane (Weisenborn) (*Но наш народ не слушал своих поэтов, он слушал обутых в сапоги шарлатанов*);

Wie zeigt sich darin noch einmal schrecklich der Abgrund, der sich zwischen Deutschland, dem Land unserer Väter und Meister, und der gesitteten Welt aufgetan hatte (Th. Mann) (*Как ужасно проявляется в этом опять та пропасть, которая образовалась между Германией, страной наших отцов и художников, и цивилизованным миром*).

Подобные номинации, использовавшиеся в послевоенной Германии, позволяли концептуализировать социальное физическое и национально-культурное пространство как *коллективное разделяемое* пространство. Характеристика *принадлежности (человек – часть пространства)* передается в приведенных выше примерах при помощи притяжательного местоимения *unser*.

Анализ языкового материала показывает, что в настоящее время представители немецкого национально-культурного общества часто используют номинации типа *diese Gesellschaft, dieses Land* (*это общество, эта страна*), рассматривая их как нейтральные. Можно предположить, что такая дистанцированность (нулевой вектор принадлежности) позволяет немецкой языковой личности на языковом уровне проводить границу между своим *приватным пространством* и *пространством социальным*.

В качестве еще одного когнитивного основания для выбора подобного способа языковой категоризации социального пространства, с одной стороны, возможно рассматривать историческую память, в которой номинации типа *mein/unser Vaterland, mein/unser Land* (*мое/наше отечество, моя/наша страна*) ассоциируются с вполне конкретными событиями немецкой истории (примечательно, что такие номинации стали очень востребованы в последнее время в националистически настроенных кругах немецкого общества, например, в риторике Пегиды (движение «Патриотические европейцы против исламизации Запада» / Pegida „Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes“)). С другой стороны, процессы интеграции в единое европейское пространство также в определенной степени нивелируют значение понятия *Германия как родина*: немцы все больше идентифицируют себя как европейцы, демонстрируя определенную утрату этнической идентичности.

При категоризации *общеευропейской сферы* социального пространства человека важным является вопрос о европейской идентичности, под которой понимается чувство принадлежности граждан Европейского Союза к данному наднациональному образованию. Понятие европейской идентичности имеет отношение как к личной, в том числе культурной, социальной, так и к коллективной идентичности. Активная междисциплинарная полемика по проблематике европейской идентичности и интеграции позволила предложить научному сообществу такую трактовку, согласно которой идентичность европейцев рассматривается как некий социальный конструкт, в основании которого заложены общие историко-культурные корни, единая европейская история, равно как и приверженность общим политическим принципам (см. подробнее: [6]).

Европейские исследователи отмечают, что граждане ЕС вообще и граждане ФРГ и Австрии в частности считают для себя актуальной как национальную, так и европейскую идентичность (см., например: [5, 306]). В начале двухтысячных вопрос о приоритете одной из этих идентичностей решался индивидуально, однако уже тогда психологи, социальные психологи и социологи делали прогнозы о том, что в ближайшем будущем приоритеты могут быть расставлены в пользу европейской идентичности, что найдет свое отражение в языке. Спустя двадцать лет можно говорить о том, что они были правы, и в настоящее время подавляющее большинство граждан Германии и Австрии на вопрос *Wo kommen Sie her? (Откуда Вы?)* отвечают: *Ich komme aus EU, Ich bin Europäer etc. (Я из ЕС, Я европеец)*, а не *Ich komme aus Deutschland/Österreich, Ich bin Deutscher/Österreicher (Я из Германии/Австрии, Я немец/австриец* (при этом следует оговориться, что некоторым исключением можно считать людей старшего возраста). В данном случае налицо тенденция утраты этнической идентичности, последствия которой могут привести к тому, что сами понятия «немецкая культура», «немецкий характер», «душа немецкого народа» могут быть утрачены.

Таким образом, внешний и внутренний мир человека предстают только через призму культуры, неотъемлемой частью которой является язык, а индивидуум осознает себя *как социально способную к действию, интерактивно компетентную*

личность только в рамках коммуникации. Конструируя собственную идентичность, человек опирается на свой индивидуальный опыт межличностного и социального взаимодействия, в соответствии с которым он каждый раз заново конструирует картину мира на основе собственного субъективного восприятия действительности. Подобное конструирование осуществляется не только с опорой на актуальное личностно ориентированное восприятие действительности, окружающих его сущностей и отношений между ними, но и с учетом предшествующего субъективного опыта.

Список литературы

1. *Bernstein B.* Sprachliche Kodes und soziale Kontrolle. – Düsseldorf, 1975.
2. *Bußmann H.* Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart: Gustav Fischer Verlag, 2002.
3. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 2 Bde. – Köln, Berlin: Studienausgabe, 1964 [1921].
4. *Wright G. H. von.* On mind and matter // Journal of theoretical biology. – 1994. – Vol. 171. – Pp. 105–126.
5. *Eckert P., McConnel-Ginet S.* Language and Gender. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 366 p.
6. European Values and Identity // journals.sagepub.com. – URL: <http://the.sagepub.com//sgi/content/abstract/72/1/26> (дата обращения : 10.01.2015).
7. Идентичность психосоциальная // Gufo.me : [сайт] – URL: http://mirslovarei.com/content_psy/socialnaja-identichnost-2370.html (дата обращения : 15.09.2019).
8. Идентичность социальная // Gufo.me : [сайт]. – URL: http://mirslovarei.com/content_soc/identichnost-socialnaja-6435.html (дата обращения : 15.09.2019).
9. *Кон, М. С.* Социология личности / М. С. Кон. – Москва : Политиздат, 1967. – 383 с.
10. *Лосев, А. Ф.* Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Самое само : сочинения / А. Ф. Лосев. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 205–404.

11. *Mead G. H. Geist, Identität und Gesellschaft – aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. Mit Einleitung von Charles W. Morris. – Fr.a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1973 [1934].*

UDC 304.444; 81.139

ON THE FORMATION OF LANGUAGE IDENTITY IN THE GERMAN LINGUOCULTURAL COMMUNITY

Irina Yu. Bezukladova

Doctor of Philology, Associate Professor
Director

International Relations Department
Derzhavin Tambov State University
Associate Professor of Philology
Department

Tambov Theological Seminary

E-mail: ibesukladova@yahoo.com

For citation: Bezukladova I. Yu. On the formation of language identity in the German linguocultural community // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 207–218. (in Russian)

Abstract

The article shows the role of such extralinguistic factors in the formation of linguistic identity as a picture of the world, social roles and stereotypes. The linguistic material shows the features of self-identification of the German linguistic personality and the specifics of linguistic categorization of the social space in German-speaking countries and in the common European sphere. The concept of European identity is viewed as a social construct that relates to both personal and collective identity.

Keywords: identity; linguistic identity; individual; stereotype; social roles; linguistic personality

References

1. *Bernstein B. Sprachliche Kodes und soziale Kontrolle. Düsseldorf, 1975. (in German)*

2. *Bußmann H.* Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, Gustav Fischer Verlag, 2002. (in German)
3. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 2 Bde. Köln, Berlin, Studienausgabe, 1964 [1921]. (in German)
4. *Wright G. H. von.* On mind and matter. *Journal of Theoretical Biology*, 1994, vol. 171, pp. 105–126.
5. *Eckert P., Mc Connel-Ginet S.* Language and Gender. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 366 p.
6. European Values and Identity Available at: <http://the.sagepub.com//sgi/content/abstract/72/1/26> (Accessed 10.01.2015).
7. Identichnost' psichosotsial'naya [Psychosocial identity]. (in Russian). Available at: http://mirslouvrei.com/content_psy/socialnaja-identichnost-2370.html (Accessed: 15.09.2019).
8. [Social identity]. (in Russian). Available at: http://mirslouvrei.com/content_soc/identichnost-socialnaja-6435.html (Accessed: 15.09.2019).
9. *Kon, M. S.* Sotsiologiya lichnosti [Sociology of personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1967, 383 p. (in Russian)
10. *Losev, A. F.* Dialektika mifa [Dialectics of myth]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1999, pp. 205–404. (in Russian)
11. *Mead G. H.* Geist, Identität und Gesellschaft – aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. Mit Einleitung von Charles W. Morris. Fr.a.M., Fischer Taschenbuch Verlag, 1973 [1934]. (in German)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСПИТО	Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области
ГАТО	Государственный архив Тамбовской области
МАОУ	Муниципальное автономное образовательное учреждение
МГУКИ	Московский государственный университет культуры и искусств
ОПК	Основы православной культуры – модуль в составе учебной дисциплины ОРКСЭ
ОРКСЭ	Основы религиозных культур и светской этики – учебная дисциплина в средних общеобразовательных организациях
ПСТГУ	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
РГИА	Российский государственный исторический архив
СПбДА	Санкт-Петербургская духовная академия
СПДС	Саратовская православная духовная семинария
ТЕВ	«Тамбовские епархиальные ведомости» – официальное издание Тамбовской митрополии
ТОГБУК ТОКМ	Тамбовское областное государственное бюджетное учреждение культуры «Тамбовский областной краеведческий музей»
ФГБОУ ВО	Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования

Научный журнал
**БОГОСЛОВСКИЙ СБОРНИК
ТАМБОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**

№ 4 (13) 2020

Адрес издателя: г. Тамбов, ул. М. Горького, д. 3
(Казанский мужской монастырь)

Телефон 8 (4752) 55-92-72
E-mail: tdsnauka@yandex.ru;
www.tamds.ru

Компьютерная верстка – **Т.В. Подковырова**
Корректор – **Д.Б. Фокина**

Подписано в печать .11.2020 г. Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,74. Тираж 500 экз. Заказ № 825

Отпечатано в обществе с ограниченной ответственностью
«Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А
Тел. 8 (4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru
www.tps68.ru

ISSN 2687-072X

9 772687 072007 >

16+